

USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

Sophie Jordan

AVON
BOOKS

"SOPHIE JORDAN
IS ONE OF A KIND."
Samantha James

*SINS of
A WICKED
DUKE*

Она работает, чтобы жить...

Особняк Мэйфэйр, принадлежащий Доминику Хейлу — печально известному в Лондоне своей безнравственностью герцогу — было последним местом, где такая красотка, как Фэллон О`Рурк, могла бы сохранить свою честь. Однако Фэллон, вынужденная терпеть отвратительные домогательства с тех пор, как ее отец трагически погиб, пребывает там в абсолютной безопасности... под личиной лакея! Фэллон и представить себе не могла, что ее секрет может раскрыться под пристальным вниманием темноволосого дьявола с горящими синими глазами и греховной улыбкой. Но как долго может длиться ее обман, если вдруг она начинает мечтать о том, чтобы стать одной из бесконечного числа женщин, проходящих через спальню распутного негодяя? Он живет, чтобы грешить...

Большинство мужчин завидует герцогу, никогда не подозревая, что его сладострастный путь — отчаянная попытка спастись, но ненадолго, от боли прошлого, что сделало его сердце каменным. Только одна женщина может сломать его оборону. Только одна женщина может выиграть его любовь... если она раскроет свою тайну и уступит грехам безнравственного герцога.

Грехи распутного герцога

Слезы бежали холодными дорожками вниз по щекам Фэллон О`Рурк, но ни один звук не сорвался с ее оледеневших губ. Ни рыдание. Ни хныканье. Прошедшие две недели полностью лишили любого звукового проявления ее горя. Свернувшись в кровати на втором этаже Пенвичской школы для добродетельных девочек, она изо всех сил сдерживалась и сумела — таки не зарыдать.

Одно за другим вырывались из нее при дыхании белые облака холодного пара.

Дрожа, она глубже закуталась в изношенное одеяло, задаваясь вопросом, будет ли ей когда —нибудь снова тепло. Настанет ли когда —нибудь ночь, когда ее ноги не будут болеть от холода. О, Па!

— Т — с—с — с.

Фэллон подняла голову. Две девочки с наброшенными поверх тонких плеч одеялами присели в ногах ее кровати. Она узнала их. Не потому, что они настолько отличались от других девочек бледными лицами и накрахмаленными передниками, каждый день проходящие по коридору, а потому что они с любопытным интересом наблюдали за ней, начиная с первого дня ее прибытия. Их широко раскрытые, серьезные глаза следовали за ней всюду, в отличие от других девочек, которых, занятые только своими бедами, это не волновало.

И это были беды, страдания. Постоянное сражение с голодом, холодом... друг с другом.

Она села одновременно быстро и осторожно. Две старшие девочки и младшая, только вчера укравшие ее скудную порцию, испуганно подскочили.

Все же у нее не было ничего, что могло быть нужным этим девочкам. И в тринадцать ей было гораздо тяжелее, чем кому бы то еще здесь.

Темноволосая выглядела так, будто ее легко мог свалить ветер, воющий снаружи на торфяниках. Без сомнения, ее порции воровали намного чаще.

Фэллон подвинулась, опираясь на локти. Ее спина, сегодня горевшая всего от одного удара ремня мастера Броклехёрста в наказание за то, что не сняла с головы свой чепчик, напомнила о себе.

Еще несколько раз перенести такие избиения, и скоро она превратится в такое же жалкое существо, как эти сорок с лишним девочек, борющиеся за выживание в Пенвиче.

Увлажнив сухие губы, она проговорила.

— Да?

Старшая на вид из двух, возможно даже старше Фэллон, моргнула ярко — синими глазами — единственная краска на ее бледном лице.

— Мы не причиним тебе вреда, — она обошла кровать. — Идем с нами.

Может, это была доброта ее голоса... или просто то, что она вообще говорила в том месте, где никто не был расположен к общению, или ему не разрешалось говорить.

Плюнув на причину, Фэллон свесила ноги с кровати. Надев свои затасканные ботинки, она зашнуровала их и последовала за девочками, обходившими раскладушки спящих, вниз. Они крались через кухню, где около очага с догорающими, тлеющими угольками, громко храпя, спал повар. Фэллон сосредоточилась на спине младшей девочки, наблюдая за ритмичным движением ее темной косы, толстой, как рука человека, подпрыгивающей в такт шагам.

Порыв холодного ветра, резанувший по щекам, встретил Фэллон, когда она ступила наружу. Старшая девочка взяла руку своей компаньонки и протянула другую Фэллон. Она смотрела вниз на эту руку, гадая, стоит ли брать ее в свою собственную.

Девочка понимающе улыбнулась.

— Меня зовут Эвелина, — она пожала плечами. — Эви. — Она кивнула в сторону младшей девочки. — А это — Маргарит.

Маргарит подняла свой пристальный взгляд, раскрывая колдовские глаза, пылающие золотом в темноте ночи. Она застенчиво присела.

— Пойдем, — сказала Эви, прежде чем ее зубы застучали от зимнего холода. Она и Маргарит передвигались по мерзлой земле со скоростью зайцев. Потертые низы их длинных ночных рубашек колыхались из — под наброшенных на плечи одеял.

Кусая губу, Фэллон оглянулась, почти уверенная, что увидит призрак мастера Броклехёрста, решившего выйти ночью и проследить за нею. Ему нравилось избивать ее. Она улавливала это в том, как он пыхтел, когда порол ее ремнем по спине, и видела это в удовлетворенном блеске его глаз, когда наказание было закончено. И он готов был сделать это снова. Она сглотнула образовавшийся в горле комок. Она не хотела давать ему повод. Фигурки Эви и Маргарит уменьшались, их серые закутанные тельца были подобны пятнам грязи на белом горизонте.

Что — то бормоча, она нырнула в резкий поток ветра, ее ноги отчаянно заработала, и она чуть было не споткнулась, пытаясь догнать девочек, поскольку они уже свернули за угол школы.

Несколько мгновений спустя она достигла ветхой приземистой конюшни, прятанной в тени Пенвича. Ее ботинок расшнуровался, и холодный снег проник внутрь. Девочки оставили дверь открытой для нее, и Фэллон помогла им закрыть ее, борясь с порывами ветра. За толстой деревянной закрытой дверью ветер звучал далеко, уныло завывая на расстоянии. Эви и Маргарит взобрались по лестнице на чердак. Фэллон последовала за ними и, достигнув верха, увидела, как Эви вытягивает из — под груды сена ведро, а Маргарит присела в углу, разворачивая какую — то ткань.

Растирая свои руки, Фэллон наблюдала, как Эви отдирала тонкий слой льда от ведра с молоком. Она усмехнулась:

— Козье молоко.

— Где вы его достали?

— Жан — Люк из деревни оставляет его здесь наверху для нас один раз в неделю, когда привозит уголь.

Фэллон посмотрела на ведро.

— Почему?

— Маргарит говорит по — французски. Он думает, что она его землячка.

Фэллон, задохнувшись, посмотрела на темноволосую девочку — она освободила от ткани большой ломоть сыра.

— Он и это оставляет?

Маргарит предложила ей кусок. Фэллон старалась не накинуться на него в голодном припадке.

Они поели в тишине, чередуя сыр с роскошным молоком. Откинувшись на мягкое сено, Фэллон вздохнула, наевшись. Эви поднялась и открыла ставень в чердаке. Она обхватила голову руками и смотрела в зимнюю ночь.

Фэллон почувствовала умиротворение. Возможно, впервые, начиная со смерти Па. Она нахмурилась. Это не продлится долго. Лучше всего, если она не будет вести себя слишком непринужденно.

— Почему вы привели меня сюда? С собой?

Ответила Эви:

— Похоже, тебе необходим друг.

Фэллон кивнула, ее горло сковало от такой неожиданной доброты. Друзья для нее были потеряны. И семья. Она едва поминала свою мать, которая умерла от лихорадки, прежде чем она действительно могла узнать ее. Па был для нее всем. И теперь он ушел. Ей действительно нужен друг... или два.

Маргарит заговорила, и ее голосок был подобен шелесту перышек в воздухе:

— Девочки приходят в Пенвич и уходят...

— Чаще всего в гроб, — жестоко прошептала Эви, и ее синие глаза вспыхнули.

Маргарит продолжила:

— Ты не похожа на других девочек. Мы поняли это, когда ты поделилась своим хлебом с Элен.

Фэллон покачала головой.

— Элен?

— Маленькая Элен. Приблизительно пяти лет.

— О, — Фэллон кивнула, вспомнив ее. Какие — то старшие девочки украли еду у ребенка, а когда та начала возражать, злобно выкрутили ей руку.

Маргарит подтянула колени к груди.

— Ты напомнила нам ... ну, нас, что ли.

Фэллон переваривала услышанное и не смогла ответить из — за плотного комка, застрявшего в горле. Она просто радовалась, что сблизилась с двумя другими душами. И больше не чувствовала себя настолько ужасно одинокой.

— Вот! — Эви упала на сено, показывая на единственную вспышку света в ночи, дугой прошедшую через темное, чернильное небо. — Вы видели это? Падающая звезда! Видели?

Фэллон кивнула, глядя в окно.

— Быстро загадывайте желания, — Эви крепко зажмурилась, ее губы шевелились, она объявила: — Я хочу приключений! Посетить далекие края, быть как можно дальше от этого мерзкого места. — Открыв глаза, она посмотрела на Маргарит, подталкивая младшую девочку. — Ну, чего ты желаешь?

Облизав полные губы, Маргарит задумчиво посмотрела в ночь.

— Я желаю... Я хочу быть значимой.

Эви медленно кивнула, затем обратила внимание на Фэллон, которая, затаив дыхание, ждала своей очереди. Ее сердце жаждало многого. Она хотела так много. Невозможного! Она хотела Па.

Она загадала кое — что важное и надеялась, что это достижимо.

— Я хочу иметь свой дом.

Полоса света, оставленная падающей звездой, исчезла, после того как слова слетели с ее губ, но Фэллон, словно перед глазами все еще могла видеть ее в ночном небе.

Их торопливо сформированные желания задержались в воздухе, слова парили подобно благоговейной молитве, громко произнесенной в часовне.

Я хочу приключений.

Я хочу быть значимой.
Я хочу иметь свой дом.

Фэллон шла вдоль мощеной улицы все медленнее и медленнее, впереди уже виднелся скромный кирпичный особняк — дом вдовы Джемисон. Пальцы ног больно вдавливались во внутреннюю поверхность туфель, и Фэллон просто мечтала о паре мужских ботинок, заброшенных под кровать, потому что миссис Джемисон сочла их неподобающими для своей служанки. *В этой одежде я выгляжу как мужик в женских тряпках.* Фэллон вздохнула и покачала головой. Она уже давно смирилась с тем, что ей никогда не быть женственной или изящной. Так почему бы остальным не сделать то же самое?

Было поздно. Встретившись с Эви и Маргарит, она совсем потеряла счет времени. Им наконец — то представилась возможность увидаться после двух лет переписки, с тех пор как их пути разошлись. Ее мягкая длинная юбка со свистом разрезала низкий ночной туман. Кутаясь глубоко в плащ, Фэллон остановилась и посмотрела на вырисовывающийся силуэт особняка, прячась в тени по непонятным ей самой причинам. Осторожность пронизывала ее, пока она смотрела на танцующие по бледному кирпичному фасаду тени. Какое — то мрачное чувство звенело в ней, покалывая затылок.

Предчувствие, на которое она не могла не обратить внимание... Инстинкт, родившийся в ней с тех пор, как убили ее отца и она оказалась на пороге Пенвича.

Ее пальцы обвились вокруг холодной стали забора, окружавшего маленький дом. Дрожа от ночного холода, она приказала себе поскорее убраться в тепло дома, но не могла даже пошевелиться.

И вдруг как гром среди ясного неба к ней пришло понимание этой настороженности.

Из окна передней гостиной лился свет. Приглушенный шум голосов витал в воздухе, словно мягкий ветерок. В такое позднее время дом обычно погружался в тишину сразу после того, как вдова Джемисон, приняв свой вечерний «тоник», отправлялась смотреть сны в сопровождении трех своих мопсов. Кроме того, вчера вдова уехала в Корнуолл навестить своих родственников, что делало эту ситуацию еще более странной. Бóльшая часть прислуги не имела ночных обязанностей, и потому была предоставлена самой себе и по собственному усмотрению могла распоряжаться своим досугом. Но никто из них не решился бы устроить вечеринку, пока хозяйки нет. Тем более в гостиной. Строгая экономка никогда бы не позволила случиться такому безобразию.

Итак, оставался вопрос: кто находится в доме? Решив, что ей нет до этого дела, Фэллон открыла ворота, ведущие к задней части дома, и тихонько прикрыла их за собой. Проскользнув внутрь через дверь для прислуги, она остановилась. В доме раздавались громкие незнакомые голоса. Из передней части дома послышался пронзительный женский смех, а через мгновение — смех другой женщины, такой же резкий. Фэллон вздрогнула и понеслась по узкому коридору так быстро, что обзавидовался бы даже профессиональный спринтер.

Кто бы мог быть сейчас в доме? У миссис Джемисон не было таких подруг, которые чувствовали бы себя здесь свободно в ее отсутствие. Разве что...

Фэллон приросла к месту, ощущая одновременно холодный страх и уверенность в своей догадке. Она закрыла глаза и потрясла головой.

Реджинальд. Ну конечно же. Или Реджи, как величала его не чаявшая в нем души мамаша.

Те редкие моменты, когда тонкие губы миссис Джеемисон кривились в улыбке, означали, что ее сынок приехал домой из школы. Это было всего дважды с тех пор, как Фэллон нанялась сюда, но и этого было предостаточно. Ей было хорошо знакомо выражение, которое застывало на лице дражайшего Реджи во время его визитов к матери. Жизнь «подарила» ей тысячи встреч с благородными аристократами, имевшими именно такие лица. Ни благородством, ни сдержанным аристократизмом от этих «джентльменов» и не пахло.

Отпрыск был приблизительно ее возраста. Даже не принимая во внимание его веснушки и непропорциональные телу конечности, он выглядел намного младше самой Фэллон, которой исполнилось двадцать. Однако ни его обманчивая юность, ни слепое обожание его матери не могли одурачить ее. Потребовалось совсем немного времени, чтобы Фэллон поняла, почему девицы сторонились его.

Она едва не огрела этого хама книгой по башке, когда он зажал ее в библиотеке. Столь чудовищный поступок предотвратило внезапное появление его родительницы. Вместо того чтобы отчитать сына, она выгнала Фэллон из комнаты, сделав ей строгий выговор: «В моем доме шлюхи не работают. Покрой чем — нибудь свои отвратительные волосы и тащи свой зад на кухню».

Лицо Фэллон до сих пор вспыхивало от злости, когда в ее памяти эхом отдавались те оскорбление и фамильярность. Недовольство мастера Броклхерста пропитывало воздух в залах Пенвича, если ему вдруг казалось, что волосы кого — то из девочек отрастали длиннее, чем позволял он. Фэллон всегда нарывалась на его необъяснимую ярость со своими пламенными локонами.

Приподняв юбку, она быстро побежала по залу. Маленькая комнатуха, которую она делила с другой служанкой, находилась в конце коридора, прямо под лестницей, ведущей в покои хозяев.

Внезапно послышался какой — то другой звук, слившийся с отдаленным смехом. Ее пульс участился, когда до нее донесся шум приближающихся шагов. Она не знала, что делать: убежать или замереть на месте. Тяжелые шаги все приближались. Казалось, воздух в ее легких заledenел. На полу в коридоре образовалась тень. Сердце Фэллон бешено колотилось в груди.

Сжимая воротник плаща, она стала молиться, чтобы появился кто — нибудь из слуг, еще не успевший уйти на ночной отдых. Она попятилась в глупой надежде слиться со стеной.

Фэллон видела, как появились черные ботфорты, затем коричневые брюки, расстегнутый жилет и мятая зеленая рубашка. Она подняла глаза, и ее сковал ужас.

Реджи. Он был в дрезину пьян, о чем свидетельствовали его помятый вид и шатание из стороны в сторону. Мутными глазами он разглядывал ее, пока она стояла в обнимку со стеной.

— Вот ты где, дорогуша. — Ик. — Только подумай, а я уже было решил, что мне придется обыскать каждую комнату, чтобы найти тебя. — Ик.

Глубоко вдохнув, Фэллон отлипла от стены и шагнула вперед с высоко поднятым подбородком, полная решимости добраться до своей двери. И наглухо заколотить ее гвоздями.

— Добрый вечер, сэр.

— Добрый вечер, сэр! — передразнил он с противной улыбочкой и махнул рукой, его

расстегнутый рукав взмыл в воздух, как птица. — Ты хорошо говоришь. — Ик. — Прямо как леди, — он ухмыльнулся, будто только что отпустил забавную шуточку.

Фэллон с трудом поборола желание бросить ему в лицо, что она такая же образованная и воспитанная, как и любая из знакомых ему леди, и он не должен так дико удивляться тому, что она может располагать слова в правильном порядке. Несмотря на очевидную нищету, она вовсе не была безмозглой беспризорницей. Пенвич поспособствовал этому, выветрив даже малейший намек на ирландский акцент в ее голосе. В школе могли морить голодом добрую половину учеников, избивать их до полусмерти за малейшие провинности, но образование там было первоклассным. И правда: Фэллон была замечательно подготовлена к жизни гувернантки. К сожалению, ей удалось найти только место служанки на кухне.

Знакомая злость загорелась в ее крови. Джентльмены вроде Реджи находили абсолютно приемлемым оставить ее без гроша в кармане при любой удобной возможности, увольняя ее без выходного пособия «за дерзость», если она не была так любезна с ними, как они того хотели. Так, имея за плечами целую кучу увольнений, а в руках — лишь пару рекомендательных писем, она оказалась в том положении, когда должность, более соответствующая ее квалификации, была для нее недоступна.

Рука Фэллон сжалась в кулак. Голос отца прошептал в ее голове, словно он стоял рядом с ней: «Осторожно, Фэллон, детка. Не дай ему спровоцировать тебя».

Вздохнув, она разжала пальцы и подавила раздражение. Такие эмоции навлекут на ее голову еще одно увольнение. Будет лучше, если она постарается разрядить обстановку.

— Прошу прощения, мистер Джемисон, — сказала она и попыталась обойти его.

Он преградил ей путь, двигаясь быстрее, чем она ожидала от пьяного вдрызг человека.

— Я подумал, ты захочешь выпить стаканчик шерри со мной и моими друзьями в гостиной, — он погладил ее по щеке тыльной стороной ладони. — Увидишь, как живется другим людям, — он прижал палец к хитро улыбающимся губам. — Я ничего не скажу матери. Пойдем.

Реджи сжал ее руку. Будто у него было на это право. Фэллон с такой силой сжала зубы, что заболела челюсть. Но разве не все они вели себя так? Будто имели права на все на свете?

Его голова не доставала ей даже до подбородка. Совсем плевое дело — всадить кулак в его физиономию с приплюснутым носом и отправить его в длительное путешествие в мир грез на пол. Отец читал ей лекции о том, что нужно уметь держать себя в руках и что лучше всего выждать, пока ее необузданные порывы пройдут, но он также учил ее, что нужно определить черту, за которой поведение других людей будет представлять для нее угрозу.

Вздохнув, Фэллон напомнила себе, что ситуация еще не перешла эту черту. *Пока что.* И ей нужно предотвратить подобный исход. Иначе ей опять придется сдаться на милость агентства. В частности, на милость миссис Харрисон. В ее мыслях нарисовался образ владелицы агентства с кислой миной и маленькими, как у жука, немигающими глазками, в которых не было ни капли милосердия. Она пошлет Фэллон куда подальше, если ту снова уволят, невзирая ни на какие оправдания.

Достоинство и сдержанность. Достоинство и сдержанность.

Как и в те долгие годы в Пенвиче, когда она была вынуждена молча кусать губы, пока кнут мастера Броклхерста совершал прогулки по ее спине. За любую, даже только кажущуюся провинность. Она и больше выдержала бы. Она бы смогла.

Со всем возможным очарованием и покорностью, которые она только могла изобразить, Фэллон прилепила на лицо улыбку:

— Звучит заманчиво, сэр, но я вынуждена отказаться.

— Ну уж нет. — Ик. — Как твой хозяин, я настаиваю, — впалая грудь Реджи раздулась от важности. — Я приказываю. Я уже все друзьям рассказал о тебе — о моей огненноволосой Боудикке.

Его пальцы сжали ее руку, словно он старался смягчить проявление своего господства нежностью.

— Боудикка? — Фэллон передернуло.

— Ага. Она была кельтской королевой и сражалась против римлян...

— Я знаю, кто она такая, — дерзко перебила Фэллон и прикусила язык.

Достоинство и сдержанность.

— Ну и ладно. — Ик. — Тогда тебе известно, что она была высоченной бабой с рыжими волосами. Говорят, что в битвах она с голыми сиськами разъезжала на коне, — его взгляд упал на ее грудь, которая была почти на уровне его глаз.

Щеки Фэллон вспыхнули. Эту деталь на уроках по истории в школе почему — то упустили.

Реджи провел ладонью вниз по ее руке и прикоснулся пальцами к ее кулаку.

— Если я не вернусь в гостиную с тобой, все решат, что я тебя выдумал. — Ик. — А мы ведь этого не хотим. Вот. Давай, покажи, на что способна, и иди с Реджи, — он моргнул. — Обещаю, ты отлично проведешь время.

По тому, как он облизал свои толстые губы, Фэллон решила, что он тоже надеется отлично провести время — с ней.

Папа предупреждал ее о похотливой мужской натуре, особенно если дело касается женщин, которых мужчины считали ниже себя — простыми отбросами. Когда не стало отца, прошли годы, превратившие эти предостережения в нерушимое убеждение.

В Пенвичской школе для добродетельных девочек имелось несколько таких, которые к добродетельности не имели никакого отношения. И Фэллон никогда не осуждала их. Девушки меняли то, что имели, на то, чего не могла дать школа: еду, одежду, любовь.

Так или иначе, она не собиралась идти в гостиную, полную пьяных молокососов, явно слетевших с катушек.

— Я работаю на Вашу мать, а не на Вас, мистер Джемисон.

Что — то сжалось в его лице, и он стал похож на избалованного ребенка, которому отказали в конфете.

Реджи щелкнул пальцами в воздухе.

— А как ты думаешь, кто унаследует все это? Когда я достигну совершеннолетия, все это станет моим, — он окинул ее взглядом. — Включая тебя и любого другого слугу в этом доме. Если хочешь сохранить свое место, постарайся хорошенько это запомнить.

Фэллон вцепилась в ремешок сумочки. Потребовалась каждая капля силы воли, чтобы не бросить ее в лицо этому наглому щенку. Если она задержится еще хотя бы на миг, она стукнет его прямо на месте.

— Простите меня, сэр. Я только что вспомнила, что должна кое — что сделать.

Выпалив эту глупость, Фэллон резко вырвала руку из его хватки. Поджав губы, она решительно развернулась на пятках, успев заметить шокированное выражение его лица. Судя по всему, слуги еще никогда ни в чем ему не отказывали.

— Куда это ты направилась? — пробормотал он.

Фэллон не ответила, надеясь, что сможет исчезнуть в ночи, а назавтра это столкновение

станет всего лишь тусклым воспоминанием в затуманенном алкоголем мозге Реджи. Несколько раз обойти площадь, и она сможет вернуться как раз после того, как он снова присоединится к друзьям в гостиную. Фэллон выскочила за дверь для прислуги в холодную ночь, ее пятки стучали по мощеной камнями дорожке, окружающей дом. Выйдя за ворота, она быстро пошла вперед, совершенно забыв о том, что они захлопнутся с громким лязганьем. Дыхание кружилось перед ней пенистыми облачками.

Внезапно эхо лязгающих ворот, открывшихся и закрывшихся снова, разрежало воздух. Фэллон застыла и бросила взгляд через плечо в ночной мрак. *Не может быть. Это не может быть он.* Она прибавила скорость.

— Эй ты! Девка! погоди.

Жар разлился по щекам Фэллон. *Девка, значит! У нее есть имя!* И она наверняка старше этой противной мелкой жабы.

— Стой, я сказал! — настаивал он.

Бульдог с косточкой.

Она притворилась, что не слышит его, и свернула в переулок, который вел от площади к узким тротуарам перед потемневшими магазинами. Она слышала шаги за спиной. На мгновение Фэллон подумала о том, чтобы побежать, но решила не делать этого. Немного склонная драматизировать, все же в душе она была практичным человеком, который понимал, что завтра ему понадобится работа. Вздохнув, она остановилась и повернулась к нему.

— Мистер Джемисон, — начала она, когда он, задыхаясь, подошел к ней. Его лицо было красным от погони и чего — то еще, от чего по ее спине побежали мурашки. — Возвращайтесь домой, сэр, к своим друзьям. Я вспомнила, что у меня поручение к...

— В такое время? — выдохнул он. — Чуть собачья. Ты пытаешься сбежать от меня. Дерзко, однако.

— Прошу Вас, сэр. Просто идите домой.

Все еще неровно дыша, Реджи взялся за бок, все признаки икоты исчезли.

— Как ты смеешь приказывать мне? Попридержи язык, девка.

— Пожалуйста, мистер Джемисон, — устало проговорила она. — Я совершенно не хотела оскорбить...

Он поднял руку и схватил ее за запястье. Его глаза были абсолютно трезвыми после пробежки по затуманенным улицам.

— Тогда тебе лучше быть послушным созданием и вернуться в дом вместе со мной.

Фэллон опустила глаза и посмотрела на свою руку, потом на сжимавшую ее бледную ладонь, меньше ее собственной. Злость закрутилась в животе. Ей понадобились все силы, чтобы не разукрасить физиономию этому парню. Па долго внушал ей, как важно и полезно для нее показывать надлежащую покорность. Он же привил ей и здоровое уважение к собственной персоне и безопасности.

— Ты меня слышишь? — Реджи вошел во вкус, демонстрируя свое превосходство.

Она со свистом вдыхала воздух. *Прости, па. Но даже ты признал бы, что это — как раз одна из таких ситуаций.*

Ее живот скрутило. Не от того, что она собиралась сделать, а от того, какими, без сомнения, окажутся последствия ее действий.

— Я слышу Вас, сэр, — кивнула Фэллон. Ее охватило яростное спокойствие. — А теперь послушайте меня, — она встретила с ним взглядом. — Отпустите меня или... — ее

голос оборвался.

— Или что? — удивился Реджи.

— Или я Вас ударю.

— Ударишь меня? — он рассмеялся, запрокинув голову. — Да ты совсем спятила, девка!

— Смейтесь, сколько влезет, — холодно ответила она. — Я Вас предупредила.

— Предупредила? — он подергал ее за руку. Довольно ощутимо. Она вздрогнула. — Ну, на, вот тебе моя щека. Я дам тебе такую возможность.

О, у нее были идеи получше. *Нужно преподать ему урок.*

Фэллон вывернула руку из его пальцев, схватила его за плечи и изо всех двинула коленом в пах. В тот же момент она заметила его пораженный взгляд и мрачно ухмыльнулась, услышав сдавленное бульканье в его горле. Отпустив Реджи, Фэллон отступила назад, глядя, как он оседает, словно искореженная человеческая масса. Тихий жалкий стон слетел с его губ, отразившись эхом в холодном ночном воздухе.

— Вам очень повезло, что мне помешали все эти юбки, — и, уперев руки в бока, Фэллон добавила: — Могло быть намного хуже.

— Хуже! — прохрипел Реджи, распластавшись на земле и по — дурацки перекатываясь с одного бока на другой.

— Вот именно.

Его лицо покрывалось всевозможными оттенками красного и фиолетового в приглушенном свете газовых фонарей. Он сплюнул и произнес слова, которые так боялась услышать Фэллон. Но она знала заранее, что это произойдет, и, поскольку слышала эти самые слова далеко не впервые, они не произвели на нее должного эффекта:

— Ваши услуги больше не понадобятся.

Фэллон вздохнула. *Опять уволена. Вот так всегда.*

*****

Доминик Хейл, герцог Дамон, раздвинул занавески своего экипажа и принялся рассеянно ласкать женщину, сидящую рядом с ним. Ее полная грудь ложилась в его ладонь именно так, как ему нравилось. Он не помнил ее имени, но так было с каждой из них. А через день — другой то же самое происходило и с их лицами.

Вдыхая холодный ночной воздух, он вглядывался в освещенную фонарями улицу в поисках... чего — то. В последнее время он часто так делал. Неутолимость изматывала его, как будто ему не хватало полмира, и это гнало его назад, домой. Он надеялся, что, вернувшись, вновь обретет себя. Доминик поморщился, решив, что эти слова как — то не подходят для его описания.

Дешевые духи жалили его обоняние, смешиваясь с тяжелым запахом наркотиков, пропитавшим воздух того «убежища», где Доминик провел весь вечер. Он выдохнул, боясь следующего вдоха. Ему нравилось ощущать женщину в своих руках, но с этим запахом совсем другое дело. Он потихоньку придвигался к окну, стараясь дышать не слишком глубоко.

Вторая женщина, находившаяся в карете, потребовала его внимания — соскользнула с сиденья и свернулась у его ног в массу мягкого шелка. Она стянула с него ботинки и стала царапать его бедро, как котенок, который точит свои коготки. Доминик мягко провел рукой по ее волосам, пока она расстегивала его бриджи в жажде поглотить его целиком. Через несколько секунд мягкая рука сомкнулась вокруг него, и женщина опустилась ниже. Запрокинув голову, он позволил стуку копыт заполнить свои мысли, чтобы ничто не отвлекало его от опытного рта, дарящего наслаждение и возвращающего его к жизни. Целая ночь чувственных удовольствий замаячила перед ним. Две женщины вполне способны это обеспечить.

Отвлечься. Его тело могло гореть так, как не могло его сердце. Ночная жизнь, выпивка, игры, карты, женщины — все это давало ему тепло, ощущения, пробивая его бесчувственность. По крайней мере, временно. Он смотрел в окно на блестящие дождевые лужи и ждал.

Через несколько минут Доминик нахмурился. Привычных ощущений не было. Так хорошо знакомое ему острое, дикое, иссушающее удовольствие, которое напоминало ему о том, что он жив, ускользало. Несмотря на то, что его тело отвечало на ласки, пустота тисками сжимала его грудь.

Из — под полуопущенных век он вглядывался в ночь, замечая расплывчатое отражение кареты в витринах уже закрытых на ночь магазинов, мимо которых они проезжали. Внезапно вид из окна изменился, череда магазинов прервалась неожиданной картиной двух дерущихся фигур. Доминик резко выпрямился на сиденье, узнав в одной из фигур женщину. Ее темный плащ взметнулся вверх, когда она ударила мужчину. Взгляд выхватил из темноты ночи бледное лицо с невероятно огромными глазами. Доминик оттолкнул женщину у его ног и развернулся, чтобы лучше видеть. Однако карета уже миновала дерущихся.

Торопливо приводя в порядок свою одежду, он постучал по крыше экипажа:

— Стой!

Женщины завизжали, дернувшись от резкой остановки. Женщина на полу опрокинулась на спину, ее маленькие ступни мелькнули в воздухе, в отчаянной попытке обрести опору.

Доминик никогда не стремился быть джентльменом. Как раз наоборот. Но то, что он собирался сейчас сделать, иначе, чем джентльменским поступком, не назовешь. Во время своих странствий он часто спасал других — совсем юных мальчишек. Лишенные надежды души. Невинные жертвы. Каким когда — то был он сам. Еще до того, как стал мужчиной. До того, как миссис Пирс сломала его. До того, как распутная жизнь стала его второй натурой.

Выскочив из экипажа, он помчался по улице и резко остановился перед открывшейся его взору картиной. Уперев руки в бока, женщина стояла перед напавшим на нее, высокая, как настоящая амазонка. Хотя, скорее всего, нападавший был как раз жертвой. За тот короткий миг, когда экипаж проехал мимо них, она умудрилась поменяться местами с нападавшим.

Почесав подбородок, Доминик взглянул на корчащегося у ног женщины несчастного молодого человека, схватившего себя между ног. Доминик сделал шаг вперед.

— Вам нужна помощь? — неуверенно спросил он.

Эта женщина уж точно в помощи не нуждалась.

Она вскинула голову, яркие глаза сфокусировались на нем. В свете фонаря он не смог точно рассмотреть, какого они цвета, но мог поклясться, что в них горела смелость, чего он раньше никогда не видел. По крайней мере, у женщины. Она окинула его сверху вниз таким взглядом, будто он был не лучше мерзавца, распластавшегося у ее ног. Ее ноздри подрагивали, словно то, что она вдыхала, ей определенно не нравилось. Как дешевые духи его компаньонки на сегодняшний вечер.

— Я контролирую ситуацию, сэр, благодарю.

Доминик кивнул, глядя на массу ее волос, отливающих золотом в свете газовых фонарей. Он с жадностью пил этот образ, запоминая цвет, представляя его уже на холсте и пытаясь сообразить, какие краски нужно смешать, чтобы точно передать его.

— Это я вижу.

Она бросила на него подозрительный взгляд, отступила на шаг, предоставляя бывшему нападавшему большее пространство для его странных маневров, потом отвернулась и пошла по улице смелыми, уверенными шагами. *Необычно*. Не то, что изящные шажочки большинства женщин.

Бросив последний взгляд на подвывающего юношу, Доминик догнал женщину.

— Возможно, я могу предложить подвезти вас? — он указал на свой экипаж.

Она остановилась под уличным фонарем, и у него появился шанс во всей красе оценить блеск ее волос. Он едва замечал лицо — его вниманием безраздельно владели ее волосы. Станным образом заколотая шпильками смесь красного, золотого и каштанового спадала на ее плечи. Он подумал, что если вытащить все эти шпильки, волосы окажутся длинными, до самой талии. Внезапно в его мыслях возник образ: она сверху, его руки скользят по ее длинным ногам, она откидывает голову назад, и невероятная масса волос щекочет его бедра, слепящая вспышка жара пронизывает его...

Ее глаза под бровями, на несколько оттенков темнее волос, сузились.

— Вы остановились ради меня?

— Мне показалось, что вам нужна помощь, — он поднял голову. — Хотя, полагаю, вы целы и невредимы.

Она бросила взгляд через плечо:

— Понадобится больше, чем один мальчишка, чтобы справиться со мной.

— Ага, — он кивнул с серьезным видом, поражаясь ее характеру. — Тогда это он в беде.

Должен ли я вернуться и предложить помощь ему?

Ее губы дернулись, но она не улыбнулась. Доминику вдруг стало интересно, улыбается ли она вообще когда —нибудь. Было в ней что — то жесткое, упрямое, словно она никогда не позволяла себе расслабиться.

Он снова заговорил:

— Боюсь, вы заставили меня почувствовать себя абсолютно бесполезным. Вы должны позволить мне обеспечить вашу безопасность и сопровождать вас к месту назначения.

Ее взгляд скользнул по его карете, и он был почти уверен, что она обдумывает его предложение.

Доминик поймал себя на том, что рассматривает ее скрытый тенью профиль — высокую бровь, прямую линию носа, большие полные губы. Она не была красавицей, но что — то в ней все — таки было. Что — то дикое и земное. Никаких сомнений: куча мужиков жаждали раздвинуть эти длинные ноги и попробовать эту необычную женщину. Его член шевельнулся и напрягся, натянув бриджи. Возбуждение охватило его. Возбуждение, которое немногим раньше ускользало. Он с трудом отвел от нее взгляд, его мозг быстро соображал, определяя, как лучше соблазнить ее и уложить этой же ночью в постель.

Вот это у него получалось лучше всего. Когда Доминик не спал с женщинами, такими же испорченными, как и он сам, он совращал невинных и богатых дамочек. Это было его призванием. И еще картины. Когда он растворялся в процессе творчества, он чувствовал себя живым. Раздвигать ноги женщин и создавать новые миры на холсте — это все, что он знал и умел. Это все, что могло проникнуть сквозь живущую в нем бесчувственность.

— Уже поздно, — он окинул взглядом улицу.

Какой — то рабочий проехал на телеге мимо темной витрины с закрытыми занавесками. Глаза извозчика, заметив Фэллон, сузились в явном предположении. *Вряд ли это безопасное место для одинокой женщины.*

— Вполне возможно, следующего мужчину, который встретится вам на пути, будет не так легко отговорить, как того мальчишку.

Доминик посмотрел на парня, который теперь, спотыкаясь, плелся к дальнему концу улицы. Она посмотрела на Доминика недоверчивым взглядом загнанного в угол зверя, наверняка желая знать, был ли он этим следующим. Он почти забыл о своей компании, но, вспомнив, понадеялся, что это поможет убедить ее.

— Я не один, — пробормотал он. — Со мной путешествуют дамы. — *Определенного сорта.*

Казалось, ее упрямство поколеблено. В течение долгой минуты она изучала экипаж.

— Очень хорошо. Ваша помощь была бы очень кстати. Я направляюсь в отель Дэвентри.

Доминик взял ее за локоть и сопровождал к карете, остановившись на секунду, чтобы сообщить адрес кучеру. *Она передумала за очень короткое время.* Отель Дэвентри находился в пяти минутах езды.

Помогая ей забраться внутрь, Доминик не мог не заметить ее запах — пряная смесь чего — то сладкого и вкусного. Мальчишкой он проводил много времени на кухне, избегая миссис Пирс и предпочитая внимание доброй поварихи. Эта женщина пробудила те давние воспоминания, источая одновременно ароматы свежее испеченного хлеба, вкусного жаркого и шоколадного пирога.

В экипаже она кивнула, приветствуя двух женщин. Он сел напротив нее и обнаружил, что с обеих сторон зажат женскими телами, пропитанными дешевыми духами. Женщина

напротив вдруг стала нравиться ему еще больше.

— Веселье отменяется, Дамон? — промурлыкала женщина справа. — Нас двоих недостаточно?

Он бросил на нее тяжелый взгляд. Даже во мраке экипажа Доминик заметил, как залилось краской лицо девушки. Она внимательно наблюдала за ним и его компаньонками с гордо поднятым подбородком, и его снова обожгла жажда обладать ею, взять ее, найти освобождение в ее теле.

Вторая женщина погладила его бедро и захихикала:

— Я слышала, что ты ненасытен.

Повернув голову, он в упор смотрел на свою амазонку, мягко потирая пальцем верхнюю губу.

— Как вас зовут?

Несколько мгновений она молчала, глядя на то, как женщина гладила его бедро выше и выше, пока, наконец, сквозь бриджи не обхватила ладонью его пах. Большой сочный рот выдохнул, глаза прилипли к его лицу.

— Фэллон, — выпалила она. — Фэллон О'Рурк.

Вино, внезапно решил он, и его мысли обратились к цветной палитре. Он напишет эти губы глубоким цветом рубинового вина. Разумеется, после того, как сам попробует их на вкус.

— Фэллон, — повторил он, откидываясь на сиденье и улыбаясь.

Ему понравилось имя. Такое же необычное, как и сама женщина. Он поклялся себе, что она станет его. В постели и на холсте.

Доминик вытянулся и просунул обутые ноги между ее ногами. Упрямо сжав губы, она постаралась устроить свои ноги так, чтобы не касаться его, и бросила короткий взгляд на руку, все еще сжимавшую и поглаживавшую его между ног. Доминик просто смотрел на Фэллон, изогнув бровь. Она моргнула и отвела взгляд, уставившись на стенку кареты, словно ее украшала до безумия интересная фреска.

Он нахмурился. *Прямо — таки леди*. А ведь он надеялся, что женщина, которая не стесняется без сопровождения бродить по ночным улицам, будет поговорчивее. Не везет — так не везет. В принципе, его опыт общения с приличными женщинами не был уж очень обширным.

Ласкающая его рука осмелела, стала настойчивой, раздражающей, будто собиралась вытащить его из штанов. Доминик перехватил запястье женщины — на нее у него сейчас не было настроения.

— Довольно, — во взгляде Фэллон легко читалась ярость. — Дайте мне выйти. Остановите кучера, — спокойно приказал она.

Доминик засмеялся:

— Мы почти приехали. Сядьте и успокойтесь.

Один взгляд на нее заставлял его кровь тлеть в венах, пробуждая и оживляя его жаждой. Преисполнившись желанием увидеть, как эти глаза раскроются еще шире, узнать, как сильно он может шокировать ее, Доминик усадил одну из шлюх себе на колени. Наблюдая за Фэллон, он потянул вниз платье женщины, полные груди вывалились из корсета. Наклонив голову, он коснулся языком большого соска, щекоча его темный кончик, пока тот не стал влажным и напряженным. Женщина начала извиваться, пылая от удовольствия. Фэллон издала короткий звук, в котором, кроме ошеломленности, прозвучало что — то еще. Она

отвела взгляд, но только на мгновение, после чего вновь стала с пугающим интересом наблюдать за разыгрываемым Домиником спектаклем.

Женщина на коленях схватила его за волосы и резко рванула к себе:

— Сильнее.

Глаза амазонки распахнулись. Кровь побежала по его венам быстрее. Рука Фэллон потянулась к шее, и она с обманчивым безразличием погладила себя. Он поймал сосок зубами и прикусил его. Женщина в его руках задрожала, ее тело сотрясали спазмы. Фэллон шумно выдохнула, как будто все это только что проделали с ней. Ее рука соскользнула с шеи и остановилась на завязках плаща. Пальцы несколько мгновений играли с лентами у шеи, и вдруг рука упала на колено.

При виде этой дрожащей руки, Доминик ощутил удовлетворение, закружившееся в его животе. Нет, она не осталась безразличной. Он увидел, как ее рука сжалась в кулак. *О, она разозлилась!* То же случилось бы и с любой другой приличной женщиной на ее месте. Но она явно испытывала что — то еще. И это как раз то, что он желал выяснить — телом мужчины и кистью художника.

Пожирая ее глазами, Доминик с удовольствием наблюдал, как заливаются краской ее щеки, когда он продолжил покусывать и посасывать бусину соска. Женщина на коленях корчилась от наслаждения. Рот амазонки приоткрылся.

Экипаж резко остановился. Прежде, чем он смог пошевелиться, Фэллон вылетела из кареты. Доминик стащил с коленей женщину, усадил ее на сиденье напротив и выскочил вслед за Фэллон. Она успела отойти на несколько метров от экипажа, когда он схватил ее за руку. Она развернулась и посмотрела на него горящими глазами:

— Отпустите меня.

Позади нее вырисовывалось здание отеля. Пара швейцаров у двери с любопытством наблюдали за ними.

Доминик открыл рот, чтобы извиниться, но остановился. Он не чувствовал себя виноватым. Он наслаждался каждой секундой ее дискомфорта. Сказать что — либо другое означало бы солгать. А нечестность не входила в список его пороков.

Он шагнул ближе и пробормотал ей прямо в ухо:

— Я бы с бóльшим удовольствием сделал с вами то, что делал с ней.

Ее резкий вдох пощекотал его щеку.

— Вы распутник.

— С этим не поспоришь, — он отпустил ее, вытащил свою визитную карточку и протянул ей. — Но я могу доставить вам удовольствие. Вам же... любопытно. Я вижу это в ваших глазах. Позвольте мне показать вам, как это бывает.

— Ничего вы не видите.

— Я вижу женщину.

Доминик провел пальцем по ее нижней губе, пробуя ее полноту. Фэллон застыла. Он шагнул ближе, их тела соприкоснулись. Продолжая поглаживать ее губу, он слегка приоткрыл ее рот и мягко потрогал влажную внутреннюю поверхность.

Преодолевая возбуждение, он отступил и сунул визитку ей в ладонь, сжав ее пальцы:

— На случай, если когда —нибудь вам понадобится друг, — она непонимающе посмотрела на свою руку. — Мой адрес, — объяснил он.

— О! — в ее хмуром лице промелькнуло понимание. — Это вряд ли, — она принялась комкать визитку. — Мне не нужен друг вроде вас.

Она сверкнула взглядом в сторону экипажа, в котором его ждали компаньонки. Доминик улыбнулся:

— Друзей никогда не бывает слишком много.

Фэллон фыркнула.

Он убрал тяжелую прядь огненных волос с ее плеча. Она вздрогнула. Его улыбка вдруг померкла.

— Возможно, если у меня будете вы, мне не понадобятся никакие другие друзья.

Это была чушь. Ложь. Он понятия не имел, что заставило его сказать такое. Доминик взял ее за руку. Она посмотрела ему в глаза. Он кивнул их рукопожатию. Его кожа горела там, где соприкасалась с ее. Глаза Фэллон расширились, доказывая, что она тоже это почувствовала, однако на нее это не подействовало.

— Сохраните визитку, — мрачно улыбнувшись, он развернулся на пятках и зашагал к своей карете... в ночь чувственного забвения.

Даже если не с ней, его тело найдет то, что ему нужно. Он всегда это знал.

Фэллон впиалась взглядом в герб на захлопнувшейся двери кареты. В груди давило и покалывало от гнева и еще каких — то чувств, которые она не смогла распознать. Она подумывала о том, чтобы найти камень поувесистее и швырнуть его вслед удаляющемуся экипажу. Перед глазами все еще стоял образ темноволосого дьявола с дымчато — синими глазами. Жар заполнил ее изнутри и опалил щеки, когда она вспомнила, что он вытворял. Он делал, а она смотрела. *Мерзкий гад!*

Фэллон посмотрела на зажатую в дрожащей руке визитку и прочла первую строчку элегантного тиснения:

Доминик Хейл, герцог Дамон.

Она фыркнула. *Герцог. Ну конечно.* Горечь затопила ее горло, она едва не подавилась. Царственный наследный лорд — и самый развратный мужик из всех, кто ей когда — либо встречались. Разумеется. Она покачала головой, и ее взгляд отметил адрес в Мэйфэйре:

Площадь Поттингэм, дом 15.

«На случай, если когда — нибудь вам понадобится друг».

Друг, как же! Неужели этот хам действительно думает, что однажды она появится на его пороге в поисках его «особой» дружбы? Неужели он думает, что его серо — синие глаза так завораживают, что перед ними невозможно устоять? А его высокому гибкому телу — *такая редкость среди мужчин!* — невозможно отказать?

Герцог Дамон. Фэллон склонила голову и задумчиво посмотрела на удаляющуюся карету. Звучит как — то знакомо. Как будто его репутация шла впереди него самого.

В мыслях вспыхнуло воспоминание о том, как его язык ласкал сосок женщины. Фэллон закрыла глаза, не признавая тот факт, что где — то внизу живота что — то затрепетало от этого воспоминания. Ну и ладно, он ее... заинтриговал. В опасном и совершенно неприемлемом смысле этого слова. Открыв глаза, она снова изучила визитку:

Площадь Поттингэм, дом 15.

Пробормотав проклятье, она скомкала визитку и бросила ее в лужу. Быстро и уверенно она зашагала к отелю Дэвентри.

Скорее земля прекратит вращаться, чем она когда — нибудь сунется на порог дома 15 на площади Поттингэм.

— Фэллон? Что ты здесь делаешь?

Эвелина завязывала пояс на длинном халате, подчеркивавшем ее стройную фигуру. Открыв дверь, она втащила Фэллон в комнату, окинув быстрым взглядом весь холл. Фэллон вошла в элегантную спальню, где раньше этим же вечером она, Эви и Маргарит пили чай.

— Надеюсь, ты не против, что я пришла сюда.

Эви повернулась к ней, ее лоб беспокойно нахмурился:

— Конечно, нет.

— Я не причиню тебе неудобств? — требовательно спросила Фэллон тихим голосом, зная, что соседняя комната принадлежит юной подопечной Эви.

Эви успокоила ее взмахом руки.

— Так что ты здесь делаешь? — спросила она, оглядывая комнату. — Забыла что — то?

— Не совсем, — ответила Фэллон. — Столкнулась с неприятностями, когда вернулась домой.

Домой. Вздогнув, она скрестила пальцы. Слово звучало грустно и неправильно. Был ли у нее когда —нибудь вообще настоящий дом? Ее собственное место, которое никто не смог бы отобрать у нее?

— О нет, — вздохнула Эви, покачав головой.

— Меня уволили, — кивнула Фэллон. Эви прикрыла рот рукой. — Я вернусь туда завтра за вещами. Учитывая то, как обстоят дела, не думаю, что возвращаться туда сегодня — мудрое решение.

Эви обняла ее за плечи и подвела к полосатому ситцевому дивану.

— Конечно, ты права. Но что произошло? Ты же говорила, что дела на новом месте идут хорошо.

Прикусив губу, Фэллон уселась рядом с Эви и неохотно рассказала обо всем, что произошло этим вечером. Ну, почти обо всем. Совершенно не за чем было рассказывать о ее столкновении с мерзким герцогом Дамоном.

— Мне очень жаль, что я ставлю тебя в такое положение. У меня и в мыслях не было подвергать опасности твое новое назначение, — Фэллон слабо пожала плечами. — Мне больше некуда было идти.

Эви прервала ее, покачав головой:

— Переночуешь здесь. А потом... — она замолчала, в мягких голубых глазах мелькнула неуверенность.

Она сжала ладонь Фэллон. Фэллон понимающе кивнула. Утром Эви должна была отплыть на Барбадос, чтобы передать мисс Пратт в руки ожидающего ее жениха. Развязав завязки, Фэллон сняла плащ.

— Я что —нибудь найду завтра. Новое место. Еще лучше, — она коротко усмехнулась. — Я всегда нахожу.

Ладно, пусть не лучше, но ей не хотелось, чтобы Эви переживала из —за нее.

— Возможно, тебе удастся объяснить все миссис Джемисон. Уверена, она не станет винить тебя в том, что ее сын...

— Нет, — перебила Фэллон. — Она станет, — Фэллон беззаботно пожала плечами. — Я давно поняла: родственники держатся друг за друга. Слово служанки против слова

драгоценного сына ничего не значит для миссис Джемисон.

— Ох, Фэллон, тебе просто феноменально не везет.

Везение. Фэллон думала, что верит в него. Верит, что везение — или его нехватка — определяло все события в ее жизни. Однако вера в везение предполагала, что сама Фэллон не контролирует свою собственную судьбу. А именно с этим она не могла смириться.

— О, Фэллон!

Прикусив губу, Эви осмотрела свою со вкусом обставленную комнату. Ее взгляд упал на огромный дорожный сундук. Фэллон вдруг пришло в голову, что Эви серьезно обдумывает возможность засунуть ее в сундук и тайно протащить на корабль вместе с остальным своим багажом.

Взгляд Фэллон блуждал по комнате, оценивая красивую мебель красного дерева, кровать под балдахином с пухлым одеялом, которое так и манило прилечь и попробовать его мягкость. Это напомнило ей о жестких кроватях, на которых они спали в Пенвике. Словно прочитав ее мысли, Эви тихо сказала:

— Ты тоже заслуживаешь всего этого. Ты образованна так же, как и я, чтобы получить такую должность.

Могла бы и она иметь все это? Что, если бы она осталась на несколько лет преподавать в Пенвике, как и Эви, чтобы накопить необходимый опыт и добыть рекомендательные письма, которые помогли бы получить желаемую должность? Если бы заставила себя снова и снова видеть лицо Броклхерста? Он никогда не ненавидел Эви и Маргарит так, как ее.

— Я всегда приземляюсь на лапы, — Фэллон не хотела, чтобы Эви уплыла на Барбадос, волнуясь о ее будущем. Особенно сейчас, когда ей предстояли такие долгожданные приключения. — Я найду новое место завтра же.

— Ты можешь оставаться здесь до самого нашего отъезда. Это после полудня. Хетти никогда не заходит в мою комнату, — гладкая бровь Эви изогнулась. — Ты уверена, что сможешь найти новое место за такое короткое время?

— Абсолютно, — а если нет, то, поклялась себе Фэллон, она не взвалит эту проблему на плечи Эви.

Эви покачала головой, прядь медово — каштановых волос упала на ее плечо.

— Даже не знаю, — начала было она, но ее прервал пронзительный визг из соседней комнаты.

Фэллон от неожиданности подпрыгнула на месте, прижав руку к сердцу:

— Какого...

— Эв! Эв! Ты нужна мне! Сейчас же иди сюда!!!

— Господи Боже! Это твоя подопечная?

Эви устало закрыла глаза. Снова послышался истошный крик:

— Эв!!!

Фэллон выгнула бровь?

— Эв?

— Она настаивает на том, чтобы называть меня Эв.

Так называл ее мастер Броклхерст, и Фэллон знала, как ненавидит ее подруга это имя.

— Судя по всему, наимилейшая девушка, — улыбнулась Фэллон.

— Я не собираюсь ждать всю ночь, Эв!!!

— Неделями на борту в одной каюте... — Эви передернуло. — Я начинаю думать, что это не то приключение, которое я себе представляла.

Поднявшись, Эви направилась к смежной двери и воздела глаза к небу:

— Извини меня. Меня зовет ее королевское величество. Всего лишь в пятый раз за ночь, — повернувшись к двери, Эви расправила плечи. — Может, ей всего лишь нужно, чтобы я разворошила угли в камине. Опять, — указав на шкаф у задней стены, она предложила: — Располагайся поудобнее. Там у меня есть ночная рубашка, которая должна тебе подойти, — она виновато улыбнулась. — Хотя, наверное, она немного коротковата.

Открыв смежную дверь, Эви быстро прошла в нее и закрыла за собой.

Принимая ее предложение, Фэллон покопалась в вещах Эви и нашла просторную ночную рубашку. Закрыв шкаф, она подошла к камину, чтобы согреть руки в тепле тлеющих углей. На мгновение она позволила себе забыть этот вечер, забыть герцога с гипнотизирующими серо — синими глазами и грешной улыбкой, забыть все те распутные вещи, что он вытворял в темной карете. Ее обдало жаром, и Фэллон упала на роскошное одеяло. По крайней мере, эту ночь она проведет в комфорте. Вместе с Эви.

Она снова поймала себя на мыслях о герцоге и схватила за голову. *Чертовы мужики!* Они могли сколько угодно предаваться удовольствиям. Они могли делать все, что захотят. Даже если им не хватало денег, они могли устроиться на приличную работу и не терпеть всего того, с чем приходилось мириться Фэллон.

После сегодняшнего фиаско миссис Харрисон ни за что и никогда не примет в агентстве ее кандидатуру. И все, что Фэллон сможет найти — это такая работа, на которую никогда не согласилась бы приличная женщина.

Ох, па, ты никогда не думал, что я скачусь в такую яму, правда? Жаль, что я не родилась мужчиной. Тогда выжить было бы намного легче. Если бы она была мужчиной, она смогла бы жить и выполнять свои обязанности без необходимости постоянно защищать себя. Она была бы тем, чье присутствие не заставляло бы всех женщин в доме чувствовать себя неудобно только потому, что они живут под одной крышей и дышат одним воздухом. Тем, кому миссис Харрисон никогда не дала бы от ворот поворот. Резко вдохнув, она села на кровати. Внезапно мир стал понятным. Все стало предельно ясным, а невозможное — таким возможным! Если только ей хватит безрассудства пройти через это...

Соскочив с кровати, Фэллон уставилась на свое отражение в зеркале. Она смотрела на себя широко раскрытыми глазами, которые пылали тревогой и... волнением. В темном янтаре светилась надежда, которая не посещала ее уже несколько лет, начиная с самого первого несправедливого увольнения.

Мысленно Фэллон снова слышала голос отца: «Ах, Фэллон, милая. У тебя характер твоего отца».

— Да, пап, точно, — прошептала она, отступив на шаг от зеркала.

Фэллон так привыкла говорить с отцом в течение стольких лет после его смерти, что это уже давно не казалось ей странным.

Усевшись на табурет перед зеркалом, она распустила по плечам волосы. Точно, как у матери, как говаривал отец. И, как подозревала Фэллон, именно они являлись причиной столь повышенного внимания к ее персоне. Мастер Броклхерст не мог смириться с ее волосами, называя их шокирующими и недозволенными. Как будто она могла что — то поделаться с их цветом — ни белокурым, ни рыжим, ни каштановым, а сочетанием всех трех цветов сразу.

Поддавшись импульсу, Фэллон принялась копаться в ящиках с мрачной ухмылкой на губах. Ее пальцы нащупали ножницы. Она сжимала их в руке и просто смотрела на них.

Холодная сталь вернула ее к реальности. *Ты действительно хочешь сделать это? Да.* За эти годы ее волосы принесли ей немало горя. Возможно, она сможет это исправить.

Вздохнув, Фэллон подняла с плеча тяжелую прядь и принялась резать...

— Святые небеса! Что ты наделала?

Фэллон провела рукой по коротко обстриженным волосам и, не вставая с табурета, повернулась к Эви. Голые пальцы ее ног утопали в шелковистых прядях, разбросанных на полу. Еще несколько минут назад длинные, до самой талии, волосы теперь едва касались плеч. Она потрясла головой, ощущая непривычную легкость.

— Твои прекрасные волосы! — простонала Эви и дотронулась до своих медово — каштановых локонов, словно им грозила такая же опасность.

— Я их постригла, — дала Фэллон ненужное объяснение открывшейся взору Эви картины и положила руки на колени в надежде, что это уймёт их дрожь.

Она до сих пор не могла поверить в то, что сделала, или, точнее, в то, что собиралась сделать. Эви покачала головой и потерла виски длинными пальцами.

— Как это произошло? Я ведь только на минутку вышла.

— Ты же знаешь меня. Если уж я что решила... — голос Фэллон оборвался, и она пожала плечами.

Эви указала на волосы на полу:

— Но... зачем?

Фэллон облизнула губы:

— Я тут подумала, что мне и вполтину не было бы так тяжело удержаться в должности, если бы я была мужчиной.

Брови Эви взметнулись вверх. На некоторое время между девушками повисла тишина. Наконец губы Эви, немного полноватые для ее узкого лица, зашевелились:

— Ты же не имеешь в виду...

— А почему бы и нет? Мужчинам больше платят. Я могла бы откладывать деньги. Тем более это же не навсегда.

— Ты не можешь ожидать, что все станут принимать тебя за мужчину.

— Я достаточно высокая.

Эви уставилась на ее грудь:

— А как быть с этим?

Фэллон глянула вниз.

— Может, все остальное у меня и большое, да только не это. — *Одна маленькая причина, за которую стоит сказать спасибо.* — Думаю, я смогу завязать это дело, и никто не заметит.

— Но ты женщина. Твоя походка, жесты...

— Люди видят только то, что хотят. А когда речь идет о прислуге, никто особо не присматривается. Никто не обращает внимания на лакеев или кучеров. Проблема была в том, что я никак не могла изменить цвет волос, — она снова провела рукой по волосам. — Теперь вот могу.

Эви покосилась на ее волосы:

— Они кажутся... каштановыми.

Фэллон подошла к ней с пузырьком крема для кожи в руках.

— Я намазалась вот этим. Так мои волосы выглядят темнее. Какое — то время попользуюсь этим. Пока не куплю помаду. (*Помада — косметика на основе жира или воска*)

для замазки волос. Помада делает волосы блестящими и причёску более устойчивой. — Прим. перев.)

Эви рухнула на край кровати, заламывая руки так, что побелели суставы.

— Ты действительно намерена сделать это.

Когда она произносила эти слова, в ее глазах светилось восхищение, но в ее взгляде также были тревога и... страх. Какой бы сумасшедшей ни была эта затея, она могла спасти Фэллон или погубить. Но что еще оставалось? Мозг Фэллон тут же предложил все возможные безрадостные варианты, и она решительно оказалась от каждого из них. *Нет*. Она никогда не пойдет на такое.

Высоко задрав подбородок, она выдавила самую бодрую улыбку из своего арсенала:

— Завтра утром я представлюсь в агентстве миссис Харрисон. Все будет хорошо. Ты можешь отправляться в свое приключение, не беспокоясь обо мне.

Вздохнув, Эви встала:

— Если уж ты решилась на такое, давай удостоверимся, что все сделано, как надо.

Остаток ночи прошел как в тумане. Сначала Эви закончила с волосами Фэллон, потом ушла и вернулась с купленной у портье одеждой. После незначительных манипуляций с иголкой и ниткой у Фэллон появилась соответствующая одежда.

Облачившись в новый наряд, она с сомнением взглянула на свое отражение, и ее кожа покрылась мурашками:

— Даже не знаю, я в шоке, или мне нравится то, что получилось.

За ее спиной Эви удивленно кивнула:

— Если бы я лично не помогала тебе с перевоплощением, то ни за что бы не поверила.

— Я выгляжу, как мужик.

— Ну, ты можешь сойти за одного из них, — согласилась Эви. — Хотя, скорее, за мальчишку.

— За молодого человека, — поправила Фэллон, приглаживая уложенные назад с помощью крема волосы, довольная тем, что красновато — золотистый оттенок едва различим. Волосы казались обыкновенно каштановыми.

— Точно. Примерно семнадцати — восемнадцати лет. Скажи спасибо своему росту.

К счастью, благодаря узкой форме лица, черты Фэллон не казались мягкими или утонченными. Она никогда не была румяной девицей. Ее черты были резкими, челюсть немного широковатой.

Эвелина повернула голову и задумчиво изрекла:

— А мужинка из тебя симпатичный.

— Да уж, мне такие встречались, — кивнув, согласилась Фэллон, не зная, кого хочет убедить — себя или Эви.

Половина мужчин в городе стремилась выглядеть так, как она сейчас — настоящий денди. Те, что приносили ей одни неприятности в последние два года, были намного привлекательнее, чем она сама. Почему — то перед глазами всплыло лицо герцога Дамона. *Вот уж кто точно не денди*. Ничего мягкого или изящного в нем не было. И он был выше ее. Не таким, как все те джентльмены, которых ей доводилось видеть раньше. Таких мужчин вряд ли можно обнаружить в гостиных, задумчиво потягивающих чай из изящных чашечек. Фэллон скривила губы. Скорее всего, он был завсегдатаем борделей и других сомнительных заведений. Фэллон тряхнула головой, избавляясь от образа этого распутника, и стала пристально изучать новую себя. Уперев руку в бедро, она постаралась принять

мужественную позу:

— Ну и как меня теперь зовут?

Болезненный страх темными пальцами сдавливал ее сердце, когда она посмотрела на дрожащий в ее руке лист бумаги, а потом снова на дом, возвышающийся перед ней. По другую сторону декорированных испанских железных ворот расположился трехэтажный особняк из белого канского (*Кан — англ. Caen, город на севере Франции. — Прим. перев.*) камня. Еще один взгляд на быстрый и небрежный почерк миссис Харрисон и адрес на бронзовой табличке подтвердил, что ошибки быть не могло. Мир перестал вращаться, позабыв о своей оси. Фэллон стояла на пороге дома 15 на площади Поттингэм. То самое место, куда она поклялась не ступать ногой.

Она топталась на месте, вспоминая этого кошмарного человека. Злой блеск в глазах, когда его язык плясал вокруг соска той женщины. *Мерзавец!* Хотелось ли ей принять должность в его доме? *Только если ты уже не ты. Он теперь никогда не посмотрит на тебя дважды.*

Решительно кивнув, Фэллон толкнула ворота, прошла к задней части дома и постучала в дверь для прислуги. Сегодня ей нужна крыша над головой. Она не могла позволить себе перебирать варианты.

Несколько мгновений спустя она сидела в просторной кухне, перед ней стояла тарелка с бисквитами, и самый странный дворецкий, которого она когда — либо видела, беседовал с ней по поводу должности лакея.

Фэллон работала во многих домах, и у нее сформировались определенные стереотипы, одним из которых было представление о том, что дворецкий должен выглядеть ... ну ладно, как дворецкий. Но с чего ей удивляться? Его хозяин вряд ли тянул на образец того, каким должен быть обычный аристократ. Хотя, как и большинство из них, он явно считал себя выше других только потому, что это право гарантировал сам факт его рождения. Горечь заполнила Фэллон изнутри, сдавливая грудь, когда она подумала об отце, погибшем на далеком острове. И все из — за эгоистичной прихоти лорда Ханта. Отпрыски голубых кровей всегда делали то, что им нравилось. *Черт бы их всех побрал!*

Дворецкий окинул ее критическим взглядом одного голубого глаза, второй закрывала черная повязка. Она заставила себя не ерзать, чтобы не показывать ни малейшего признака беспокойства, даже когда ей показалось, что голубой глаз стал буквально срывать с нее одежду, чтобы увидеть ее всю — ее настоящую. *Вот оно!* Если кто и сможет раскрыть ее обман, то это будет именно этот человек, прямо здесь и сейчас. По иронии судьбы этим человеком оказался проницательный одноглазый дворецкий.

— Меня прислала миссис Харрисон.

В этих словах не было необходимости, поскольку дворецкий держал в руках ее письмо, но Фэллон просто жаждала нарушить затянувшееся молчание. В ожидании она затаила дыхание.

После долгой паузы мистер Адамс наклонился вперед на своем стуле и взял с тарелки бисквит.

— Превосходные бисквиты, — бросил он через плечо поварихе — худой женщине, которая стояла у плиты и что — то помешивала в горшке жилистой рукой.

Под мышками на ее платье красовались большие пятна пота. Женщина что — то проворчала в ответ. Мистер Адамс снова уставился одним глазом на Фэллон и о чем — то

задумался.

— Что ты скажешь о юном Френсисе, Марта?

Эви выбрала это имя, решив, что чем ближе к настоящему, тем лучше. И все же, услышав, как дворецкий произнес его, Фэллон едва не поддалась желанию оглянуться.

Повариха снова что — то проворчала.

— Читаешь мои мысли, — неопределенно ответил мистер Адамс.

Взяв салфетку, он приложил ее к губам с таким изяществом, которого Фэллон никак не ожидала от одноглазого, опасного на вид мужчины. Даже если он — дворецкий.

Фэллон беспомощно переводила взгляд с дворецкого на повариху и обратно. Произвести впечатление на миссис Харрисон не составило труда. Она не стала задавать много вопросов и не подвергла сомнениям рекомендательные письма — разумеется, фальшивые. Пожилая женщина с удовольствием отвечала на флирт Фэллон и светила от счастья, что может устроить ей собеседование в тот же день, что доказывало подозрения Фэллон: мужчинам все давалось легче.

Мистер Адамс легко усмехнулся:

— Ладно, парень. Думаю, ты как раз то, что нам нужно. К тому же, ты такого же роста, как и наш предыдущий лакей. Наверняка его ливрея будет тебе впору, — дворецкий указал на свою грудь. — Кому — то это может показаться немного старомодным, но это имение герцога, и здесь все лакеи носят ливреи.

Фэллон кивнула, улыбаясь, но почему — то облегчения не испытывала. Соответствующий моменту восторженный ответ никак не сходил с губ. Она же получила именно то, чего хотела. Так почему у нее такое чувство, будто ей на шею надели петлю? В ее мыслях вспыхнуло воспоминание о темной голове герцога, склонившегося над обнаженной грудью женщины, и Фэллон поняла, почему: если она и дальше будет предаваться этим мыслям, то легко начнет представлять, как его рот ласкает ее грудь. Живот Фэллон сжался. Она сглотнула и фыркнула от отвращения так, как не пристало леди, точнее, джентльмену. Она рванула прядь волос, упавшую на шею. *Отступить уже поздно.*

— Идем, Френсис. Я покажу твою комнату и расскажу о твоих обязанностях, — мистер Адамс сунул в рот еще один бисквит и поднялся на ноги. — Роскошные бисквиты, Марта. Отошли парочку на подносе для его светлости, когда он проснется.

Фэллон бросила взгляд на солнечный свет, льющийся из окна кухни. *Типичный бездельник голубых кровей. Уже давно перевалило за полдень, он все еще дрыхнет!*

— Наш господин — неисправимый сладкоежка, — губы мистера Адамса дернулись в улыбке, и он ткнул Фэллон локтем в ребра, когда они выходили из кухни. — Впрочем, неисправимый — это самое подходящее для него слово, — он моргнул здоровым глазом. — Дамский угодник. А еще любитель выпивки и карточных столов.

Неисправимый. Фэллон фыркнула и подумала о мужчине в карете и о женщинах с обеих сторон от него. Слово «неисправимый» замечательно описывало его, а еще лучше — «ненасытный». Разумеется, дворецкий не мог упомянуть склонность своего хозяина к оргиям в списке его недостатков.

Мистер Адамс остановился на лестнице, сощулив свой единственный глаз. Слишком поздно Фэллон поняла, что фыркнула слишком громко.

— Хороший слуга держит язык за зубами и отводит глаза, если ты понимаешь, о чем я.

Ага, так вот, значит, формула хорошего слуги? Она подавила ухмылку. Неудивительно, что ее отовсюду увольняли.

— У его светлости склонность... к потаканию всякого рода прихотям, — продолжал тем временем дворецкий. — Ты наверняка слышал, как его окрестили в городе. С тех пор, как он вернулся, все только об этом и судачат, — заметив непонимающий взгляд Фэллон, он уточнил: — Герцог — демон.

Герцог — демон? Фэллон покачала головой. *Вот уж точно.* Дворецкий пронзил ее рентгеновским взглядом:

— Надеюсь, ты не возражаешь против работы на такого человека, парень.

Итак, экзаменационный вопрос задан. Она на мгновение задумалась. Возражает ли она против работы на такого «неисправимого» господина? Фэллон чуть не закатила глаза: а знала ли она других? Теперь, когда она работала под маской мужчины, а не женщины, которую все хозяева считали легкодоступной, то, как работодатель проводит свои дни, не должно иметь для нее значения. Как лакея, ее не будут замечать. Она станет невидимкой, и это обеспечит ее безопасность, как она и хотела.

— Кто я такой, чтобы возражать? — Фэллон махнула рукой. — Я всего лишь скромный слуга.

— Вот именно, — пробормотал мистер Адамс. — Мы все глубоко преданны его светлости. Для нас большая честь — служить ему. — *Большая честь?* — Надеюсь, со временем ты станешь чувствовать то же самое.

Преданность? Такому развратнику? Она уставилась на мистера Адамса, не в силах понять, как такой негодяй смог заслужить верность своей прислуги. Фэллон, как никто, знала, что слугам совершенно не обязательно должен нравиться их хозяин, чтобы они могли выполнять свои обязанности. В ее практике такое случалось крайне редко. А может быть, его поведение тогда было исключением из правил, из ряда вон выходящим случаем, свидетелем которому ей не повезло стать. Подумав об этом, она решительно отказалась от этих мыслей. Она знала таких, как он. Ее отец работал на такого человека. Злой, аморальный тип, который способен на все — даже на убийство.

Мистер Адамс стоял на лестнице, сверля Фэллон немигающим глазом.

— Мы с тобой оба мужчины, Френсис, поэтому я скажу тебе прямо, — Фэллон кивнула и расправила плечи, стараясь выглядеть мужественно и мрачно под отрезвляющим тоном дворецкого. — Мы закрываем глаза на выходки хозяина, а утром убираем за ним. И мы не выносим сор из избы, — он указал кривым пальцем на стену. — И ничего не говорим женщинам в доме. Нет никакой нужды испытывать их тонкую натуру. — *Тонкую? Ха!* — Репутацию его светлости марают за стенами этого дома и без нашей помощи, ясно?

Что же это за место? Содом и Гоморра? Фэллон коротко кивнула:

— Да, мистер Адамс.

Пока у нее есть горячая еда, теплая постель и приличный заработок, который она сможет откладывать на свой собственный — настоящий — дом, она готова практически на все. Мистер Адамс развернулся и зашагал вверх по лестнице. Фэллон последовала за ним.

Улыбаясь, Фэллон растянулась на свежих хрустящих простынях. В течение долгого мгновения она прислушивалась к тишине, завоеванной с таким трудом. Она внимательно оглядывала окружающие ее четыре стены. Стол, комод, шкаф. Ее взгляд замечал превосходную мебель в комнате для простого слуги. И все это — ее. По крайней мере, до тех пор, пока она живет здесь. В своей собственной комнате.

Одиночество. С тех пор, как не стало отца, у нее никогда не было собственной комнаты, а значит, и благословенного покоя и тишины, которые она могла дать. Но Фэллон не обманывала себя и не считала это место домом.

Дом — это нечто постоянное. То, что никто и никогда не сможет отнять. То, что однажды, поклялась она себе, она обязательно обретет.

И, тем не менее, эту комнату несомненно можно было назвать достижением.

Отдаленный визг разрушил покой раннего утра. Голоса добрались до комнаты Фэллон, и она села в постели.

— Да она совсем спятила! Уберите ее от меня! На помощь! Помогите!!!

Слабый утренний свет с трудом проникал в комнату сквозь занавески. Выскользнув из теплой постели, Фэллон поспешно натянула ливрею, задержалась перед зеркалом, напомаживая волосы, связала их в узел на затылке и нахлобучила колючий парик. Этот предмет ее одежды практически полностью скрывал ее женственность.

Шум за дверью становился все громче. Взявшись рукой за дверную ручку и прикусив губу, Фэллон раздумывала над тем, не лучше ли остаться в комнате и спрятаться, пока что бы там ни было не уляжется. Вчера она прибыла сюда довольно поздно, поэтому ей еще только предстояло познакомиться со всей домашней челядью, и Фэллон никак не могла унять нервную дрожь. Кто — нибудь может раскрыть ее маскарад... возможно, даже сам хозяин, если он сейчас там, за дверью. Дрожь другого рода пронзила ее. *Вряд ли. Сейчас рано, и он наверняка спит.* А ей рано или поздно все равно придется столкнуться со своим новым миром.

Глубоко вздохнув, Фэллон открыла дверь, шагнула в коридор и тут же обнаружила, что не ее одну этот шум вытащил из постели. По коридору неслась целая толпа слуг. Едва она успела что — либо рассмотреть, как толпа подхватила ее и понесла вверх по служебной лестнице. Воздух, наполненный гулом взволнованных голосов, служил аккомпанементом громким крикам, доносившимся со второго этажа.

— Что он натворил на этот раз? — сверкая глазами, захихикала служанка за спиной Фэллон.

— Наверное, это как — то связано с той девкой, которую он притащил сюда прошлой ночью, — предположила другая и покраснела, поймав взгляд Фэллон.

И тут наступила очередь Фэллон покраснеть. Она больше не Фэллон, а Френсис Френсис. Она стала мысленно повторять это имя, как мантру. Расправив плечи, она последовала примеру остальных слуг, которые вытягивали шеи в надежде увидеть, что же там происходит.

Миссис Дэвис, экономка, которой мистер Адамс представил ее вчера, размахивая метлой, гнала вниз по лестнице женщину в ярко — красном вечернем платье. Огромные, как дыни, груди норовили вот — вот вывалиться из низкого до неприличия декольте.

— Вон! Вон отсюда, грязная воровка!

Несколько слуг бросились на помощь экономке, на ходу выкрикивая оскорбления в адрес взъерошенной женщины. Фэллон медленно поворачивала голову, оглядывая слуг, замерших по обе стороны лестницы. Несмотря на их опрятный внешний вид в чистых ливреях, она вдруг почувствовала себя в самом центре кроважадной толпы, которая с возбуждением наблюдает за несправедливой казнью.

Крики стали громче, когда экономка швырнула метлу прямо в голову женщины. Несчастное создание завопило и схватилось за голову, тщетно пытаясь вытащить из спутанных волос сломавшиеся прутыки.

— Я научу тебя, как красть серебро его светлости!

— Миссис Дэвис! Что это Вы делаете? — прогрехотал голос мистера Адамса из нижнего зала с мраморными полами.

Уперев руки в свои узкие бедра, он наблюдал за развернувшимся перед ним спектаклем с меньшей долей юмора, чем остальные слуги.

— Зовите охрану, мистер Адамс! У нас тут воровка!!!

— Миссис Дэвис, это... гостя его светлости, — сказал дворецкий, одним глазом глядя на попавшую в немилость женщину.

— Гостя, тьфу! Разве он пригласил ее, чтобы она ограбила его, пока он ничего не видит?

Внезапно послышался глубокий низкий смех.

Фэллон замерла, дрожь прокатилась по ней, когда она и дюжины других слуг повернули головы, чтобы увидеть человека, обладавшего этим теплым бархатным голосом. Попад в сети приятного мужского смеха, Фэллон провела рукой по парикку, радуясь, что по — прежнему на своем месте. Он точно не узнает ее. Да она и сама с трудом узнавала себя в зеркальном отражении. Однако все же опустила плечи, инстинктивно стараясь слиться с толпой слуг.

— Ну, я пока еще не ослеп, миссис Дэвис, — произнес знакомый голос, от его бархатистого тембра внутренности Фэллон завязались узлом.

Женщина с всклокоченными волосами посмотрела вверх. Прижимая одну руку к груди, а второй все еще пытаясь извлечь из волос свидетельства досадного столкновения с метлой, она взмолилась:

— Дамон, дорогой! Спаси меня! Прикажи этой ведьме, чтобы перестала меня бить, — она полосонула взглядом экономку. — Уверена, у нее где — то припрятан котел с зельями.

Слуги зашипели и загомонили в ответ. Лицо миссис Дэвис приобрело невообразимо пунцовый оттенок.

— Ваша светлость! Наверняка Вы привели эту... женщину не для того, чтобы она обокрала вас.

Фэллон проследила за взглядом миссис Дэвис вместе со всеми остальными и узрела славноизвестного герцога Дамона. У нее перехватило дыхание. Он стоял наверху лестницы в одних темно — коричневых брюках. Сплошь покрытая мышцами грудь была выставлена на всеобщее обозрение. Татуировка в виде змеи покрывала верхнюю часть груди и, извиваясь, спускалась на плечо. Фэллон была поражена. Ничего подобного ей не доводилось видеть раньше. Тем более, на герцоге. Темные волосы, почти такие же длинные, как ее собственные, прямыми прядями обрамляли его лицо и спадали на широкие мускулистые плечи. Он был больше похож на пирата, чем на джентльмена. Взгляд Фэллон вернулся к его телу — его груди и разноцветной змее, которая, казалось, извивалась в танце вокруг

плоского коричневого соска. Ее глаза скользнули ниже, проследив узкую полосу темных волос, исчезающую где — то под брюками. Открывшееся взору зрелище заставило ее покраснеть, но она тут же напомнила себе, что была, как все полагали, женщиной, и это не должно ее смущать, как однозначно смущало покрасневших служанок, стоявших рядом с ней.

— Селеста, — медленно проговорил он, — а я уже стал волноваться, куда это ты подевалась, — в глубоком голосе слышался затаившийся смех. Он провел рукой по груди, медленно, лениво и как — то... эротично. — Я проснулся в холодной постели.

— Умоляю, скажи этому зверю в женском обликии, чтобы она перестала меня бить, — раздраженно сказала женщина и протянула руку, чтобы забрать у миссис Дэвис метлу.

— Я поймала ее за кражей серебра, ваша светлость.

Экономка покопалась в карманах в поисках доказательств своей правоты и принялась выкладывать их на ступеньку — подсвечник, соусник, подставку для салфеток.

— Селеста, — герцог с упреком поцокал языком, в его глазах плясало что — то дьявольское. — А я — то думал, что моя компания стала достаточной наградой для тебя.

— Любимый мой, дорогой, я бы никогда не стала красть у тебя, — ответила Селеста с мольбой в глазах.

— Лживая потаскушка, — прохихикала служанка рядом с Фэллон.

Внезапный звук тяжелых шагов заполнил пространство.

— Ваша светлость! Ваша светлость!

Мужчина с расстроенным выражением лица подошел к герцогу, смущаясь и краснея при виде полуобнаженного хозяина дома. Его взгляд порхал по слугам от одного к другому, как дикая птица, наверное, потому, решила Фэллон, что ему странно видеть так много людей сразу, собравшихся, чтобы стать свидетелями этого безобразного зрелища. Глубоко вздохнув, он высоко поднял подбородок над накрахмаленным шейным платком и обеими руками пригладил пиджак темно — сливового цвета, как будто одно это движение могло помочь ему взять себя в руки.

— Кто это? — шепотом спросила Фэллон у стоявшей рядом служанки.

Симпатичная девушка скользнула взглядом по Фэллон, и ее карие глаза потеплели от интереса.

— Этот задавала — камердинер, мистер Дидлсворт, — ответила она.

— Прошу вас, ваша светлость! — камердинер описал рукой маленький изящный круг и согнулся в глубоком поклоне. — Позвольте сопроводить вас в вашу опочивальню. Я приготовил для вас кашемировый пиджак с шелковым жилетом...

— Ради бога! — оборвал его герцог и потряс головой, темные волосы разметались. — Ты же не собираешься опять обсуждать со мной одежду?

Дидлсворт указал на голую грудь герцога и пробормотал:

— Н — но вы не одеты, ваша светлость. Я лишь предложил свою помощь...

— Не нуди, Дидлсворт, — упрекнул Дамон и наградил его тяжелым взглядом. — Меньше всего меня сейчас интересуют твои причитания по поводу моего гардероба.

Кровь прилила к щекам камердинера.

— Дидлсворт, Ваша светлость, — ворт.

Слуги захихикали, и у Фэллон появилась глубокая уверенность в том, что она попала в сумасшедший дом. Натуральный Бедлам (*Бедлам* — англ. *Bedlam*, от англ. *Bethlehem* — Вифлеем; официальное название *Бетлемская королевская больница* — англ. *Bethlem Royal*

Hospital, психиатрическая больница в Лондоне с 1547 г. — Прим. перев.).

— Очень хорошо, — ноздри камердинера задрожали. — В таком случае мне придется осмотреть ваш гардероб самостоятельно. Но, должен заметить, ваша светлость, что кашемир великолепен, а тот гениальный портной прислал несколько пар брюк для примерки, которые польстят даже...

— Дидлстрат! — простонал герцог. — Иди уже.

— Разумеется.

И камердинер поспешил ретироваться, бормоча под нос правильное произношение своего имени.

— Дамон, любовь моя, — надув губы, прохныкала женщина на лестнице и стала подниматься к нему, покачивая бедрами в измятом шелковом платье.

Он обнял рукой большую колонну, венчавшую лестницу, и его голос снова повеселел:

— Селеста.

Легкие Фэллон сдавило от вида сильной руки, обнимающей белый мрамор. Даже темные волосы под мышками выглядели мужественно и соблазнительно. *Абсурд!*

Герцог смотрел, как Селеста поднимается по лестнице с каким — то отстраненным выражением лица, его глаза блестели... как лужи во мраке ночи, которые Фэллон видела из окна его кареты, словно расплавленное олово. Он улыбался. Улыбка словно застыла на высеченном из камня лице.

— Отдайте ей серебро, миссис Дэвис, — он криво усмехнулся, став похожим на отпетого грешника, и эта его улыбочка могла соблазнить любую женщину перейти на темную сторону. — Удовольствие, которое я получил этой ночью, стоит того.

По рядам слуг прошла волна, и все тихонько засмеялись. Селеста выпрямилась так, словно проглотила кочергу. Краска залила ее щеки.

— Я не шлюха, Дамон.

— Всего лишь воровка, — вставила миссис Дэвис.

Герцог поднял руку, призывая экономку к молчанию. Улыбка все еще играла на его лице, но стала какой — то другой — жесткой, неестественной и совершенно не подходящей его лицу. Волосы на затылке Фэллон зашевелились. Что — то еще скрывалось в изгибе этих идеально очерченных губ. Что — то настораживающее. Опасное. В этот момент она поняла, что каким бы распутным он ни казался, он далеко не простой и глупый нахал. Что — то сжалось внутри нее, и Фэллон снова жутко захотелось иметь шанс найти работу где — нибудь в другом месте. *Но что бы ты стала делать до того, как найдешь что — нибудь подходящее? Спать на улице?*

Беспечность в его голосе исчезла, и Фэллон получила возможность оценить, каким жестоким может быть герцог, когда он с издевкой произнес:

— Если нам когда — нибудь представится шанс повторить это, позволь, я избавлю тебя от лишних проблем. Просто назови цену заранее, — Селеста задохнулась, как от удара. — А пока возьми серебро. Тебе ведь оно так приглянулось, — его легкомысленность исчезла. Он отошел от колонны и бросил через плечо: — Теперь пошла вон.

С пунцовыми щеками Селеста набросилась на серебро в руках миссис Дэвис.

— Но... — начала было экономка.

— Миссис Дэвис! — отрезал герцог.

— Да, ваша светлость, — и, огорченно вздохнув, она отдала охраняемые сокровища.

Прижав серебро к необъятной груди, Селеста помчалась вниз, бросив несколько

коротких взглядов через плечо, будто ожидала, что герцог станет преследовать ее.

Слуги бормотали ей вслед что — то неодобрительное.

— Гарпия, — пробурчала миниатюрная кареглазая служанка рядом с Фэллон.

— Даже не знаю, зачем его светлость тратит время на таких вот шлюх, — процедила еще одна.

— У него могла бы быть хорошая, приличная девушка, — высказала свое мнение кареглазая, снова с интересом взглянула на Фэллон и накрутила на палец толстую прядь, выбившуюся из — под чепца.

— Так, все вон отсюда! Принимайтесь за работу, — скомандовал мистер Адамс из холла, хлопая в ладоши.

Слуги начали расходиться. Маленькая служанка задержалась, застенчиво улыбаясь Фэллон и теребя завязки накрахмаленного чепчика.

Внезапно голос — темный и теплый, как пряный сидр — растопил воздух:

— А ты кто?

Фэллон задрожала от ужаса. Он не должен был заметить ее. Затаив дыхание, она медленно обернулась, молясь о том, чтобы он не узнал ее. Герцог изучал ее с каменным выражением лица. Фэллон выпрямилась во весь рост и лишь слегка запрокинула голову, чтобы посмотреть в глаза цвета стали, а потом вдруг вспомнила, что нужно изобразить почтительный поклон. И тут она почувствовала его запах. Герцог пах мужчиной и теплой кожей. Пульс в венке на шее Фэллон отбивал неровный нервный ритм. Прижав руку к себе, она отвесила поклон.

— Ваша светлость.

— Ах да, ваша светлость! — воскликнул мистер Адамс, поднимаясь по лестнице широкими, уверенными шагами. — Я как раз собирался утром представить вам Френсиса, — герцог одарил Фэллон быстрым взглядом, после чего посмотрел на краснеющую маленькую служанку. — Хотя, возможно, вам лучше самому поговорить с ним. Он еще не приступил к обязанностям.

Фэллон похолодела:

— Слушаю, ваша светлость.

— Мистер Адамс наверняка объяснил тебе, что входит в твои обязанности, а ты торчишь тут и флиртуешь с горничной. Разве он не приказал тебе приступить к работе?

Фэллон открыла рот. *Флиртую?*

Герцог обратил взгляд холодных серых глаз на мистера Адамса:

— Убедитесь, что ему понятно, что беспокоить служанок нельзя.

Беспокоить служанок? Да из всех самых абсурдных и невозможных сценариев... Она задохнулась, собираясь выпалить целую тираду в свою защиту, но он уже отвернулся от нее. Фэллон смотрела, как он уходит по коридору, мышцы на голой спине перекачивались под кожей по мере его движений.

Страхнув с себя ступор, Фэллон взглянула на мистера Адамса.

— Уверяю вас, сэр, у меня и в мыслях не было...

— Герцог взял под свою опеку всех женщин в доме.

Тот самый герцог, который так поглумился над ней в карете? Тот самый герцог, который только что так жестоко обошелся со своей любовницей на глазах у всего честного народа? В нем есть частичка благородства? Внутри нее рос безудержный смех. Спohватившись, Фэллон прижала пальцы к губам, но звук вырвался через нос,

превратившись в глухое фырканье, что звучало еще хуже, чем любой смех.

Мистер Адамс приподнял седую бровь. Фэллон пришла в себя:

— Разумеется, — покорно сказала она. — Но позвольте заверить вас, что я бы никогда не стал досаждать ни одной женщине в этом доме.

Как будто ей действительно нужно было убеждать дворецкого в том, что сама мысль об этом смешна и абсурдна. Особенно дворецкого, который работает на такого законченного распутника, как герцог Дамон. Герцог — демон. Неужели он действительно допускал мысль о том, что женщинам под крышей этого дома ничего не грозит? От такого негодяя? Фэллон категорически отказывалась в это верить.

— Вот и замечательно, — заключил мистер Адамс и бросил последний взгляд на служанку. — Иди отсюда, Ненси. У тебя прорва дел, а ты тут болтаешься все утро.

Смущенно взглянув на Фэллон из — под ресниц, Ненси унеслась прочь.

— Миссис Дэвис найдешь на кухне. Она введет тебя в курс дела.

Фэллон кивнула:

— Очень хорошо.

В последний раз измерив ее взглядом, мистер Адамс ушел. Фэллон наконец — то свободно вдохнула и прислонилась к перилам.

Не самое благоприятное начало, но, по крайней мере, герцог ее не узнал. Как раз наоборот: он решил, что ее нужно предупредить о том, чтобы она держалась от служанок подальше. Смех, да и только! Зато сейчас она в безопасности. Под защитой своей должности. Пока что.

Доминик провел рукой по волосам и снова упал на постель. После ночи с Селестой он нуждался в отдыхе. Он скривил губы. Пусть даже она воровка, она оказалась... притягательной. Вздыхая, он праздно протер свой лоб. Притягательной. И все же он чувствовал неудовлетворение. Неугомонность, которая мучила его, пока он был за границей, путешествуя из города в город, из страны в страну, от женщины к женщине до сих пор преследовала его. Возвращение домой не изменило это.

Он приписал необходимость вернуться домой тоске. Тоске по Англии. Не по дому вообще. Понятие дом не существовало для него. Он не ступал ногой в Вэйфилд — парк с тех самых пор, как стал его владельцем. И никогда он не поедет туда снова.

Да, Вэйфилд — парк принадлежал ему. Даже если старый ублюдок жил под его крышей. Доминик мог изгнать его оттуда, послать обратно в деревенский дом священника, где он с неослабевающим рвением мог со свойственным ему пылом предаться любимому занятию. Но разве Доминика заботило то, что старик останется в гряде кирпичей и скал? Его дедушка мог гнить и умереть и под фресковыми потолками, которые стали безмолвными свидетелями всех испоганенных дней его юности.

И все же ничто не могло сравниться с этой скукой. После ночи с жадной Селестой он должен чувствовать удовлетворение. Даже его холсты и краски в соседней комнате не притягивали его, готовые изгнать его боль. Его жизнь состояла из двух страстей: shagging и живопись. Ничто более не могло заставить его чувствовать, не могло освободить его от атрофированности чувств, что он познал на коленях бабушки. Или в юбках миссис Пирс.

Он распростерся на постели, затылок покалывал от воспоминаний тех диких, непокорных волосах цвета красного заката, которые так потрясли его. Ее лицо было тусклым из — за слабого освещения в экипаже, но те волосы он бы никогда не смог забыть. Распутная девчонка с ядовитым язычком, которую он подвез до отеля Дэвентри, все еще заполняла его мысли. Его пальцы сжались в поиске кисти, и он знал, что до того, как закончится день, он напишет то, что запомнил — весь огонь и дикий ветер. Фэллон О' Рурк. Ирландское имя, предположил он. Возможно, ему не удастся уложить ее под себя, но он заманит ее в ловушку своего холста. Или, по крайней мере, то, что он запомнил о ней.

Проведя рукой по лицу, он обдумывал мысль, как выяснить ее местонахождение. На самом деле она не ответила на его предложение... Но было что — то в ее взгляде, некая искра. С определенной долей убеждения, она могла вернуться. Он очаровывал и соблазнял женщин с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать лет. Он делал это с ошеломляющим успехом. Его богатство, высокий титул и греховная репутация — все это могло сломить сопротивление даже самой стойкой женщины. Грех стал целью его жизни.

Доминик закрыл глаза и сжал пальцами веки, пытаясь подавить нарастающую боль.

— О, вы проснулись. Следует ли мне принести вашу одежду, ваша светлость?

Он убрал руки с глаз и увидел снисходительную улыбку Дидлсворта. Легкий румянец выступил на его впалых щеках. Доминик скривился:

— Позже.

— О, — камердинер сник. Его пристальный взгляд перешел на поднос с корреспонденцией, который он держал на руках. — В таком случае, возможно, мы могли бы использовать это время с пользой и пройтись по вашему календарю, решая, какое

приглашение стоит принять?

— Ты хочешь сказать, что до сих пор Свет желает видеть меня и шлет приглашения?

Он фыркнул, затем усмехнулся, вспоминая инцидент четырехлетней давности, который послужил причиной его отъезда, и он покинул Британское общество.

Он думал, что ему запретили бывать в обществе после того, как он упал в пруд в саду Леди Уоверли во время вечеринки в связи с помолвкой ее дочери. Особенно после того, как он предложил дочери Леди Уоверли присоединиться к нему. Обнаженной. Он подавил смех. Молодая леди совершенно не волновалась о своем бракосочетании и откровенно, не таясь, искала незабываемые приключения.

— Конечно, — Дидлсворт с негодованием фыркнул. — Вы герцог. Желанный гость на любом празднике. Свет готов на все ради вас, и это правда. Они теряют дар речи, когда видят вас.

Доминик издал невнятный звук. Он понимал, что в словах камердинера есть доля правды. Хозяйки сезона рассматривали его присутствие как некое взбадривающее средство для своих гостей.

— Пусть тогда они и дальше пребывают в состоянии благоговейного молчания. У меня нет ни малейшего желания выходить куда — то. Ни на каком мероприятии мне быть не хочется. Ни за что.

Не было никакой необходимости будоражить или шокировать Свет. Он уже доказал, что он был порочным. Подобен демону, в чем его часто обвинял дедушка.

В глазах Дидлсворта промелькнуло беспокойство.

— Ваша светлость, вы не можете отсиживаться дома...

— У меня нет ни малейшего желания сидеть дома. Я намереваюсь выйти этой же ночью.

Доминик так и не понял, почему он вообще защищается от своего собственного камердинера. Лицо Дидлсворта просияло.

— Вы не шутите, ваша светлость?

— Еду к Мадам Флер. Я просто уверен, что сегодня она по — особому меня обслужит.

— К Мадам Флер? — черты его лица стали резкими. — Разве она не... куртизанка? Вы собрались в бордель?

Доминик скрестил щиколотки и закинул руки за голову.

— В бордель, — фыркнул он. — Мадам Флер — настоящая легенда. Она бы очень обиделась, если бы услышала, как ты ее почтенное учреждение назвал грубым словом «бордель».

— Я могу отзываться об этом учреждении только подобным образом, ваша светлость. Посещение этого места не делает вам чести.

Дидлсворт нахмурился, напоминая этим угрюмого деда Доминика. Понимание этого было подобно проглоченной горькой пилюле. И это заставило Доминика задуматься, почему он позволил Адамсу сделать так, чтобы этот чертов камердинер вел себя так вызывающе. Он уехал за границу без камердинера. И он не нуждался в его услугах. У Адамса было свое мнение по этому поводу, и он верил, что следует руководствоваться правилами в управлении домашним хозяйством, как это было в 1810-е годы, со всем блеском и церемониями, с лакеями, носящими парики, и дотошными и скрупулезными камердинерами.

— Послушай меня, Дидлсворт...

— Дидлсворт.

— Ты мне не хозяин. Я иду куда захочу и когда захочу. Если тебя не устраивает то, как я живу, ты более чем свободен, чтобы искать себе другую работу в другом месте. Я ясно выразился?

Дидлсворт мрачно кивнул, сохранив на лице убийственное выражение.

— Отлично, — перевернувшись на бок, Доминик оказался спиной к камердинеру. — На данный момент это все, Дидлкрот, — бросил он через плечо. — Я дам тебе знать, если мне понадобится твои услуги. Больше не беспокой меня.

Он услышал сердитый вздох мужчины, но на сей раз камердинер не осмелился исправить его по поводу надлежащего произношения его имени.

— Очень хорошо, сэр.

Доминик улыбнулся, услышав мягкие удаляющиеся шаги, задаваясь вопросом, как далеко он должен был зайти, если бы этот педант ушел отсюда. Возможно, тогда Адамс успокоился бы и не стал бы больше искать ему камердинера. Герцог — демон не нуждался в сторожевом псе.

— Эти ведра такие тяжелые.

Фэллон проигнорировала мягкое восклицание Нэнси и сосредоточила свое внимание на массивной вазе с цветами, которую она несла к столу в холле. Ее руки напряглись

от усилий, но она знала, что средний человек смог бы поднять тяжелую вазу, наполненную водой и цветами, а она как нельзя лучше подходила под описание среднего человека.

— О! — хрюкнула Нэнси.

Фэллон бросил быстрый взгляд туда, где стояла девица, бросившая ведро на мраморный пол, демонстрируя этим весь драматизм своих действий, и с выражением боли на лице потирала спину.

Положи вазу и не оглядывайся назад. Не смотри ей в глаза. Фэллон делала все возможное, чтобы не столкнуться с девушкой — особенно после предупреждения герцога, которое все еще звучало у нее в ушах — но она, кажется, заметила Фэллон.

Горничная попробовала еще раз. Постановывая, она снова подняла ведро.

— Уф, как же тяжело.

Поставив вазу в центре стола с мраморной столешницей, Фэллон вздохнула. Какой у нее выбор? Мужчина с горячей кровью никогда не пройдет мимо красивой девушки. Особенно той, которая нуждается в помощи, пусть даже в мнимой. И Фэллон просто вынуждена была сыграть роль мужчины. Распрямив плечи, она встретила лицом с горничной.

Нэнси радостно улыбнулась.

Фэллон съежилась.

Медленно опуская ведро, девушка с укоризной посмотрела на лестницу. Ее губы симпатично надулись.

— Ну и ужасные следы.

Положив руки на пояс, она выпрямилась, выставив грудь вперед.

Фэллон хотелось фыркнуть. Она знала девиц, похожих на Нэнси, всю свою жизнь — тех, которые за счет своей хитрости могли склонить других на то, чтобы те выполняли за них их же работу. Фэллон никогда не осмеливалась на такое. Рано или поздно каждый получал бы по заслугам. Или Нэнси была слишком наивной, чтобы знать это, или она собиралась уходить, когда придет час расплаты.

Прикусив язык, Фэллон ступила вперед и взяла ведро, начиная совершать самый глупый

поступок в своей жизни, даже если бы это означало, что она сломает себе спину.

— Позвольте мне.

Нэнси взмахнула руками перед пышной грудью.

— О, я не могу позволить...

Опустив голову, Фэллон посмотрела туда, где Нэнси не могла видеть.

— Я настаиваю. Это очень тяжело для вас.

— О, какой джентльмен, — выдохнула с удовольствием Нэнси. Шагнув вперед, она сжала руку Фэллон, чуть дольше задержав свою руку.

— Куда надо отнести это?

— В комнату хозяина. Я отвечаю за то, чтобы доставлять туда дважды в день свежий уголь.

Фэллон кивнула, надеясь, что Нэнси не ждет, будто она будет дважды каждый день нести в комнату хозяина ведро с углем.

Бросив девочке слабую улыбку, Фэллон пошла к лестнице с ведром. Осторожно ступая по коридору, она старалась не уронить ни камушка угля на дорогой золотистый ковер. У дверей хозяина она быстро постучалась. Она работала на кухне, бегая по поручениям повара большую часть утра, поэтому не знала, где находится герцог. Постучав еще раз, она подождала еще немного. Нет ответа. Девушка медленно открыла дверь и шагнула в полуосвещенные покои. Тишина комнаты показалась Фэллон почти что благоговейной, такой, как если бы она входила в святую церковь. Абсурдное предположение, особенно по отношению к мужчине, который и не думал о святости как таковой.

С опущенными портьерами время за окном вполне могло сойти за полночь. Только из разрезов тяжелых штор тоненький лучик света проникал в комнату. Красные и оранжевые тлеющие угольки пылали за решеткой камина, и она поспешила туда, чувствуя себя настоящим воришкой.

По дороге она изучала темное, словно туманное жилище, похожее на логово льва. Только лев отсутствовал, успокоила она себя. Массивная кровать с балдахином и белыми простынями стояла у одной стены. Фэллон моргнула и остановилась на полпути. Белые? Девственно и чисто белые, подобно груди голубя! Она ожидала, что герцог — демон спит на красных простынях. Или на черных. Она прекрасно могла себе такое представить. Злое красивое животное, ставшее человеческим существом, резвящимся в любовной игре с одной из своих многочисленных любовниц. Напряжение стало нарастать у Фэллон в груди. Из — за этого человека у нее появились мысли, которые и повлекли за собой все это. Ну, по крайней мере, в начале. Перед глазами вспыхнула картина: вот его широкая рука приподнимает грудь к своим губам, поддерживает, сжимает. К несчастью, эта грудь напоминала ее собственную. Волна неожиданного жара залила ее шею и лицо. Ее живот предательский сжался. Девушка положила ладонь на живот.

Она перевела свой взгляд от злополучной кровати... и словно наяву увидела картину, как герцог — демон запутался в простынях вместе с ней. Странно, что никто не потрудился задержать балдахин. Меблировка комнаты (она была уверена, что демон достаточно богат, чтоб иметь комнату, достойную герцога) выглядела, по меньшей мере, странной. И все же это была типичная спальня, и Фэллон представляла высокородного лорда, обитавшего в этих стенах, но никак не его. Он не вел себя, как подобало богатому герцогу, не одевал кричащую о состоятельности одежду, он носил все простое. Темную куртку. Жилет и шейный платок мягкого черного цвета. Никаких личных принадлежностей. Очевидная истина ударила ее, и

девушка поняла: это просто место жительства. Просто место, где можно поспать. Ничего более. Даже не дом.

Большой стол из красного дерева стоял у французских дверей, ведущих к балкону. Она засомневалась в том, что он когда — либо сидел там. Это бы показало неожиданно трудолюбивую сторону герцога. С сожалением, улыбнувшись, она присела перед решеткой и открыла дверцу. В чем он преуспел, так это в греховных делах. Это его неоспоримое поприще.

Положив руку на колено и радуясь свободе передвижений, которую давали ей бриджи, девушка воткнула совок в угли и подбросила их в огонь.

— Что, черт возьми, это за шум?

С грохотом Фэллон уронила совок в ведро, рука инстинктивно поднялась к горлу в защитном жесте, едва она услышала неожиданный голос. Резко обернувшись, она в ужасе наблюдала, как кровать в беспорядке начала двигаться подобно огромному животному, выбирающемуся из большого сугроба. Темная голова появилась посреди простыней. У нее пересохло во рту. Горло сжалось. О нет!

Сжимая одной рукой пухлую подушку, он приподнялся на локте, мигая и встряхивая голову. Темные взъерошенные волосы в живописном беспорядке падали на его плечи. Его татуировка в виде змеи задрожала во время движения его мускулистого плеча, словно это было отдельное живое и дышащее существо, обитающее на его плече. У нее перехватило дыхание. Она тщетно пыталась проглотить комок в горле. Его тело напоминало тело чернорабочего, а не аристократа. И эта татуировка. Она могла принадлежать злому пирату. Он моргнул еще пару раз, прежде чем его взгляд остановился на ней. Ее пальцы одеревенели в форме, словно она по — прежнему сжимала в руке совок.

— Что ты здесь делаешь? — глубокий и хриплый, его голос вызвал мурашки по ее коже. — Я предупреждал Дидлсворт, чтобы меня не беспокоили.

Фэллон закрыла рот и встала на ноги. Неяркий свет его глаз заставил ее желудок сжаться от дурного предчувствия.

— Прошу прощения, — она заставила себя сделать короткий присест. При этом пыталась унять жуткий полет бабочек в животе. — Простите меня. Мне сказали, что сюда надо принести уголь, — Фэллон сделала шаг назад. — И я на самом деле стучался.

— Точно? — зевнув, он присел на кровати, обернув вокруг себя белую простыню, что оставляла голыми его торс и слишком загорелую, почти бронзовую кожу. И слишком мускулистое тело. По крайней мере, в ее понятии у ленивого, потекающего своим желанием лорда не должно быть такого тела. Пальцы ее свободной руки предательски задержались в остром искушении коснуться его, чтобы ласкать, несмотря на ее неприязнь к нему и ко всему тому, кем он был. Несмотря на это она должна была казаться мужчиной, как он.

— Фред, не так ли? — он посмотрел на нее своими глазами.

Как она и думала. Лакеи едва примечательные существа. Едва запоминающиеся..

— Фрэнсис, — ответила она после небольшой паузы, пытаясь прочистить рот.

— Ах, Фрэнк.

Она хотела открыть рот, чтобы поправить его, но потом передумала. Фрэнк. Фрэнсис. Какая разница? Как она успела уже убедиться на горьком опыте с его камердинером, герцог любил искажать слова.

Он провел рукой по спутанным волосам. Черные локоны вернулись на место, словно шелковые занавесы, создавая тени на его впалых щеках. Концы колыхались выше его плеч,

гипнотизируя ее взгляд. Он провел рукой по глазам.

— Я редко встаю до полудня.

Ну конечно. Как и положено многим праздным лордам, которые проводят ночи на пирушках. Ничтожная горстка богатого населения. И он был в их числе.

— Да, ваша светлость. Этого впредь не повториться.

Он упал на поверхность белых простыней, перекатываясь на свою сторону, давая понять, что отпускает ее. Пытаясь оторвать свой пристальный взгляд от его спины, Фэллон направилась к двери, таща за собой ведро и давая себе обещание никогда больше не заходить сюда. Не зависимо от того, как будет подлизываться Нэнси. Она двигалась быстро по ворсистому ковру. Звук его дыхания доносился из постели, давая понять, что он снова намерен уснуть. Это отозвалось в ней, и девушка задрожала, рука сильнее сжала ручку ведра. Никогда больше она не переступит порог этой комнаты!

Фэллон обогнула переулок, хватая ртом воздух и надеясь, что не опоздала, что Маргарит все еще ждет ее у той самой скамьи в парке. Девушка провела рукой по шляпке, проверяя, на месте ли вещица, закрывающая большую часть головы. Ей кое — как удалось уложить короткие пряди волос, даже не смотря на то, что она израсходовала все имеющиеся в ее распоряжении булавки, чтобы справиться с непокорными прядями.

К счастью, Маргарит ждала ее на их условленной скамейке, выглядела немного чопорной и смотрела на пруд. Ей очень шла ее шляпка, из — под которой виднелись черные пряди волос, обрамлявшие ее лицо. Ее лицо ожило, когда она заметила Фэллон.

— Я боялась, что ты не придешь, — заговорила Маргарит, как только Фэллон опустилась на скамеечку возле нее. Она положила свою сумку возле ног на траву. Внутри была одежда, в которую она облачится, чтобы снова войти в дом герцога.

— У меня были кое — какие проблемы.

А вообще все заняло достаточно много времени, чтобы найти нелюдное место, туалет, за пределами герцогской резиденции, чтобы переодеться для встречи.

— В твоей записке говорилось, что ты нашла новую должность, и ничего более. Я так волновалась за тебя все эти дни, — Маргарит нахмурилась. — Что случилось с твоим местом у Миссис Джемисон?

— Как обычно.

— О, Фэллон, — прошептала Маргарит. В ее голосе прозвучала и жалость и сочувствие. Не так уж это и отличалось от ответа Эви.

Миниатюрная и симпатичная, как хрупкая китайская кукла, которую однажды видела Фэллон в витрине магазина, которой пристало восхищаться, Маргарит была, несомненно, самым трогательным существом, какого когда — либо могла выпустить школа Пенвич. Все же она никогда не оказывалась перед трудностями, какие были у Фэллон, когда дело касалось того, чтобы сохранить работу. С ее талантом в целительском искусстве, она была желанным товаром. Как медсестра, она переходила от одной хозяйки к другой, ее присутствие ценили и уважали. Работодатели относились к ней с исключительной любезностью.

— Но не стоит беспокоиться, — быстро добавила Фэллон. Хотя Маргарит и Эви и приходили к ней на помощь все эти годы после того, как они окончили школу, Фэллон ненавидела мысль, что подруги думают, будто она все еще нежное существо, постоянно нуждающееся в спасении. — Я все уладила.

— Честно? — Маргарит вскинула темную бровь, ее глаза цвета виски сверкали.

— Я нашла более подходящую работу у герцога Дамона.

Золотистые глаза Маргарит расширились.

— Ты имеешь в виду герцога — демона, адского герцога? Ты не шутишь?

У нее сжался желудок. Девушка улыбнулась дрожащими губами.

— Ты слышала о нем?

В этом был какой — то смысл. Маргарит вращалась в более высоких кругах, чем Фэллон.

— Что он недавно вернулся в город? Да! И что он отъявленный негодяй и развязный человек? Да, это я тоже слышала. Я также слышала, что его репутация соперничает с

репутацией его отца... — она наклонилась к ней и понизила голос. — Которого убил на дуэли ревнивый муж. Говорят, что ни одна женщина не спасется от него. И он предпочитает замужних женщин. Говорит, их труднее завоевать и все такое... Ты уверена, что ты находишься в безопасности, работая на такого человека?

— Ты столько слышала о нем?

Она пожала плечами.

— Леди Данфорд заставляет меня читать ей колонку сплетен, перед тем, как я займусь ее лечением. Это, кажется, расслабляет ее.

— Я буду в безопасности.

Маргарит недоверчиво покачала головой. Всегда в Пенвике она была самой осторожной. Она из них всех в последнюю очередь могла попасть в неприятности.

— Как ты можешь быть в этом уверена?

Фэллон опустила свой взгляд на потертый край своего плаща, поигрывая им в руках. Недалеко отчаянно кричали гуси, поскольку их дети забросали крошками хлеба. Фэллон боялась, что Маргарит никогда не поймет и не одобрит ее отговорки.

Сделав глубокий вздох, она произнесла:

— Он не знает, какой у меня пол.

— Что?

Фэллон подняла голову.

— Он не знает, что я женщина.

Глаза Маргарит впились в нее.

— Не понимаю тебя.

— Он видит то, что я позволяю ему видеть, — она облизала губы, ожидая осуждения Маргарит. — И то, что я показываю ему, это образ мужчины.

— Мужчины? — Маргарит произнесла это слово так, словно оно было ей неизвестно раньше. На какое — то долгое время она в замешательстве смотрела на Фэллон.

Фэллон пихнула сумку у ног.

— Я стала Френсисом.

Маргарит посмотрела на сумку Фэллон. Указав на нее, она спросила:

— Что там?

— Одежда, — Фэллон скривилась, признаваясь в этом неохотно. — Ливрея моего лакея.

Маргарит приложила руку к своему сердцу, словно оно готовилось выпрыгнуть из груди.

— Зачем?

Фэллон стала приглаживать шерстяную юбку.

— Думаю, мои причины должны быть очевидными. Вот уже на протяжении двух лет мы встречаемся на скамейке в этом парке, — она обвела рукой парк. — Ты знаешь все, через что мне пришлось пройти.

— Но ты никогда не намекала, что собираешься сделать такое! Не кажется ли тебе, что это уже крайние меры?

— Ты помнишь, когда мы были в Пенвике?

Глаза Маргарит погасли. Она возможно и не попадала в такие неприятности, как Фэллон и Эви, но ее пребывание в Пенвике было отнюдь не легким. Такая миленькая, какой была в те годы Маргарит, она служила предметом насмешек старших девушек. Фэллон и Эви не могли постоянно за ней присматривать. Над ней издевались, ее еду крали. Страдая от недоедания и восприимчивая к болезням, большую часть времени она провела в местной

больнице, где и появился ее интерес к лечебной практике и целительству. Временами Фэллон боялась, что она погибнет, как и многие девочки в Пенвике. Фэллон проглотила комок в горле.

— Мы делаем то, что нам приходится делать, чтобы выжить. Мы все.

— Я помню, — мягко проговорила она, несомненно, ее память тоже вернулась к прошлому, вспомнила девочек, какими они были, как боролись за свою жизнь. — А если твой обман раскроют? — ее золотистые глаза остановились на Фэллон. — Что тогда? Они могут арестовать тебя... даже могут отправить в психушку. Скажут, что ты сумасшедшая... не в своем уме.

— Я просто притворяюсь слугой. Я не исполняю роль принца Альберта. Кроме того, — она усмехнулась, — кто сказал, что меня поймают? Я достаточно высокая. Я никогда не была изнеженной, чересчур женственной, миловидной девушкой, — она внимательно посмотрела на Маргарит. — Не такая, как ты.

— Да, не женственная, но все равно ты настоящая женщина. И, исходя из того, что я слышала об этом герцоге, он настоящий знаток женственности. Он разнюхает твой обман. Помани мое слово. Тебя поймают.

— Но он еще не раскусил меня. И, кроме того, он предупредил меня, чтобы я не лезла к женской прислуге его дома.

— Что? — слово вырвалось тихим смешком. Маргарит покачала головой, крупная прядь упала на ее плечо и вспыхнула иссиня — черным цветом в лучах солнца.

Фэллон помахала рукой, давая понять, что тема исчерпана.

— Достаточно обо мне. Теперь я хочу услышать о тебе.

Все, что угодно, чтобы отвлечься, перевести внимание на что — то, чтобы не слышать этот шепот в голове, настаивающий на том, что Маргарит права, что все дело было во времени. Он разнюхает ее обман.

Фэллон поднялась и отошла в сторону, как только экипаж остановился перед городскими дверями, копыта лошадей подняли пыль при остановке. Отложив в сторону бочонок с маслом, которым смазывала скрипучие железные ворота, девушка открыла ворота для визитера. Любопытно, кто выйдет из экипажа. Еще одна леди — не находя слов, чтоб назвать женщин как — то иначе — пришла к герцогу? Лакей спустился и открыл дверцу экипажа, оттуда вышел хорошо одетый джентльмен. Высокий и худощавый, он надменно посмотрел на дом, его ноздри задрожали, словно он учуял что — то омерзительно пахнущее.

Используя трость с медной головкой, он зашагал вперед, даже не бросив на нее мимолетного взгляда. Словно она была статуей и просто для него открыла ворота. Но это же было то обращение, которое стоит ожидать слуге. Чем больше ее не замечают, тем лучше для нее. Опустив голову, она удовлетворенно улыбнулась, радуясь, что ей удастся хранить свою тайну.

Любопытное чувство неловкости возникло у нее в животе, когда гость стал стучать во входную дверь. Его широкая спина, прямая, негибкая напомнила другого лорда. Того, кто никогда не заботился, перекладывая свои заботы на плечи других. Виконт Хант. Благоразумно это или нет, виконт ожидал, что Па сделает все, чтобы он ни попросил. Па был просто О' Рурк. Не человек. Не мужчина. Не отец, борющийся за свою дочь, стремящийся дать ей дом, быть всем для лишенного матери ребенка.

Тряхнув головой, чтобы избавиться от горьких мыслей о человеке, который довел ее отца до гроба, она медленно закрыла ворота. Незнакомец стучал дверным молотком. Он

снял шляпу, выставя на обозрение свою голову, покрытую пышными белыми волосами. От него исходило раздражение, и девушка поняла, как этот человек недолюбливает герцога. Лакей открыл парадную дверь. Джентльмен вошел внутрь, не произнеся ни слова, и дверь со щелчком захлопнулась за ним.

Она долго смотрела на дверь после его исчезновения. Любопытство продолжало одолевать ее. Почему ее должно заботить то, что этот человек не питал любви к герцогу?

Нет, она не приняла слова мистера Адамса близко к сердцу и не вспылала чувством преданности к своему работодателю. Виноват был даже не его обнаженный торс, картина которого вспыхнула у нее в голове ночью. Одна в своей комнате, когда она закрывала глаза, звук его голоса прокрадывался в ее сознание, заполняя ее слух своим горячим обещанием. *Я могу доставить тебе удовольствие.* Этого, с пылающими щеками поклялась она себе, просто никогда не должно произойти.

— Вставай, ты, последний содомит! (*житель Содома, Содом и Гоморра — названия городов, по библейской легенде разрушенные и испепеленные Богом за распутство их жителей — прим. редактора*)

Доминик накрыл голову подушкой, повторяя себе, что этот резкий голос, ворвавшийся в его сознание, просто ночной кошмар. Его голос. Он не мог быть здесь. И всё — таки, даже убеждая себя в обратном, Доминик понимал, что в его спальне сейчас стоит именно он. Письмо Руперта Коллинза добралось до Доминика даже через два континента. И когда он обнаружил, что нога его внука ступила на английскую землю, он не стал дожидаться приглашения.

Доминик почувствовал, как конец трости приземлился в опасной близость от его бока. Кровать содрогнулась от очередной попытки деда привести внука в чувство:

— Я сказал, вставай!

Издав стон, он скинул подушку и посмотрел на последнего человека, которого хотел бы видеть. Но он знал, что если вернётся в Англию, то ему снова придётся увидеть лицо этого ублюдка. Рано или поздно. Его дед никогда не обманывал ожиданий.

Конец трости добрался до его рёбер.

— Вставай!

В этот момент взгляд старика наткнулся на татуировку Доминика. Указывая на неё трясущимся пальцем, он с дрожью в голосе спросил:

— Ты носишь символ Сатаны?

Доминик удивился:

— Что? Это?

— Этот знак символизирует зло.

Скривив рот, он ответил:

— Значит, я должен его носить.

Морщинистые губы его деда превратились в тонкую полоску. Он был лишь своей собственной тенью. И не был похож на ужасающий образ из юности Доминика.

Доминик отбросил трость с кровати и откинулся на подушки с преувеличенным вздохом.

— Итак, ты до сих пор жив.

Седые брови его деда взлетели вверх.

— К твоему разочарованию. Я знаю, тебе ничего не надо, кроме уверенности в том, что я умер и гнию в могиле.

Доминик пожал плечами — праздное обманчивое движение, поскольку кончиками пальцев он коснулся внутренней стороны ладони, ощутив сморщенный след от шрама, который он получил в девять лет — нежный возраст, что говорить. Он вздохнул, почти почувствовав вонь тлеющей плоти. Его собственные крики эхом отдались в голове — он умолял миссис Пирс, любимицу его деда, остановиться, убрать раскалённую до бела кочергу от его ладони.

— Я не мог отправиться к Создателю, пока я не сделал всё, что мог с помощью тебя.

— Ты имеешь в виду, что ты ещё не закончил?

— Бог знает, я старался. Старался уберечь тебя от участи твоего отца, но осталась ещё

одна вещь, которую я могу сделать для тебя.

— Я немного стар для того, чтобы терпеть твои обычные наказания. Кроме того, разве миссис Пирс ушла на покой и перестала быть твоей фавориткой?

Доминик наклонил голову. Старая дородная женщина пугала его в детстве. И на то была причина. Он согнул лежащую на боку руку.

Взгляд его деда скользнул к согнутой руке.

— Она поймала тебя за игрой в карты. Твой отец буквально зарыл в землю герцогство, играя. Её реакцию можно было понять, — он вздохнул. — Мне дали право опеки над тобой...

— Потому что единственным живым родственником по линии моего отца была немощная старая тётка.

— Потому что я был викарием и вторым сыном барона. Они знали, что тебе нужен хороший духовный наставник, коим твой отец никак не мог быть.

— Да, и миссис Пирс была глубоко духовным и хорошо....

Что — то проскользнуло во взгляде его деда. Тихим голосом он сказал:

— Я отчитал её за столь жёсткие меры наказания в тот день.

— Но ты всё — таки сохранил ей место в качестве моей гувернантки.

— У неё были благие намерения. От всего сердца. Как и у меня. В конце концов, в твоих венах течёт кровь твоего отца...

Руки Доминика сжались на покрывале. Он слышал это много раз подряд.

— Что ты тут делаешь? — Доминик устало махнул рукой. — Бросаешь мне вызов, придя в эту знаменитую обитель порока?

— Моя последняя надежда на спасение твоей бессмертной души — это увидеть тебя в здравии и хорошо устроенным. Я не смогу насладиться Раем, пока тебе не будет хорошо. Если ты женишься на богобоязненной девушке, как только представится такой шанс, и не отвернёшься от такой возможности, как это сделал твой отец...

— И это всё, что поддерживает в тебе жизнь? Чтобы от тебя избавиться, мне просто нужно быть «в здравии и хорошо устроенным»? — Доминик задал этот вопрос с кажущейся лёгкостью, несмотря на то, что внутри у него всё клокотало от гнева, по венам разливался огонь. Он скрестил руки за головой, все еще ощущая шрам на своей ладони.

— Брак, хм? Да, здесь есть, о чём подумать.

Глубокие морщины стали чётче проглядываться на лице его деда, делая его похожим на грустную собаку. Поразительно, что его прекрасная мать — как все говорили, уже настолько прекрасная в семнадцать лет, что заманила в ловушку брака герцога, — дочь этого человека.

— Действительно. У меня уже есть список подходящих кандидаток, — он похлопал по своему жакету в том месте, где, должно быть, он и был спрятан. — Очень приличные девушки. Может, обдумаешь это? — джентльмен сжал в руках трость и, казалось, ждал ответа Доминика.

Потягиваясь в постели, он ткнул подушку несколько раз.

— Нет, проклятье! Ты вовсе не похож на здорового и бодрого старика. Держу пари, что ты не протянешь и до конца зимы, — он жестоко улыбнулся, ярость закипела в нём, такая же сильная и ударяющая в голову, как хороший кларет.

— Итак, ты оставишь всё как есть? — дед сверлил её взглядом холодных, хорошо знакомых глаз. Он сложил загрубевшие руки на своей трости. — О, я слышал все эти слухи о тебе. Рассказы о твоих подвигах докатились и до Англии. Ты стал таким же, каким был твой

отец.

Доминик улыбнулся, получая удовольствие от осуждения в глазах деда. В детстве он изо всех сил пытался добиться одобрения этого человека. Безуспешно. После очередной неудачи, он решил, что проще жить, не принимая во внимание ожидания деда, а лучше — идти против них.

— Разочаровывать тебя — одно из моих самых главных стремлений в жизни.

— Ты не задумывался о наследнике?

Горечь затопила Доминика.

— Чтобы продолжить великую традицию этой семьи? — он повертел головой, ослабляя напряжение в плечах. — Нет, спасибо.

Без сомнений, он вёл бы себя по — другому, если бы его дед не был таким человеком. Доминик бы не старался забыться в грехе и пороке при каждом удобном случае, чтобы сбежать от одиночества. Он бы не был таким порочным... настолько, чтобы повергнуть в бегство такую женщину как Фэллон О'Рурк. Хорошую женщину. Подходящую. Такую, кого, скорее всего, одобрил бы его дед, — даже, если она не очень высокого происхождения, какой она и была, как он предполагал. Руперта Коллинза больше волновало моральный облик человека, а не его положение в обществе.

И Доминик также одобрял её. Одобрял? Чёрт. Не самое подходящее слово, но как ещё можно было описать его чувства, если мысли о ней постоянно осаждали его. К несчастью, он больше её не увидит.

Голос деда оторвал Доминика от мыслей о Фэллон О'Рурк.

— Я хотел вырастить тебя богобоязненным человеком.

Страх. Да, человек, сидящий напротив, научил его многому, что касается страха. Такими способами, которых он никогда не забудет. Он вспомнил тяжёлые шаги миссис Пирс, приближающейся к детской. Ощущения от удара трости по спине. Ожог от раскалённой до бела кочерги на своей ладони. Холодные, бесконечные ночи, проведённый на коленях в часовне, чувство ужасного голода во время поста. Миссис Пирс заполняла всю жизнь Доминика. Весь его мир. Мир, который его дед считал подходящим для своего внука.

И весь его мир был наполнен страданиями.

Сердце Доминика превратилось в камень, когда он посмотрел на человека, который теперь был единственным его родственником; человека, который позволил этой женщине иметь такую власть над его внуком.

— Я лучше буду служить дьяволу, чем твоему Богу.

— Не богохульствуй!

Доминик улыбнулся, получая удовольствие, провоцируя деда.

— Я полагаю, миссис Пирс не удалось выбить из меня дьявола в детстве?

Дед сверлил его испепеляющим взглядом. Он сжал руки на медном набалдашнике своей трости. Прошло довольно много времени, прежде чем он развернулся и покинул комнату. Звук трости постепенно затихал.

Снова растянувшись на постели, Доминик чувствовал себя человеком, выигравшим в драке. Но почему же это не было похоже на триумф?

Фэллон остановилась посреди освещенного канделябрами холла, наблюдая за тем, как камердинер несется по коридору, бормоча что — то неразборчивое. Когда он приблизился, она разглядела, что его лицо пылает весьма непривлекательным оттенком красного.

Ей не нужно было даже прислушиваться, чтобы иметь представление, какие упреки он бросает своему работодателю. Он появлялся на кухне, чтобы выразить свое возмущение безнадежным поведением герцога. Девушка припомнила, что мистер Адамс настаивал на том, что быть в услужении у герцога — это привилегия. Очевидно, Дидлсворт не поддерживал эту точку зрения.

Девушке не потребовалось много времени, чтобы выяснить, что джентльменом, который нанес визит ранее, оказался Руперт Коллинс, дед герцога и бывший викарий. Каким бы невероятным это не казалось, но дьявольский герцог происходил от уважаемого члена церкви. Так же не прошло много времени, прежде чем она узнала, что за визитом герцогского предка немедленно последовала бутылка мадеры.

Позже герцог вышел из дома, для того чтобы возвратиться несколько часов спустя, побитым и окровавленным после драки, учиненной им в одном из клубов. По крайней мере, таковым был слух, курсирующий среди прислуги. Вспомнив распутное поведение, которое он пока демонстрировал, Фэллон верила всему.

Взгляд Дидлсворта опустился на нее. Он нахмурился еще больше.

— На что ты уставился?

Фэллон перевела взгляд на следующий канделябр. Дидлсворт остановился рядом с ней.

— Вот, парень. Принеси немного пользы, — он сунул Фэллон поднос, который она неуклюже схватила. — Спустишься с этим вниз и возвращайся вместе с бренди.

— Бренди, — эхом откликнулась она, неуверенная, правильно ли она расслышала через его бормотание, что он назвал герцога чертовым пьяницей.

— Да, бренди, — он округлил глаза. — Его светлость желает напиток до одури, поэтому живей, мальчик.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Фэллон развернулась и встала как вкопанная, когда дверь в хозяйскую спальню распахнулась. Замерев, оба — и она, и Дидлсворт вытаращились на герцога, который появился одетый в черный вечерний костюм. Он держался прямо, вид гордый. Его распухший глаз и разбитая в кровь губа смотрелись полным абсурдом. Он не осознавал, что выглядел просто пугающе из — за своих травм. А его день и без того был перенасыщен событиями.

Дидлсворт ринулся вперед, хватая герцога под локоть.

— Ваша светлость, позвольте помочь вам вернуться в комнату.

Герцог отбросил руку мужчины и осадил его таким тоном, что Фэллон задумалась, не преувеличил ли чопорный дворецкий степень его опьянения.

— Если ты хочешь что — то для меня сделать, Дидлсиди, рекомендую тебе обеспечить мне карету.

Когда он приблизился, Фэллон отметила в его глазах блеск и красные пятна, покрывавшие его загорелые щеки.

— Вы настаиваете на том, чтобы снова покинуть дом, милорд? — горло Дидлсворта

дергалось, взгляд судорожно оглядывал растрепанного герцога. — В вашем состоянии?

— Действительно, настаиваю, Дидли. Ночь только началась.

Лицо Дидлсворта побагровело.

Короткий звук вырвался из горла девушки, наполовину придушенный, наполовину хриплый.

Оба мужчины тут же обратили на нее внимание. Именно этого она хотела меньше всего. До этого момента ей удавалось избегать пристального внимания герцога, и она хотела продолжать его избегать. Особенно когда его разум был затуманен парами алкоголя.

Она сглотнула и изобразила полнейшее безразличие.

Герцог сделал один неверный шаг в ее сторону, фокусируя на ней свои яркие серые глаза. Или, точнее, один глаз. Второй вглядывался в нее из — под покрасневшего, раздувшегося века.

— Фрэнк, — он щелкнул пальцами и кивнул, удовлетворенный своими мыслями, — я помню.

— Да, — пробормотала она.

— Сколько тебе лет? — он ступил на шаг ближе.

Девушка поборола желание податься назад, чтобы избежать его близости, этой подавляющей мужественности, окружавшей его подобно туману. Темному ядовитому туману, который угрожал поглотить ее. Она глубоко вдохнула через нос.

— Двадцать, ваша светлость, — ответила она.

Он покачал головой.

— Сущее дитя, — он склонил голову и начал пристально ее разглядывать. Девушка старалась не нервничать под столь оценивающим осмотром. — Неоперившееся. Невинное.

Губы его сжались, он шатнулся в сторону, его плечо врезалось в стену с глухим стуком.

— Оставайся таким же.

Она моргнула, пораженная мелькнувшим в его налитых кровью глазах проблеском уязвимости. Затем его губы разжались, складываясь в улыбку, которая сотворила с ней нечто странное.

— Я уже и не помню то время, когда сам был таким же.

— Совсем? — пробормотала Фэллон, хотя знала, что ей следовало бы прекратить этот разговор, неважно, насколько он был увлекательным.

Ее не должно это волновать. Она не должна даже хотеть узнать что — то про него.

— Но когда — то вы же были ребенком, — она попыталась ему помочь, предлагая ответную улыбку.

Дидлсворт переместился туда, где стоял герцог, послав девушке нетерпеливый взгляд.

Герцог нагнул голову, размышляя.

— Нет. Не припоминаю такого времени, когда б моя душа не была черна, — а затем он рассмеялся — ужасный, грубый звук — и отшатнулся от стены. — Мой собственный дед может в этом поручиться. По его мнению, я — дьявол во плоти.

И без дальнейших комментариев он ушел прочь.

Фэллон смотрела ему вслед... ошарашенная и полная абсолютной уверенности, что он был гораздо большим, чем могло показаться на первый взгляд. Он больше не умещался в той нише, куда она помещала всех джентльменов его типа.

Мой собственный дед может в этом поручиться. По его мнению, я — дьявол во плоти.

— Гм.

Ее взгляд вернулся к Дидлсворту. Его ноздри подрагивали.

— Маленькие подхалимы никому не нравятся. Тебе лучше это запомнить. Возвращайся к своим обязанностям.

И, задрав высоко нос, он отправился вслед за герцогом.

— Покачивая головой, она развернулась и направилась с подносом на кухню, раздумывая над тем, что, возможно, в груди герцога все — таки бьется сердце.

— Отнеси это в кабинет герцога. Там с ним лорд Хант, и, конечно же, они хотят... — последние слова Адамса растворились в пренебрежительном жужжании, которым он сопровождал упоминание лорда Ханта.

В желудке Фэллон все перевернулось.

Не может быть, чтобы это был он. После всех этих лет?

Кожа на ее лице похолодела и сделалась липкой. Вдохнув поглубже, она переборола нарастающую тошноту и помолилась, чтобы ей не сделалось дурно. Прижав к животу руку, она помотала головой, яростно борясь со своими мыслями.

— Что с тобой не так, парень? Ты заболел?

Фэллон остановилась и перестала трясти головой, только когда почувствовала на себе любопытные взгляды остальных слуг. Облизнув губы, она взяла трясущимися руками лакированную коробку для сигар.

— Нет.

Сначала дело. Неважно, как ее трясло при упоминании герцогского гостя. Глаза ее жгло так, как ни разу за все эти годы. С тех самых пор, как она покинула поместье виконта Ханта и начала свою жизнь в Пенвиче.

Она выполнит свои обязанности. Она рискнет. Она обязана. И, что самое важное, она узнает, на самом ли деле прошлое настигнет ее в данный момент времени, именно здесь.

Ноги в оцепенении несли ее по лестнице для слуг. Мягкая походка была созвучна тяжелому биению ее сердца, пока она приближалась к кабинету. И снова ей пришлось заставить себя явиться пред светлые герцогские очи. В то самое место, которое она поклялась избегать и где в результате оказалась. Но в этот раз ей было все равно. Ей нужно идти. Нужно узнать.

В ответ на ее короткий стук герцог объявил, что можно войти.

— Ах, вот и мы. А то мы уже испугались, что про нас забыли.

Сердечко Фэллон замерло, как только она услышала голос герцогского гостя. Прошли годы с того полудня, когда она была вызвана к его столу. Его голос не сильно изменился. Не настолько, чтобы она смогла его позабыть. Как обычно, полный вечными требованиями. Требованиями, которые Па не мог не выполнить... даже если это означало оставить ее одну — одинешеньку. Она на самом деле помнила этот голос. Помнила те судьбоносные слова, которые так драматично переменили ее жизнь лишь одним единственным заявлением.

Твой отец мертв, девочка. Похоронен где — то на Сейшеллах. Не унывай, ведь он умер праведно, выполняя свой долг. Не волнуйся, я позабочусь о твоём благополучии.

Горечь сжала ее сердце. На этот раз ее взгляд избегал радующую глаз фигуру герцога, опустившись к ковру, коснулся его замысловатого рисунка, пока не остановился на обутом в сапоги ноге лорда Ханта. Потом пропутешествовал выше, скользнув по его брюкам, и остановился на застывшем в ожидании мужчине.

Держа раскрытой коробку сигар, она вздохнула, готовясь впервые взглянуть на человека, который нес ответственность за гибель ее отца. Человека, который отправил его на

край света, чтобы отыскать... подумать только, цветы! Того самого человека, который обрек ее на жизнь в Пенвиче. Взгляд девушки застыл на его лице, и дыхание ее замерло.

Это был не он.

Но все же она его увидела. Узнала высокий лоб, глубоко посаженные глаза. Ямочку на квадратном подбородке. О, она его знала. Она видела мальчика вместо мужчины. Каким он стал. Такой же ублюдок, как и его папаша. Лорд Этан, сын виконта. Старик, наверное, умер, раз Этан сейчас носил его титул. Странно, но эта мысль не доставила ей удовольствия. Наверняка он умер в своей постели, окруженный семьей и друзьями. И никакого приступа смертельной болезни в далекой стране, когда рядом лишь утешающие тебя незнакомцы.

Ее внимание прилипло к нему со страшной силой. Мальчишеская красота юного лорда превратилась в жесткую зрелость. Весьма похоже на герцога. На обоих была печать разложения. От слишком длинных волос до грешного изгиба губ. Идеальная парочка. Неудивительно, что они дружили. Ей следовало предположить, что испорченный сынок лорда Ханта станет стремиться к кому — то вроде Дамона. Возможно, это не было случайностью. Она смутно припоминала, что герцог жил по соседству с поместьем лорда Ханта. По другую сторону от Литтл Сомс. Девушке сразу же показалось знакомым имя Дамон, как только она прочитала его на визитке. Пока это не щелкнуло в ее голове.

Глубоко посаженные карие глаза лорда Ханта насмешливо взирали на мир из — под густых темных бровей. Словно все человечество его беспредельно забавляло.

Неподвижность девушки привлекла всеобщее внимание. Оба мужчины вопросительно на нее уставились.

— Ну, ты так и собираешься весь день таращиться, парень? Последний раз на меня пялились такими же влюбленными глазами, когда меня затащили в Олмакс во время дебюта моей сестры, — содрогнулся Лорд Хант.

— Возможно, все дело в твоей уродливой физиономии, от которой он не может отвести глаз, — предположил Дамон.

Хант пожал плечами, будто это замечание не тронуло его, даже если бы и было правдой. Щеки Фэллон покрыл румянец. Она заставила себя подойти к герцогу, держа коробку раскрытой, пока он делал свой выбор.

— Мы не встречались?

Вопрос Ханта заставил девушку остановиться. Святые угодники! Он ее узнал? После всех этих лет...

— У тебя знакомое лицо.

Он не мог ее помнить. Не мог ее узнать. Она постаралась, чтобы ее голос прозвучал низко.

— Нет, милорд.

— Хм, — он покрутил сигару между двумя пальцами, не спуская с нее глаз. Слишком подозрительный и внимательный для ее спокойствия.

Она рискнула бросить быстрый взгляд на герцога и обнаружила, что он уставился на нее с таким же вниманием, более того, от него явственно исходило ощущение нервозности. Синяк вокруг его глаза начал исчезать, за синевой проступала желтизна.

— Ты давно с Дамоном, не так ли, парень?

Ее взгляд переметнулся к лорду Ханту.

— Не очень, милорд.

— Неужели тебе нужно допрашивать моего лакея? — огрызнулся герцог. — Давай.

Расскажи мне о новом чистокровке. Как он скачет?

Хант оторвал взгляд от лица девушки.

— Не так сладко, как моя последняя любовница... Но когда я ее объезжу, будет так же.

Эта грубость заставила ее лицо запылать.

— Блестяще, Хант, — сухо прокомментировал Дамон. — Ты вогнал мальчишку в краску.

Виконт снова перевел провоцирующий взгляд на Фэллон.

— Совсем еще зеленый, да? Если он работает на тебя, то ничто из того, что я скажу или сделаю, не может заставить его так прелестно краснеть.

— С этим все, Фрэнк, — провозгласил Дамон.

Не нуждаясь в дальнейших подсказках, она покинула комнату... но не раньше, чем остановилась на пороге и бросила через плечо долгий взгляд. Удивительное дело, но ее взгляд искал не Ханта, сына человека, которого она ненавидела годами, обвиняя его в смерти отца, проклиная его за холодные ужасные годы, которые она провела в Пенвиче.

Взгляд ее искал герцога.

Сердечко Фэллон заколотилось быстрее, когда она поняла, что он тоже смотрит на нее. Взгляд его был глубоким и оценивающим. Даже полным сожаления. Извиняющимся. Это ее напугало. С чего бы это ему глядеть на нее так, словно он просил прощения за грубое поведение своего друга? Он практически пригласил ее поучаствовать в оргии через пять минут после их знакомства. Он был точно таким же безнадежным, как и Хант.

Поджав губы, она развернулась и спаслась бегством, стараясь идти с чувством собственного достоинства, а не с неистовым порывом, с которым желала убежать оттуда.

Обогнув коридор, удалившись достаточно от комнаты, она прислонилась к стене. Прикрыв глаза, она попыталась очистить свои мысли от картинки с видом сына человека, который убил ее отца. Более или менее. Но это было не так сложно. Другой мужчина заполнил ее голову, заполнил больше, чем смогла бы сама жизнь. Эта картинка напрочь вытеснила лорда Ханта.

Хант исчез, испарился, словно дым в тени ее разума. Вид красивого герцога поднялся из глубин и занял его место. Чтоб ему пусто было, этому негодяю, за то, что он вторгся в ее мысли. Чтоб было пусто ей самой, за то, что она была слаба, за то, что в ней росло восхищение, вместо отвращения, которое она должна была к нему испытывать.

Широко распахнув глаза, она снова поспешила по коридору. Сердце ее все еще гулко билось в груди, пока она боролась с собой, пытаясь прийти в себя.

Она резко остановилась перед кухней при виде двоих угрюмых уличных мальчишек, что — то заглатывающих из мисок, над которыми поднимался пар. На обоих было грязи больше, чем в покрытом сажей очаге. Один из парнишек воинственно взглянул на нее, запихивая в рот огромный кусок хлеба.

— Кто это? — пробормотала она проходящему мимо лакею.

Тот взглянул на парочку.

— Две уличные крысы, которых герцог притащил домой, — он покачал головой, будто этот факт озадачивал его. — Он это делает.

— Приводит домой уличных мальчишек?

— Да. Он их кормит и находит им школу. Или подходящую работу. Все зависит от их возраста и способностей.

Герцог — демон?

Лакей пошел дальше. Девушка осталась стоять на месте, глядя в дикие голодные глаза мальчишки и думая о том, что только что услышала, как треснуло ее сердце.

Попался! — Фэллон помахала перед собой упрямым сорняком, с удовлетворением глядя на толстый шишковатый корень. Бросив его в корзину, она ползком переместилась по грязи и атаковала следующий сорняк.

Когда мистеру Адамсу потребовался доброволец, чтобы помочь в саду, она постаралась не показывать радости по поводу того, что садовник недавно упал с лестницы. Проведя большую часть детства, играя подле отца, пока тот трудился в саду лорда Ханта, она наслаждалась ощущениями, что вызывали в ней погруженные во влажный грунт пальцы. Ей не хватало чувства, которое оставляет земля, медленно просачиваясь через них. Настолько, что она умышленно отказалась использовать перчатки. Кроме того, грязь под ногтями добавит ей сходства с мужчиной.

Несмотря на прохладный полдень, парик, сидящий на ее макушке, вызывал зуд, ей было жарко. Солнечные лучи падали прямо на нее, и струйка пота стекала прямо ей на бровь. Она вытерла ее тыльной стороной ладони, просунула кончики пальцев под край парика и яростно поскребла кожу, перемещаясь выше к влажной границе волос.

— Проклятый парик, — пробормотала она.

— Сними его, — предложил глубокий голос прямо за ней.

Фэллон крутанулась, двигаясь так быстро, что почти упала на траву и сорняки.

— Ваша светлость, — произнесла она едва слышно, руки ее скользнули вдоль обтянутых штанами бедер и вцепились в брючную ткань.

Скрестив руки, он стоял, прислонившись к косяку, на пороге оранжереи. Одетый только в темные брюки и рубашку, он был идеальной иллюстрацией пребывающего в праздности лорда. Но в ее представлении праздные лорды не должны выглядеть столь мужественными и красивыми. Их мышцы так не выделялись на фоне рубашек. И они не украшали свои тела вызывающими татуировками. Пульс на ее шее зашкаливал. Нервы. Больше не из — за чего. Она осторожно вдохнула через нос. Он ее не волновал. Это всего лишь последствие ее уловки.

— Если тебе не нравится парик, сними его.

Рука девушки поднялась к парик, приглаживая его. Она почувствовала облегчение, убедившись, что он все еще надежно на ней сидит, а не съехал набок от почесывания.

— Снять, — эхом откликнулась она, сердце ее стучало. — Мистер Адамс сказал...

Он махнул рукой.

— Ты работаешь в саду. Ни разу не встречал садовника, который бы носил парик во время работы.

— Но мистер Адамс...

— Позволь мне поделиться с тобой тайной.

Он немного наклонился вперед, бросив быстрый взгляд через плечо.

— Мистер Адамс отвечает передо мной.

Она неуверенно улыбнулась, чувствуя себя дурочкой.

— Разумеется.

Его серые глаза отливали серебром при свете дня. Серебряные глаза? Кто слышал о подобном? Возможно, он и в самом деле частично демон.

— Если ты желаешь избавиться от чертовой штуковины, говорю тебе, сделай это.

— Благодарю, ваша светлость.

Пальцы девушки играли с краями парика, скользя по жестким волосам. Она была в панике от мысли, что она могла снять парик прямо перед герцогом. Своего рода барьер. Щит, который она была вынуждена опустить. Он не мог вспомнить, что они встречались до этого, но если он увидит ее без парика, вспомнит.

— Благодарю, — повторила она. — Но мне гораздо комфортней, когда он на мне.

Он с сомнением приподнял темную бровь.

— Действительно?

— Да.

Он пожал плечами, словно говоря, что это не имеет для него значения.

— Очень хорошо.

После длинной паузы она снова склонилась над островком травы, выдрала несколько сорняков. Мысли ее разбегались. Ясное дело, он явился, чтобы стоять на пороге и смотреть на нее. Она чувствовала его взгляд, пока трудилась над тем, чтобы выдрать из земли упрямый сорняк. Пульс на ее шее пустился вскачь. Святые небеса, он узнал? А зная, играл с ней? Капельки пота покатались вдоль ее позвоночника. Ну почему он здесь? Наблюдал за ней? Она подавила порыв бросить на него взгляд украдкой, не желая дать ему знать, как ее волнует его присутствие.

— Я не нравлюсь тебе, не так ли?

Девушка замерла, вцепившись пальцами в грубый, грязный сорняк. Она медленно подняла глаза, не отпуская сорняк, вцепившись в него, словно это поручень, в котором она так нуждалась.

Герцог все еще стоял на пороге, одна обутая в сапог нога перекрещивалась с другой. Он не улыбался. Его лицо было словно гранит.

Она с трудом смогла подобрать слова, с трудом шевелила губами.

— Ваша светлость? — выдохнула она.

— Не изображай неведение.

— Не понимаю, о чем вы.

— Давай. Фрэнк. Я вижу это по твоему лицу. Как ты напрягаешься, когда я рядом.

Фэллон напряглась. Он заметил? Ее сердце затрепетало, потом сжалось. Одно это замечание заставило ее напрячься еще больше, стать более непреклонной, и неважно, что она пыталась дать себе команду расслабиться. Ее ладони начали потеть. Она выпустила сорняк, чтобы быстро вытереть их о брюки.

— Никаких неприятностей, — продолжал Дамон, его губы все еще были сжаты. — Мне просто любопытно. Не думаю, что вспомню хоть кого — то, кому я настолько сильно не нравился.

Столь невероятное заявление сбило ее с ног. Он был чертовым герцогом — демоном.

— Никому?

Его неожиданная усмешка заставила ее сердце сделать сальто, ей захотелось ответить ему улыбкой.

— Это тебя шокирует, да? Ради бога, отвечай свободно.

Жар опалил ее щеки. Она облизала губы.

— Прошу прощения, если дал вам повод так думать. С чего вы решили, что вы мне не нравитесь, ваша светлость?

И почему это так его волнует. Она не считала себя для него значимой особой. Просто

она знала, как был устроен мир. И где она находилась в этом табеле о рангах — несколькими пунктами ниже герцога Дамона. Герцог — демон он, или нет.

— Я видел твоё лицо, когда вчера ты вошёл в кабинет.

— Во время визита лорда Ханта?

Он кивнул, соглашаясь, взгляд его был внимателен, и девушка задумалась, как она сможет его и дальше дурачить, если он продолжит разглядывать её в той же манере. Если он разглядел её антипатию к нему, как много времени пройдет до того, как он раскроет её тайну?

Но все же она не смогла удержаться от того, чтобы не продолжить выплескивать на него правду.

— Мне не нравится ваш друг, — призналась она со своей обычной прямоотой, которая вечно ввергала её в неприятности.

Она надеялась, что эта правда избавит её от раскрытия другой. Более тревожащей. Которая состояла в том, что ей нравился он. Даже слишком. Герцог её заинтриговал: человек, который подбирает с улиц бродяжек и заботится об их нуждах. И... ей хотелось потрогать татуировку, проследить её контур пальцами.

Возможно, дело было в словах мистера Адамса, в его требовании быть лояльным. Она пыталась думать о герцоге, как о худшем из людей. Нехорошем и бесчестном. И конечно, не тем, кто будет справляться о лакее. Но это не сработало. И вот он здесь, с неясными мотивами, справляющийся о её самочувствии. Как будто ему было до этого дело.

— Хант? — спросил он. — А почему?

— Понятное дело, моё мнение о вашем друге совершенно неважно, ваша светлость.

— Важно или нет, но мне любопытно. Что же в нём такого противного?

— Без комментариев?

Дамон кивнул.

Она раскрыла рот, готовясь выдать какое —нибудь туманное замечание. Но вместо этого услышала, как произносит:

— Он бессовестный, беспечный, пустой, грубый.

На её щеках разгорелся яркий румянец, и где — то на задворках разума она услышала шепот: «Я сужу лорда Ханта за грехи его отца?»

— Мой бог, — протянул он. — Это все?

Встревожившись, она избегала его взгляда, рассматривая сад. Она крутила в руках корзину, не имея возможности что — то объяснить, не вдаваясь в предысторию, которая заставила её сделать подобные заключения.

— А я каким — то образом избежал твоего осуждения? — его губы слегка скривились.

Улыбка или ухмылка, она не была уверена. Зная его, особой разницы между ними не было.

— Вы не похожи на лорда Ханта, — поспешила она с ответом.

— Нет? — он расцепил руки и оторвал плечо от косяка.

— Нет, вы лучше этого. Лучше, чем он.

— Лучше, — его серые глаза сверкнули, ледяные, как зима в пенвичских пустошах. — Вряд ли. Мы старые приятели. Мы росли вместе. Хант и я — практически одно и то же. Поверь.

И это подтверждало тот факт, что герцог тоже был её соседом. Она с дрожью вдохнула, почему — то радуясь, что не была с ним знакома в то время. У неё не было нелестных

воспоминаний о нем, которые она могла вытащить из памяти. Почему это имело значение, она не могла сказать. Достаточно странным являлось то, что ей было необходимо оказаться правой в том, что он ей нравился. Она была готова поклясться, что он был лучше лорда Ханта... и ей было нужно, чтобы он был таковым.

— Нет. Это не так. У вас есть совесть. Вы не... — она на мгновение запнулась, пока не подобрала нужное слово, — не потеряны.

В то же мгновение его взгляд потяжелел — толстый слой серого льда. Холод этого взгляда достиг ее сердца, и она задрожала.

— Ты не можешь ошибаться больше.

При этом мрачном замечании ее пальцы замерли на корзине. Другой бы решил, что она его оскорбила.

— Я абсолютно потерян. Пуст. Бездушен, — он сощурил глаза, глядя на нее, и на мгновение она испугалась, что он шагнет к ней. Но она не отступила. — Спроси любого.

Она помотала головой.

— Мистер Адамс и весь остальной штат вам очень преданы...

— Преданность, да, — вставил он, голос его был остр, словно рапира. — Привязанность? Нет. Вера в меня? Нет. Никогда. Они знают, что я из себя представляю.

Она медленно кивнула, припомнив распутника, стоящего на лестничном пролете, договаривающегося с женщиной легкого поведения прямо перед всей прислугой. При этом он даже глазом не моргнул.

— Если хочешь сохранить свое место, ты очень постарайся это запомнить, — он отвернулся от нее и вышел из оранжереи, стук его сапог заставлял вибрировать пол. Так же, как и его слова.

Он ее уволит, если будет ей нравиться? За то, что она считала его хорошим и респектабельным? Она помотала головой. Абсурд. Она взглянула вниз на сорняки и напала на них с новой силой, выдирая их из земли с такой же враждебностью, какую она заметила в глазах герцога. Ее охватила стойкая уверенность: ее взял на работу не заостеневший в грехе развратник... а абсолютно сумасшедший человек.

Пронзительный визг прорезал воздух раннего утра. Фэллон застыла посреди работы, заключающейся в том, чтобы приподнимать со стены огромный портрет, на котором был изображен один давно умерший предок герцога. Горничная, вытиравшая пыль со стены под портретом, бросила на нее удивленный взгляд.

Тяжелый топот внизу в дальнем коридоре встряхнул воздух. Фэллон дрожащими руками осторожно опускала тяжелый портрет назад на стену, когда утро прорезал голос миссис Дэвис:

— Отец небесный!

Горничная бросила на Фэллон еще один взгляд и, приподняв юбки, бросилась прочь, очевидно, полная решимости узнать, какое очередное несчастье обрушилось на домашнее хозяйство герцога. Фэллон наблюдала, как остальные слуги, забывая свои обязанности, появлялись из разных комнат и направлялись следом за горничной. Ворча, она взгромоздила портрет на стену и присоединилась к другим. Миссис Дэвис стояла на вершине витой лестницы.

Уперев руки в крепкие бедра, женщина свирепо смотрела вниз, в фойе.

— Джек! Джек, где ты?

Мускулистый лакей показался внизу.

— Да, мэм? — отозвался он, поднимая глаза на экономку.

— Сходи за полицией! Прежде, чем будет слишком поздно!

— Да, мэм! — Джек умчался прочь.

В фойе появился мистер Адамс и потребовал у миссис Дэвис объяснений.

Она посмотрела на него вниз, как на надоедливую ребенка.

— Он пропащая душа, и его убьют! Я всегда говорила, что он этим кончит!

— Женщина! — рявкнул мистер Адамс, с раздражением стрельнув своим пристальным взглядом по таращившему глаза штату.

— Я был бы признателен за более определенное...

Новый вопль прорезал воздух. Фэллон обернулась через плечо, на сей раз уверенная, что крики доносились из спальни герцога. Миссис Дэвис резко развернулась и ринулась вниз, в холл, с поразительной для женщины ее габаритов скоростью. Неуклюжая толпа слуг последовала за ней под энергичным руководством мистера Адамса.

— Никогда не скучно, да? — спросила Нэнси рядом с Фэллон, толкнув ее локтем в бок.

Фэллон поразились тому, как девушка всегда материализовывалась возле нее.

— Ты никогда не знаешь, что случится в этом доме в следующий раз.

Фэллон натянуто улыбнулась, не в состоянии чувствовать такой же энтузиазм. Она хотела стабильности.

Постоянства в своей жизни. Даже скука была желанной. С тех пор, как она приехала на площадь Поттингэм 15, ее жизнь круто изменилась. И все же любопытство тянуло ее к спальне герцога с остальной частью слуг. Миссис Дэвис была почти там, когда дверь с силой распахнулась.

Дидлсворт вылетел, отталкивая слуг в сторону.

— Прочь с моего пути!

— Мистер Дидлсворт! Куда вы? Вы не можете уйти! — скомандовала миссис Дэвис.

— С меня довольно. Я покончил с этим сумасшедшим домом и этим... этим — Дидлсворт ткнул пальцем в спальню — Калигулой!

Миссис Дэвис и мистер Адамс вместе вошли в спальню. Фэллон услышала из изумленный вздох даже из коридора.

С необъяснимо бешено бьющимся сердцем, она протискивалась вперед, отталкивая других слуг, смотря поверх их голов, единственное, о чем она думала — это герцог, девушка молилась, чтобы он не заболел или не был ранен. В конце концов, его последняя гостья удрала с серебром. Возможно у женщины, которую он выбрал в качестве вчерашнего развлечения, было еще меньше совести. Может быть, она ранила его, пока он спал. Ей становилось плохо при одной мысли об этом, поэтому она даже не думала возражать, когда Нэнси схватила ее за руку, цепляясь за нее, как виноградная лоза, пока Фэллон всматривалась в комнату. Фэллон изумленно задохнулась, как и дворецкий и экономка перед нею.

— Это — пистолет? — прошептала Нэнси.

Фэллон мрачно кивнула, следя за приземистым полным мужчиной, одетым в неудачный клетчатый пиджак. Он размахивал пистолетом, указывая им то на герцога, то на его партнершу.

— Гарольд, дорогой, пожалуйста. Опустит пистолет! — руки женщины прижимали простыню к пышной груди. Пепельные волосы, напомнившие Фэллон туман, постоянно укрывающий город, окутывали женщину спутанным облаком.

Герцог подпирал подушку, с обнаженной, смуглой, слишком соблазнительной грудью, на которой извивалась татуировка змеи, лениво развалившись на кровати, будто его ни на йоту не заботило, что пистолетом размахивали главным образом в его сторону.

— Кстати, вы слишком далеко от возможности выстрела, лорд Фоли. Может, вам стоит подойти поближе, чтобы лучше прицелиться?

— Чтобы вы могли выхватить пистолет из моих рук? — усмехнулся Гарольд. — Я так не думаю.

Герцог пожал плечами, будто такая мысль не приходила ему в голову.

— Тебе обязательно провоцировать его? — прошипела женщина, прежде чем перевести пристальный взгляд на своего мужа. Ее глаза пылко умоляли, она быстро отодвинулась подальше от герцога, словно дистанция между ними спасла бы ее.

— Гарольд, дорогой. Пожалуйста. Он ничего не значит для меня. Ты мой муж... мужчина, которого я люблю.

Часть напряжения вокруг рта Гарольда спала. Он опустил руку, его глаза влажно блестели, когда он с обожанием уставился на свою супругу. Фэллон облегченно выдохнула. Слава Богу, рогоносец слепо любил свою жену.

Герцог все же мог бы пережить это утро.

— Я так рада, что ты нашел меня. Негодяй обманул меня и был на грани овладения мной.

— На грани? — насмешливо спросил герцог, возмущенный данным обстоятельством. — Два раза, и мы были только на грани? Я не могу дождаться, чтобы увидеть, что ты придумаешь для меня в следующий раз, Грейси.

Щеки Грейси вспыхнули.

— Вы не джентльмен!

Его губы язвительно изогнулись.

— А я думал, что ты любишь меня именно за это.

— Ублюдок!

— Раньше ты меня не так называла.

Некоторые из слуг захихикали. Фэллон только покачала головой. Он что, пытался убить себя?

— Вы в последний раз развлекались с чужой женой, Дамон, — пробормотал Гарольд.

Герцог закатил глаза и махнул рукой в сторону маленького кружка.

— Я чувствую себя так, будто смотрю спектакль на Дрюри — лейн. Безусловно, если я должен умереть, эта избитая фраза не будет тем, что я возьму с собой в потусторонний мир?

Щеки разгневанного мужа стали еще более румяными.

— В самом деле, — голос герцога стал выше, когда он передразнил. — Ты развлекался в последний раз? — он покачал головой. — Не слишком оригинально, правда?

Гарольд задрожал от гнева. Выпрямившись, он снова вскинул руку, направляя пистолет на герцога.

— Я не слишком интересуюсь оригинальностью.

Грудь Фэллон напряглась, когда ее охватила ледяная уверенность: она сейчас станет свидетелем убийства. И казалось, никто не собирается это остановить.

Челюсть герцога напряглась, показывая, что он был не так уж равнодушен. Не настолько, насколько все думали. Не как мужчина, заслуживающий смерти, желающий должным образом принять свою судьбу.

Внезапно она осознала, что не может просто так стоять. Не может наблюдать, как он умрет... особенно когда она может остановить это.

Покрасневшие глаза Гарольда со смертельным намерением сосредоточились на герцоге. Фэллон нырнула в комнату мимо глазающих слуг, которые ничего не сделали бы, чтобы помочь хозяину, к которому они выражали такую лояльность. Она стремительно двинулась, с силой наступив пяткой на пальцы ноги джентльмена. Гарольд взвыл, его рука покачнулась, и она выхватила пистолет из его ослабевших пальцев.

Он воззрился на нее с изумлением.

— Кто ты, черт возьми, такой?

Быстрый взгляд вокруг показал, что все остальные наблюдали за нею с выражением такого же удивления. У мистера Адамса отвисла челюсть. Глаза Нэнси сияли обожанием, граничившим с одержимостью, а миссис Дэвис неистово качала головой в счастливом одобрении.

Оскорбленный муж начал подходить к ней, трясая головой, словно хотел пробудиться от сна.

— Отдай мне его.

Она отступала от него шаг за шагом, двигаясь спиной вперед.

— Нет.

Герцог сел, простыня собралась вокруг его стройной талии, руки свисали с его согнутых коленей. Он уставился на нее жесткими, сверкающими глазами, настороженными, предупреждающими, его внимание было столь внезапным и интенсивным, что она чуть не съежилась под его взглядом. Великолепно. Что насчет того, чтобы быть незаметной? Снова сделать себя предметом такого глубокого исследования не было частью ее плана.

Он поднял свою темную голову и просто сказал:

— Фрэнк?

Фэллон вытерла о грудь ладонь, вспотевшую от пистолета.

— Фрэнсис.

— Фрэнк, — повторил он с мучительной решительностью. Отбросив покрывало, он одним гибким движением поднялся с кровати. Обнаженный.

Грейси издала звук, подозрительно похожий на смешок.

— Грейси! Закрой глаза, — проревел ее муж.

Фэллон закатила бы глаза при этом нелепом приказе, если бы ее пристальный взгляд не был прикован к нижней части тела герцога. Его значительной нижней части.

Именно так выглядит мужчина? Удивительно, что женщина вообще разрешает этому проникать в свое тело! Как только она подумала об этом, ее живот начало медленно крутить. Ее пристальный взгляд бродил по той части его тела, по плоскому мускулистому животу. Ее живот напрягся в манере, которая заставила ее захотеть сжать бедра вместе. Или хуже того, прижать туда руку.

— Боже! — пробормотала Нэнси позади Фэллон, отвлекая ее от такой непристойной мысли.

Шагнув вперед, Гарольд выдернул свою жену из кровати. Цепляясь за простыню, она спотыкалась следом за ним, пока он тянул ее к ширме в углу.

Потрясенное хихиканье послышалось от оставшихся слуг. По крайней мере, некоторая часть женской прислуги обладала чувством собственного достоинства, чтобы убраться от этого безумного зрелища. Мельком оглянувшись, она увидела, что некоторые, однако, остались, включая Нэнси, которая не могла оторвать взгляд от наготы герцога.

— Вон! Все вон! — закричала миссис Дэвис.

С пылающими щеками Фэллон последовала за уходящими слугами, намереваясь вручить пистолет мистеру Адамсу на выходе.

Глубокий низкий голос остановил ее.

— Не ты.

Герцог не назвал её прямо по имени, но она была уверена, что просьба предназначалась именно ей. Задержав дыхание, Фэллон медленно обернулась. Взгляд герцога был направлен прямо на неё. Эти серые глаза — такие же неистовые, как вересковые леса в Йоркшире, откуда она приехала два года назад.

Фэллон вздрогнула и попыталась выдержать его взгляд, не опуская свой ниже. Чтобы не показать, как сильно его вид шокирует её.

Ты — мужчина. Не забывай — ты мужчина!

Глубоко вдохнув, наполняя воздухом лёгкие, она попыталась прийти в себя и прогнать со щёк предательский румянец. Мужчины не краснеют, подобно школьницам!

Всё ещё пристально разглядывая её, герцог заговорил:

— Мистер Адамс.

— Да, ваша светлость?

Выпрямив спину, одноглазый слуга застыл, внимательно слушая. Он сосредоточил свой взгляд на лице герцога, пытаясь не смотреть на обнаженные части его тела, которые так восхитили девушку.

— Независимо от того, какое жалование мы платим Фрэнку, удвой его.

Фэллон удивлённо округлила глаза.

— Хорошо, ваша светлость.

Мистер Адамс послал Фэллон одобряющую улыбку.

— Спасибо, — пробормотала она и поблагодарила бога за то, что, глядя на неё, герцог видел всего лишь лакея. Лакея, которому собирался повысить жалование. Всё остальное не важно. Не важно, что он стоит перед ней обнажённый. Не важно, что краска залила её щёки из — за его испытующего взгляда. Совсем не важно, что он стоит перед ней обнажённый...

Признательно кивнув головой, он стянул с края кровати чёрный шёлковый халат и накинул его на плечи. Завязав пояс, Дамон медленно подошёл к ней и вытащил пистолет из её рук.

— Пожалуй, я это заберу.

Фэллон кивнула. Ей стало намного легче дышать, когда нагота герцога скрылась от её взгляда.

— Дидлсворт сбежал, ваша светлость, — прочистив горло, сказал мистер Адамс. Он посмотрел через плечо, словно мог видеть, как камердинер убегает по коридору, поджав хвост, точно трусливый пёс.

Герцог проверил пистолет и нахмурился, заметив, что обойма была заряжена полностью. Девушка сразу догадалась, о чём он думал. О том, что одна из этих пуль чуть не прошла сквозь его грудную клетку. Та же судьба когда — то постигла его отца. За то, что тот развлекался с чужой женой.

— Я полагаю, он ушёл отсюда, ваша светлость.

— Ушёл ли? — пробормотал герцог.

В этот момент в комнату вошёл лорд Фоли вместе с Грейси. Она была в помятом шёлковом платье цвета слоновой кости.

Слоновая кость? Слишком уж невинный цвет для женщины, которая принимает ласки не только от своего мужа.

Лорд Фоли настороженно следил за пистолетом в руках Дамона. Кажется, за неимением оружия, его ярость угасла.

— Лорд Дамон, — медленно произнёс он. — Я надеюсь, вы никогда больше не будете даже разговаривать с моей женой.

— Не думаю, что вам стоит об этом беспокоиться, лорд Фоли. К тому же, вас я не боюсь.

Дамон согласно кивнул головой, но взгляд оставался решительным и холодным:

— У меня нет причин снова заговаривать с ней. Однако рекомендую вам дать ей тот же самый совет.

Муж сразу понял, что его жена не так уж невиновна, как утверждала. На самом деле, на ней лежала не меньшая доля ответственности. Лорд Фоли осуждающе посмотрел на жену:

— Пойдём, Грейси, — его надменный голос больше походил на тон огорчённого отца, а не мужа. — Нам с тобой вновь надо серьёзно побеседовать.

— Опять? — она надула свои аппетитные розовые губки. — Не будь таким занудой, Гарольд. Сколько ещё раз мне придётся извиняться? Ты же знаешь, как я тебя лю...

— Извиняться будешь столько, сколько нужно, — рявкнул он, таща её за собой.

Проходя мимо Фэллон, Грейси скромно подмигнула ей. Уже у двери она подняла руку над головой и кокетливо помахала:

— Пока, Дамон.

Он ничего не ответил.

Оставшись наедине с мистером Адамсом, миссис Дэвис и полуодетым герцогом, Фэллон попятилась к двери, страстно желая уйти и спрятаться от внимательных взглядов.

Её остановил голос мистера Адамса:

— Френсис, одну минуту, пожалуйста.

Фэллон остановилась, сосредоточив своё внимание только на Адамсе. Дворецкий тщательно изучал её с ног до головы. Через минуту он повернулся к герцогу.

— Это касается вашего камердинера, ваша светлость.

— Да. Ты только что сказал, что он ушёл, — Дамон пожал плечами и снова подошёл к своей кровати. — К счастью, я полагаю.

— Может быть, вы рассмотрите кандидатуру Френсиса на эту должность.

— Меня? — её голос прозвучал как писк. Прочистив горло, она повторила: — Меня?

— Да, — кивнул мистер Адамс. Нахмурившись, он спросил: — Вы же умеете читать и писать, не так ли?

Фэллон кивнула:

— Да, я ...

— Очень хорошо, — оживился мистер Адамс, — нельзя иметь неграмотного камердинера. Важной частью ваших обязанностей будет сортировка корреспонденции для его светлости, а так же запись под диктовку...

— Это блестящее предложение, — поддержала миссис Дэвис. — Он такой прекрасный, услужливый парень.

Мистер Адамс кивнул и продолжил:

— Я понимаю, он слишком молод, зато только что доказал, как верен вам, по сравнению с Дидлсвортом.

Дамон почесал темный от проросшей щетины подбородок.

— Не трудно оценить и тот факт, что при виде пистолета он выбежал из комнаты,

визжа, как девчонка.

Фэллон открыла рот, пытаясь ответить. Дамон посмотрел на неё, и она сжала губы в прямую линию.

Взглянув на дворецкого, герцог пожал плечами:

— Почему бы и нет? Как вы уже сказали, от него будет прок, особенно при встречах с ревнивыми мужьями.

Фэллон почувствовала горечь на языке:

— И это будет входить в мои обязанности? Обезоруживать ревнивых мужей? — выпалила она, прежде чем смогла остановить свой дерзкий язык.

Он лёг на кровать, скрестив ноги в лодыжках, и беззлобно взглянул в её сторону.

— Кто знает, — он неодобрительно посмотрел на неё.

— Френсис, отнесите свои вещи в комнату Дидлсворта, — приказал мистер Адамс.

Страх сдавил ей грудную клетку:

— Комнату Дидлсворта?

Тем временем, дав понять, что закончил разбираться с ними, Дамон встал с кровати и направился в сторону гардеробной. Спать, по — видимому, он больше не хотел.

Она наблюдала, как при движении перекачиваются под чёрным шёлком мышцы его спины. Фэллон пыталась не вспоминать, как соблазнительно выглядела эта часть его тела не укрытая тканью: мускулистая, с упругой кожей — и всё гадала, что же почувствует, если дотронется до неё.

Миссис Дэвис положила руку на её маленькие плечи и вывела из комнаты:

— Да, камердинер спит в соседней комнате.

Фэллон тряхнула головой. Соседняя комната? Она почувствовала, как кровь отхлынула от её лица.

Её план оставаться неузнанной был только что обречён на провал.

— Да! Ещё одно.

Фэллон почувствовала, что он опять обращается к ней, и ее сердце, казалось, перестало биться. Она посмотрела на герцога, пытаясь не выглядеть, как жертва, попавшая в лапы хищника.

— Вон та комната, — она проследила за тем, куда указывал его палец — на стену в спальне, рядом с гардеробной. Ей казалось, что это тоже гардеробная. — Она личная. Никому нельзя переступать её порог, — он пристально посмотрел на неё. — Даже вам. Ясно?

— Да, ваша светлость, — она почтительно склонила голову. Интересно, что же такого находится за этой дверью? Сатанинские орудия пыток? Гарем женщин, закутанных в просвечивающие шелка? Сжав челюсти, она сказала себе, что её это не касается.

Фэллон перестала дышать, когда герцог скинул одежду у входа в гардеробную. Вид его упругого зада заставил бы даже монашку пустить слюни. И она должна спать в соседней комнате рядом с этим мужчиной каждую ночь? Должна потакать всем его нуждам и прихотям? Должна слушать, как он развлекается с другими женщинами? Должна притворяться, что не впечатлена им, притворяться, что она... — мужчина...

Господи, как же ей пережить всё это?

— Ну же, Фрэнк, входи. Ты стоишь там уже достаточно долго.

Фэллон моргнула и выпрямилась. Стоя у перил, она и не догадывалась, что герцог знал о её присутствии. Просто она растерялась, увидев огромные пространства, занятые лужайками и садами. Фэллон задумалась, как наверно приятно Дамону работать рядом с таким пейзажем. Здесь сады были намного больше, чем в загородном поместье лорда Ханта. У неё чесались руки — так сильно хотелось почувствовать ими только что вспаханную землю.

Герцог был облачён во всё тот же чёрный халат. Слева от него лежала газета «Таймс». Ожидая ответа камердинера, он поднял взгляд от своего позднего завтрака, его вилка и нож застыли в воздухе. Там, где на груди сходились края халата, виднелась татуировка в виде змеи. Фэллон не нужно было видеть её всю, чтобы описать каждую деталь. В её память четко врезалась эта чешуйчатая рептилия с проницательным взглядом, будто готовая в любой момент наброситься и проглотить свою жертву.

Такая же обозлённая на весь мир, как и сам мужчина.

— Долго? Простите. Я не хотел отвлекать вас от завтрака, ваша светлость.

Если это вообще можно назвать завтраком, в такое время суток. Ведь скоро полдень.

Инцидент с разъярённым лордом Фоли был всё ещё свеж в её памяти. Чем больше она об этом думала, тем раздражённое становилась. *Что не так с этим человеком? Он лишился всех чувств? Хотел умереть тем же образом, что его отец?* Дамон откусил кусочек тоста и некоторое время жевал его.

— Ты не доволен своим новым положением? Неплохо сразу перейти от должности лакея к камердинеру.

— Да, конечно. Я весьма благодарен. — Фэллон поджала губы, сосредоточившись на стоявшей на столе дымящейся чашке кофе. Смотри куда угодно, только не на него... не на его соблазнительно взъерошенные ото сна волосы, тёмные, блестящие в свете утреннего солнца...

День был прекрасен. Фэллон предпочла бы просто стоять на балконе и дышать свежим воздухом. Но присутствие герцога всё изменило. Против воли, её взгляд сам возвращался к нему.

Проглотив тост, он отрезал кусок лосося.

— Ты немного напоминаешь мне моего деда, когда поджимаешь губы. Вот как сейчас. — Она тут же перестала это делать. Засовывая сразу половину лосося себе в рот, он пристально посмотрел на неё, затем добавил: — Может ты уже слышал, я не очень — то любил этого человека.

Фэллон кивнула. Слова: «Ничем не могу вам помочь», — чуть не сорвались с её языка.

— Тогда я сделаю всё возможное, чтобы не напоминать вам о нём.

Поклонившись, она попыталась продемонстрировать другую улыбку:

— Как вам такая?

К сожалению, улыбка выглядела слабой и фальшивой. Герцог фыркнул, и она перестала улыбаться. Тяжелым взглядом уставившись на поднимающиеся в воздух горячие пары из чашки с кофе, Фэллон проклинала свою гордость и свой острый язык.

С грохотом бросив на тарелку столовые приборы, герцог откинулся на спинку стула, и,

казалось, выглядел как хищник во время отдыха. А именно: обманчиво.

— Ну, всё. Теперь говори, парень. Что тебя беспокоит?

Пристальный взгляд Фэллон встретился с его взглядом.

— Какое вам дело до моих мыслей? — она проглотила комок в горле. — Ваша светлость, — добавила она, в тщетной попытке казаться более почтительной.

Края его чёрного халата разошлись, являя взору соблазнительную бронзовую кожу с изображением самого исчадия ада на ней. И он — как жестокий папа, рассматривающий свою собственность. И всё вокруг принадлежало ему. Без сомнения, он и её считал своим владением. Слуга, которому можно приказывать что угодно и получать от этого удовольствие.

— Мне есть дело, — герцог нахмурился, удивившись, что это и правда его беспокоило. Даже расстраивало. — Я, кажется, задал тебе вопрос?

Задал вопрос? Она фыркнула. Да он и понятия не имеет о том, как надо вежливо спрашивать. Такой человек как он только и умеет, что отдавать приказы. Как любой мужчина, имеющий в руках какую — либо власть.

— Очень хорошо, — раз он хочет знать, она расскажет ему. Откашлявшись, Фэллон заговорила мощным и глубоким мужским голосом:

— Вам обязательно обольщать каждую женщину, которую встречаете? У вас есть хоть капля стыда? — в его оправдание она могла бы сказать, что он не совращал женщин, работающих в поместье. Но она упустила этот факт, посчитав, что он недостоин её милосердия. Фэллон испытывала сильное возмущение. Возмущение и что — то ещё. Что — то тёмное и порочное. От чего ей туго сдавило грудь.

Он улыбнулся:

— Не каждую. Возможно, только половину.

Её раздражало это легкомыслие:

— И получаете особенное удовольствие от замужних?

Он мягко посмотрел на неё, как если бы был таким же слугой, и прямо сказал:

— У всех свои увлечения.

От такого ответа жар опалил щёки Фэллон.

— Увлечения? Жизнь во грехе и пороке вы считаете простым увлечением? — воскликнула она и с отвращением и покачала головой.

— Ну же, Френк, — он опять взял в руки нож и вилку. — Ты напоминаешь мне Дидлсуорта. А я — то думал, что наконец — то избавился от этого педанта. Ты настолько возмущён, что тоже намереваешься уйти отсюда?

— Я не собираюсь уходить только из — за того, что мой работодатель страдает от недостатка порядочности, — она выпрямилась. *Во всяком случае, не после того, через что ей пришлось пройти.*

Пристальный горящий взгляд его жестоких серых глаз остановился не её лице. Фэллон задержала дыхание. Не уж — то на этот раз она зашла слишком далеко? Она прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы боль отвлекла её мысли. Ну почему ей обязательно нужно провоцировать его? Почему она не может держать свое мнение при себе?

— Ты меня убиваешь, — он протянул руку к сердцу, будто туда вонзилась стрела. Он определённо дразнил её. Фэллон чувствовала это по тёмному блеску в его глазах. Такой негодяй не способен что — либо чувствовать. Для чувств человеку нужно сердце. У него этот орган явно отсутствовал. Он красивый мужчина, внутри которого зияет пустота. Ничего

больше.

— Знаешь, что тебе нужно, Френк?

Она вопросительно выгнула бровь.

— Тебе нужно ослабить эти твои моральные принципы. Слишком уж они строгие. — Задумчиво приложив палец к верхней губе, он пристально посмотрел на неё. Как загипнотизированная, она следила за движением пальца вдоль его губ. — Я думаю, тебе бы помогло хорошее трахание.

Фэллон оторвала взгляд от его рта и посмотрела прямо в глаза. Он долго смотрел на неё в ответ, и выражение удивления застыло на его лице. Но за удивлением крылось что — то ещё. Что — то опасное. Что — то почти... злое. Как будто её достоинство и невинность раздражали его. Те качества, которых не было у него самого. Что — то, над чем ему обязательно нужно было посмеяться. Её губы приоткрылись, но она не могла выговорить и слова. Первый раз в жизни Фэллон не знала, что сказать. Конечно, ведь, будучи самым порочным существом на земле, только он мог сделать настолько непристойное предположение. Или мужчины всегда разговаривают друг с другом подобным образом?

Его улыбка погасла. Серые глаза герцога всё поняли. Всё.

Она почувствовала, что настал опасный момент и бросила быстрый взгляд в сторону лужайки, готовая перепрыгнуть через перила и бежать куда глаза глядят, если он разгадал её уловку.

— Черт возьми... — пробормотал он. — Да ведь ты же... — перестав дышать, она ждала его вердикт. — Да ты же... девственник!

Она облегчённо вздохнула. Фэллон даже не надеялась, что его возмутит только этот факт. Её напряжённые плечи расслабились.

— Господи, парень, — продолжил он, откинувшись на спинку стула. — Нэнси ведь так смотрит на тебя, что я подумал: у тебя достаточно... опыта... — он пожал плечами. — Но это же легко исправить.

Откашлявшись, он взял чашку кофе и сделал медленный глоток.

— Исправить? — как будто девственность была такой страшной ошибкой, что её необходимо устранить. *Вот мерзавец!* Показала бы она ему, что не все мужчины такие же подонки, как он.

— Я могу отослать тебя в отличное место и замолвить за тебя словечко у мадам. Дать тебе отгул на вечер? Это меньшее, чем я могу отблагодарить за помощь с лордом Фоли.

— Нет! — теперь он будет помогает ей упростить её жизнь? Или, наоборот, разрушить? Если бы Фэллон не была так оскорблена, она, наверное, рассмеялась бы.

— Я не желаю... случайных связей. Я верю, что надо ждать, сэр.

— Ждать? — герцог нахмурился и наклонил голову в сторону. — Ждать чего?

— Ну, любви, брака.

Он уставился на неё, как если бы у неё выросла вторая голова.

— Да ладно тебе, Френк, — упрекнул он. — Говоришь, как сентиментальная девушка.

Жар опалил её щёки. Не уж — то она так сильно выразила своё неодобрение? В конце концов, она же притворяется. Возможно, было бы мудрее вести себя как зрелый бессовестный мужчина, нормально воспринимающий внебрачные связи. Несомненно, тогда Фэллон стала бы более мужеподобной в его глазах. Более похожей на него.

— Не все мужчины такие, как вы.

Даже говоря это, она не могла оторвать взгляд от дразнящего обнажённого участка его

грудь, такой твёрдой и мускулистой, как у землепашца. Она должна была чувствовать к нему презрение и отвращение. А вместо этого восхищалась им.

— Ты хочешь сказать, что не желаешь становиться таким же, как я.

Она фыркнула. Как он? Да если бы она только могла быть такой же свободной! Живя, как король, он мог быть тем, кем хотел. Но то, что он выбрал — это быть... жестоким.

Сделав шаг вперёд, она поставила полупустой кофейник на поднос. Под предлогом принести свежий напиток, Фэллон повернулась, чтобы уйти. — Простите, ваша светлость.

Тяжёлая рука схватила её за локоть и чуть не проглотила ткань в этом месте насквозь.

— Это правда? — он в сомнении приподнял одну бровь. — Я тот самый герцог, которого прозвали кровопийцей, весь мир лежит у моих ног, а ты ни капли мне не завидуешь! Знаешь, моя жестокость не всегда сидит во мне.

— Нет? — Она словно под гипнозом смотрела на его чётко очерченные губы.

— Нет. Она улетучивается, когда я... с женщиной... чёрт! — он остановился, заскрежетав зубами, отчего Фэллон ощутила дрожь в животе. Сгущаясь, жар окутывал её, заставляя переживать чувства, которых она никогда ранее не испытывала.

— Ты и понятия не имеешь, о чем я толкую. Но это так сладко, чёрт возьми! Это заставляет меня чувствовать себя живым. Определённо лучше, чем то дерьмо, через которое мне пришлось пройти в жизни. — Его смех прозвучал жутко и измученно. Затем он отпустил её руку так же резко, как схватил. — Иди. Возвращайся к своим обязанностям.

Подчинившись грубому приказу, она убежала. *Не оглядывайся! Только не оглядывайся!*

Всего лишь один взгляд на её лицо, и он бы догадался, какое сильное желание зажгли в ней его слова.

Прежде чем переступить через порог, Фэллон приостановилась и попыталась взять себя в руки. Она ругала себя. Она глупая женщина, павшая перед обаянием жестокого герцога, желала стать той женщиной, что может спасти его. Бред. Особенно если учесть, что она сама нуждалась в спасении, как никто другой.

Звук бьющегося стекла заставил Фэллон подскочить в постели. Затасканный томик Мэри Шелли «Современный Прометей», позаимствованный из библиотеки, свалился на пол. Она всегда хотела прочитать его, но мастер Броклхерст считал романы хламом и в школе никогда не позволял их читать. Кусая губы, девушка уставилась на дверь, отделявшую её комнату от комнаты герцога.

Было поздно, но в свое время Фэллон всегда возвращалась домой ещё позже. Иногда не приходила до самого утра. Учитывая жанр той книги, что она только что читала, её пульс и так колотился слишком быстро. Шум из соседней комнаты заставлял мурашки бегать по коже, а сердце биться о грудную клетку ещё сильнее.

Решив удостовериться, всё ли в порядке с хозяином — наверное, любой камердинер так и поступил бы на её месте — Фэллон вскочила на ноги. Она подняла книгу с пола, отметила страницу, которую читала, и положила роман на маленький ночной столик.

Будучи всё ещё одетой в брюки и батистовую рубашку, она схватила из шкафа парик. Стоя у зеркала, она стала его надевать так, чтобы не было видно ни одной золотисто — красноватой пряди. Последним рывком натянув парик, Фэллон отвернулась и надела пиджак. Удовлетворённая своим внешним видом, она постучала в соседнюю дверь. Никакого ответа. Тишина. Надавив на ручку, она вошла в тёмную комнату. Её взгляд сразу уловил движение у окна.

Плечи лорда Ханта, свободные от пиджака, подёргивались, в то время как он целовал распростёртую под ним на кушетке хихикающую девушку. Небрежно скинутый пиджак валялся на полу у его ног. Лорд запустил обе руки в волосы девушки, удерживая её голову для глубокого поцелуя. Было видно, как сплелись их языки.

С горящим от стыда лицом Фэллон быстро отвела взгляд и попыталась найти Дамона. Её живот сжался при мысли, что он занят тем же самым. *Ради всего святого, она же его камердинер!* Почему же она никак не может поверить, что он на самом деле жесток? Почему же она чувствует такое разочарование, если это так? Как будто у неё были какие — то права на него? Или она надеялась их получить?

Её словно ушатом ледяной воды окатили, когда она поняла, что за ощущение испытывала. Глубокое, сжигающее всё изнутри чувство не было досадой, а представляло собой целый набор эмоций. Ревность. Фэллон ревновала герцога к любой женщине, согревавшей его постель. К любой женщине, которая могла пальцами и губами дотрагиваться до его порочной татуировки. Любоваться этой ужасающей красотой на его груди.

И тут она ясно увидела герцога, лежащего на кровати. Вокруг него ползала женщина. Фэллон почувствовала некоторое удовлетворение от того, что он всё — таки не был в сознании. Хмурое выражение застыло на лице женщины, пока она пыталась его разбудить. Она схватила его лицо, пальцами стискивая щёки, и трясла, пытаясь его разбудить. Дамон застонал и откатился от неё в другую сторону. Тёмная ярость клокотала в груди Фэллон. Ей захотелось перепрыгнуть через всю комнату и отбросить эту женщину от него. Откашлявшись, она подождала, пока находившиеся в комнате заметят её.

— Давай же, — промурлыкала женщина, засовывая руку ему в бриджи. — Я приехала сюда, чтобы немного порезвиться. Просыпайся.

— Любезные! — крикнула Фэллон, потому как больше не могла молчать и захлопала в ладоши так яростно, что их защищало от боли. — Уже поздно!

Лорд Хант недовольно посмотрел на неё:

— Тогда иди и спи!

Женщина на кровати несколько приободрилась. Она на четвереньках пересекла кровать, её груди почти выпрыгивали из выреза платья, а один тёмный сосок был уже выставлен на обозрение. — А ты симпатичный! Держу пари, ты не откажешь мне!

— Смотрите, Этан! — девушка в руках лорда опять захихикала. — Кажется, Дженни хочет поразвлечься с дворецким!

— Камердинером, — машинально поправила Фэллон. Удивительно, она не возмутилась пошлой шутке. И скривила губы, приняв её. Несомненно, это следствие жизни под одной крышей с Дамоном.

— Легко тебе говорить, Дотти. У тебя есть с кем позабавиться, — Дженни надула алые губки. Уставившись на Фэллон, она провела пальчиком вокруг возбуждённого соска. — Ты выглядишь крепким парнем.

Презрительно посмотрев на неё, Фэллон сказала ледяным тоном:

— Его светлости необходим отдых, — она обвела всех в комнате взглядом, способным заморозить. Этот взгляд мастер Броклхерст использовал, чтобы заставить учениц Пенвича застыть на месте и превратить их кровь в лёд. — Придёте к нему завтра, — она мельком взглянула на Дамона. Тот даже не пошевелился, — когда его светлость будет в состоянии принимать посетителей, — чего она искренне не желала. Она могла бы вытащить женщину из спальни за волосы и покончить с этим.

— Ты выгоняешь нас, мальчишка?!

Фэллон смело встретила взгляд лорда Ханта, намереваясь стоять на своём.

— Да, — она гордо подняла подбородок. — Выгоняю.

Он посмотрел назад. Наверное, его ещё ни разу не выставлял за дверь камердинер. Она задержала дыхание, не зная, что делать, если лорд откажется уходить. Он был крупнее. И, в первую очередь, он был *мужчиной*. Мужчиной с высоким положением и властью. Он мог бы испортить ей жизнь. Особенно теперь. Когда его светлость был без сознания. Виконт, если бы пожелал, мог бы наказать её за дерзость. В течение некоторого времени он смотрел на кровать, разглядывая своего бесчувственного друга. Вздохнув, он поднялся на ноги и взял пиджак с пола.

— Пошли, девочки. Мы разместимся где —нибудь в другом месте. Моя постель почти такая же широкая, как у Дамона. В ней хватит места вам обоим.

Дотти встала, одёргивая платье. Дженни присоединилась к ним. Лорд обнял их обеими руками за талии.

— Передай Дамону, что я приду к нему завтра, — темнота сверкнула в его предупреждающем взгляде. Он больше не станет терпеть её вмешательства. — Несомненно, он будет готов к развлечениям.

Она натянуто улыбнулась, зная, как сильно действует ему на нервы. Она не имела никакого права относиться к герцогу как к своей собственности. Она — камердинер, слуга, и не важно, что он относится к ней как к равной. Как к личности, в отличие от её предыдущих работодателей. Фактически, он интересовался её мнением и не любил осуждений с её стороны.

С тех пор, как она внезапно это поняла, Фэллон смягчила своё отношение к негодяю,

негромко сопящему на широкой кровати. Она спрашивала себя, почему он занимает большую часть её мыслей. Обнимая по одной женщине с каждой стороны, виконт подошёл к двери, пропуская дам вперёд. Он повернулся и посмотрел на неё через плечо.

— Ты же сумеешь передать ему моё сообщение, не так ли, Френсис? Ты, кажется, так много всего умеешь, — он презрительно скривил губу. Не дожидаясь ответа, он повернулся и вышел.

Расслабившись от того, что Хант наконец ушёл, Фэллон опять посмотрела на герцога. Она никогда не умела скрывать свои чувства. Она была слишком недоброжелательной по отношению к виконту, и уже давно.

Уперев руки в бока, она приблизилась к кровати и посмотрела на своего работодателя, имевшего жалкий вид. Поцокав языком, она покачала головой. Действительно, вид у него плачевный.

— Жалкий, — пробормотала она. Герцог небрежно развалился на кровати, вытянувшись во всю длину.

— Проснитесь, — она ладошкой толкнула его в плечо, быстро одёрнув руку назад. Тепло, исходящее от него через ткань рубашки, было слишком соблазнительным. Вытерев ладонь о брюки, Фэллон стала изучать его лицо, которое казалось не таким уж жестоким, пока он спал.

Он застонал и повернул голову в другую сторону. Кусая губу, она осторожно поставила колено на кровать рядом с его распростёртым телом. Отпустив губу, она откашлялась.

— Ваша светлость?

Осторожно и нерешительно Фэллон положила обе руки на его грудь и начала трясти, пытаясь не обращать внимание на то, какой широкой, невероятно твёрдой и теплой она была.

— Ваша, светлость, ваши... — она остановилась, пытаясь подобрать более подходящее слово, — гости... они ушли.

Снова ничего. Ни единого звука. Ни единого движения. Ни даже храпа. Тишина воцарилась в комнате. Она облизала сухие губы и наклонилась ближе:

— Доминик, — прошептала она, ей понравилось, как прозвучало его имя из её уст. Непозволительно. Слишком лично. Она не разрешала себе даже в мыслях называть его так. — Доминик, — повторила она. Посмотрев на обутые в ботинки ноги, свисающие с кровати, Фэллон сказала: — Вам надо снять...

Жёсткие руки схватили её запястья. Она задохнулась, испуганная внезапностью, жаркий огонь прошёл сквозь неё. Её взор метнулся в сторону его скрытого темнотой лица. Герцог притянул её так близко, что их дыхания слились в одно.

— Так вот для чего ты здесь, дорогая!

Дорогая? Господи, почему он назвал её так? Неужели понял? Неужели догадался, кем она была? В темноте комнаты его глаза сверлили её, заставляя сердце отчаянно биться в испуге.

— Ваша светлость! — она пыталась вытянуть шею как можно дальше от его зоркого взгляда. — Отпустите! — она крикнула, надеясь, что голос звучал для него не так визгливо, как ей казалось. *Как мужчина, Фэллон! Думай, как мужчина!*

Теперь его серые глаза находились очень близко. Слишком близко. Только его ворчание напомнило, что она должна вести себя как мужчина и перестать вырываться из его рук.

Исправив интонацию, она попыталась говорить рассудительно, как человек, который

держит ситуацию под контролем, а не как перепуганная женщина, сердце которой стучало так сильно, что готово было выпрыгнуть из груди.

— Сегодня вечером вы немного перебрали, ваша светлость. Пожалуйста, отпустите меня!

— Ты ведь не этого хочешь, дорогая. Ты ведь приехала сегодня вечером, чтобы немного порезвиться. Помнишь?

Фэллон почувствовала облегчение и ужас одновременно. По крайней мере, он не узнал её. Но он признал в ней ту шлюху! Пьяный алкаш! И прежде чем она смогла исправить это недоразумение, он положил свою большую ладонь ей на спину и крепко притянул к себе.

— Ваша светлость! — на этот раз она не могла сдержать испуганный визг. — На самом деле я не...

Она не успела произнести остальные слова. Они превратились в приглушённое восклицание, когда его губы нашли её рот. Сладкий трепет пробежал по телу, как только их уста соприкоснулись. Он посасывал, покусывал и лизал её губы, уговаривая их раскрыться, пока его горячий язык не скользнул внутрь её рта. Ее тело, распростёртое на нём, перестало сопротивляться, а кости стали мягкими, как воск. Теперь Фэллон было наплевать, что её путают с кем — то другим. Она застонала. В конце концов, целоваться герцог умел хорошо. Он, наверное, был рождён с этим талантом. Её ещё никто и никогда так не целовал.

За те два года после окончания Пенвича у Фэллон, конечно, была парочка поцелуев, но они были целомудренными, с мальчишками, едва ли старше, чем она сама. Но никогда у неё не было мужчины настолько взрослого и опытного, как Дамон. Никогда не было мужчины, которого она действительно... хотела. А теперь он есть. Очевидная, болезненная правда, которую девушка отрицала с самого начала. С тех пор, как он потряс и оскорбил её, с тех пор, как он напомнил ей о прошлом, которое она пыталась забыть... уже с тех пор она хотела его. Фэллон так сильно хотела этого аристократа, что казалось, желание может спалить её дотла. Не важно, что он олицетворял всё, что она так ненавидела в этом мире. Она возжелела его, хотела его поцелуев. Хотела прикоснуться к татуировке в облике змеи.

Потрясенная, она не могла пошевелиться. Не могла поднять голову. Не могла отстраниться. И, что ещё важнее, не могла вспомнить, что была женщиной! Ну, или в образе мужчины, не важно.

Рука герцога спустилась с затылка ниже, ладонь надавила сверху на талию, прижимая её к себе ещё ближе. Фэллон стало очень жарко. Грудь ныли, стиснутые тугими оковами.

— Господи, какая же ты сладкая, — пробормотал он, не отрываясь от её губ. Герцог опустил руку ниже, пальцами прощупывая позвоночник, пока не нашёл её попку. Тихий стон вырвался из её горла, когда он сжал её ягодицу и расположился под ней так, чтобы она почувствовала твёрдость его члена. Будучи одета в брюки, она и так прекрасно ощущала его. Какой стыд, но ей нравится это. Лаская дыханием его губы, она прижалась к нему. Ворча, он притиснул её ещё ближе, если такое было возможно.

Внезапно она поняла, что это и есть настоящий Доминик. Фэллон не могла называть его по — другому. Будучи принятой за шлюху, она рисковала очень скоро потерять девственность, которую так долго хранила. Это обстоятельство должно было остановить её. Вместо этого Фэллон таяла под натиском его нежных ласк, распростёршись на его длинном твёрдом теле. А предательский голосок шептал в голове: *почему бы и нет?*

Пульсирующее доказательство его мужественности упиралось в то место, где соединялись её бёдра, посылая сладкую боль. Там же покоилась его рука, словно пыталась

оставить свой след, который навсегда врежется в её память. Это она знала точно. Вскоре после долгих поисков недорогого и безопасного места, Фэллон поселится в доме, который будет принадлежать ей и только ей. Но она всегда будет помнить его руки. Его прикосновения. Помнить *его*.

Волшебные поцелуи герцога лишали рассудка. Он творил чудеса своим языком, погрузив его в бездну ее рта глубоко и чувственно. Он как будто пил живительный нектар и никак не мог утолить жажду. Не удивительно, что женщины бросались к его ногам. Мужчина, чьи поцелуи были такими — по меньшей мере, опьяняющими — представлял угрозу для всего женского населения. Когда её целуют вот так, женщина чувствует себя особенной, любимой.

Её рука накрыла его щетинистую щеку, лихорадочно цепляясь за него, когда уже не понимала, где его губы, а где ее. Его небритый подбородок царапал нежную кожу её ладони. Герцог приподнял её выше, и широкая рука, лаская, скользнула в разрез между ягодицами ещё дальше, сильно надавив на центр её сладострастия. Фэллон задохнулась от греховного вожделения. Ни один мужчина никогда не дотрагивался до неё так порочно. Так жестоко. Она заставила бы страдать любого другого мужчину, попытайся он.

Через ткань брюк его пальцы безошибочно нашли её расселину, прошли по ней вверх и вниз, легко надавливая, сильнее и сильнее с каждым разом. Внизу живота разгорался огонь. Фэллон раздвинула ноги шире, давая больше свободы его руке. Дыхание становилось резче, она с шумом выдыхала, по мере того как его сильные пальцы ласкали её, даря жгучее наслаждение. Медленно, затем быстро. Жестко, затем нежно.

Она запустила руки в волосы герцога и жалобно застонала. Напряжение всё нарастало, становилось всё туже, как пружина, готовая распрямиться. Влага сочилась между её ног. Фэллон затрепетала и вскрикнула в его рот. Затем он прервал их поцелуй, нащёптывая нежные слова, пока его губы прокладывали влажную дорожку вдоль горла. Она подняла голову, позволяя герцогу добраться до каждого уголка на её шее, и вдруг почувствовала, как парик съезжает в сторону. Подняв одну руку в попытке удержать его на месте, она вскрикнула, как только зубы Дамона впились в пульсирующую жилку там, где шея соединялась с ключицей. Это было безумием!

И всё же она не могла пошевелиться, не могла отодвинуться от него, не могла перестать изучать его тело как женщина. Не остановилась бы она, даже если бы герцог был в своём уме. Он укусил её за место у основания шеи, затем языком зализал место укуса, омывая нежную плоть. Фэллон часто моргала и задыхалась, как будто только что вынырнула из глубокого бассейна с водой. Он таким внезапным рывком перевернул её на спину, что у неё закружилась голова. Она первый раз почувствовала себя маленькой, женственной и хрупкой, когда Дамон склонился над ней и расположил своё тело между её разведёнными ногами. Затуманенный взгляд Фэллон бродил по мерцающим теням потолка, не видя ничего, пока его рука не сомкнулась на её груди. Она стонала и вздрагивала под его ласками, как от ударов током, в то время как её рука зарылась в его волосы, перебирая тёмные, шелковистые на ощупь пряди. Она не могла остановиться, и не важно, сколько голосов в её голове обзывали её душой.

Дамон расстегнул её пиджак и стянул его с её плеч, как если бы каждая женщина, отведавшая его ласк, носила мужскую одежду. Должно быть, бренди окончательно лишил его рассудка. Сильным рывком он вытащил рубашку из её брюк. Его пальцы осторожно погладили мягкий живот, рёбра, поднимаясь всё выше.

Что ты творишь? Он же твой работодатель! Он даже не в курсе, что это ты. Он думает, что под ним одна из его шлюх!

Фэллон застонала. Её плоть горела огнём в тех местах, которых он касался, пробуждая в ней страстное желание, какого она еще не знала. Когда его руки достигли той ткани, которой она стягивала грудь, она с шипением оторвала свои губы от его рта. Хватит! Она должна остановить его. Эту деталь одежды герцог точно не оставил бы незамеченной. Вытянув вперёд руки, она оттолкнула его.

— Нет! — он на мгновение застыл над ней. Она опять толкнула его. На этот раз сильнее. Он перевернулся на спину. Вспрыгнув на ноги, Фэллон уставилась на него, дрожа всем телом.

С ворчанием он откатился на свою сторону и всмотрелся в неё полуприкрытыми глазами.

— Куда ты уходишь? — нечленораздельно спросил он, вглядываясь в её сторону в тщетной попытке разглядеть девушку. — А ну — ка иди сюда, ты! — приподнявшись, Дамон попытался устоять, опираясь на локоть, и схватить её за руку. Она отскочила, оставаясь вне пределов его досягаемости. Он со стоном откатился назад и закрыл глаза. Приложив одну руку к стучащему сердцу, Фэллон наблюдала за ним. Сердце ныло так же, как и всё тело. Он покрутил головой из стороны в сторону, медленно шепча что — то непонятное. Она сделала шаг вперёд, затем другой, пытаясь разобрать его слова. Когда их смысл наконец дошёл до неё, каждое слово отозвалось болью в её сердце, всё ещё бешено бьющемся под её рукой.

— Пожалуйста, не уходи. Только не покидай меня.

Не сознавая, что делает, Фэллон забралась обратно в постель и обняла его большое тело. Он говорил как несчастный маленький мальчик. Совершенно потерянный. Она тряхнула головой. С чего это ему быть несчастным? Дамон был герцогом по крови, рождённым со всеми привилегиями. Он не знал голода. Или жгучей боли от удара хлыста по спине. Он с детства обладал богатством и властью и наказывал тех, кто ниже его по положению. Последнее звучало, конечно, не совсем правдоподобно. На самом деле, герцог относился к ней с большей бережностью и заботой, чем все предыдущие работодатели вместе взятые. Спотыкаясь, она выбежала из комнаты, уверенная, что герцог слишком пьян, чтобы пуститься за ней вслед... и чтобы понять, что он только что целовал своего камердинера. Хотелось бы надеяться, что завтра он не вспомнит вообще ничего. Закрыв за собой дверь, Фэллон пожалела, что здесь не было задвижки. С сильно бьющимся сердцем она припала к двери, с облегчением понимая, что между их комнатами есть граница, и ждала, прислушиваясь к стуку его шагов с другой стороны. Она облегчённо вздохнула, не услышав их. Фэллон дрожащими руками стащила с головы нелепый парик и запустила пальцы в свои короткие локоны. Рука скользнула вниз по щеке и остановилась на том месте на шее, где громоздочно стучал пульс... где он укусил, а затем поцеловал с таким пылом, что одно только воспоминание заставляло коленки подкашиваться. Кожа под пальцами была всё ещё влажной и тёплой. Клеймо, которое она будет всегда носить, всегда чувствовать. Даже после того, как навсегда покинет эти стены. В этот момент Фэллон точно решила, что обязана их покинуть. Как можно скорее. Пока он не узнал правду. И пока она не забыла все причины, из — за которых не может заботиться о нём, принимая во внимание тот факт, что она только что забыла.

При звуке закрывающейся двери Доминик резко сел на кровати. Голова закружилась. Он вздохнул. Свежий аромат корицы заполнил его ноздри. И ещё ваниль. И... запах свежего

тёплого хлеба. Перед ним пронеслись пылающие страстью глаза. Сильное желание охватило его.

Со стоном герцог лёг обратно на кровать, разбросав руки в стороны. Он почувствовал пустоту и одиночество. Его руки задвигались, пытаясь найти кого — то... и ничего не находили. Никого. Он опять застонал, этот звук постепенно стихал, по мере того как он погружался в царство сна. А его рука всё ещё шарила вокруг, всё искала. Единственная, нетвердая мысль пронеслась в его одурманенном разуме перед тем, как заснуть: *кто — то должен был быть здесь.*

Доминик просыпался медленно, морщась от тупой пульсирующей боли в голове. Должно быть, он накануне выпил больше, чем следовало. Это, без сомнения, вчерашний разговор с камердинером выбил его из колеи. *Черт возьми!*

Замечания Фрэнка ударили по больному месту. Поразительно, но осуждение в голосе мальчишки терзало его весь день, пока он не нашёл компанию в лице Ханта, чтобы вместе с ним отправиться в «Обитель удовольствий» мадам Фатимы — один из самых грязных публичных домов в городе. Вместе они залпом рюмку за рюмкой пили бренди, пока осматривали множество женщин, большой выбор которых предоставляла мадам.

Сделав глубокий выдох через нос, Дамон вытянул руки по сторонам, растопылив пальцы в поиске одной единственной вещи, которую хорошо запомнил со вчерашнего вечера. *Женщины.*

По крайней мере, он ясно помнил начало вечера с ней. Конец ночи был для него как в тумане. Но он помнил тепло женской кожи. Широкий ротик, невероятно сладкий на вкус и невообразимо ласковый под натиском его губ. Герцог даже не представлял, что вкус чьих — либо губ может быть настолько приятен. Ленивая улыбка озарила его лицо. Не важно. С больной головой или нет, он был готов к новым удовольствиям.

В порыве страсти женщина отвечала ему так соблазнительно и пылко, что эти поцелуи опьянили его, словно крепкий ром. Такого Дамон не ожидал ни от одной женщины, которую бы посоветовал ему Хант. А эту посоветовал именно он, поскольку, как он сам заявил, она уже побывала в его постели. Возможно, Хант и понятия не имел, что за сокровище пряталось под ярко разрисованным личиком и облачённым в откровенный пеньюар телом, потому что он сразу отказался от неё, ограничившись содержательными рекомендациями.

Поскольку Хант много лет провёл за границей, то они с герцогом очень давно не виделись, но сразу вспомнили существовавшее между ними дружеское соперничество. Годы не стёрли из памяти это чувство.

Хоть и с большим трудом, Дамон попытался вспомнить имя той девушки. Бесполезно. Как бы её ни звали, она была совершенством. *Самим совершенством*, раз первые мысли в его только что проснувшемся разуме были только о ней.

Последняя женщина, о которой он думал с таким пылом, была Фэллон О'Рурк. Холст с её портретом до сих пор находился в соседней комнате. Все прошедшие недели герцог пытался его усовершенствовать. В жизни её глаза были ярче, а черты лица более мягкими, но с цветом волос он угадал почти идеально. Оттенки красного, золотого и коричневого. *Почти* идеально. Но не совсем.

Настроившись заново познакомиться с той, что делила с ним ночью постель, он повернул голову, собираясь с ней заговорить. Сказать что —нибудь озорное и очаровательное, что могло бы заставить девушку остаться с ним до полудня и развеять его скуку. Его мечтам не суждено было сбыться. Дамон наткнулся на белоснежное постельное бельё. Резко встав, он оглядел всю кровать и не нашёл ничего, кроме помятых простыней и покрывала. Быстро осмотрев комнату целиком, он расстроился ещё сильнее. Он был один.

Убегая, она наверняка прихватила что —нибудь с собой. Когда герцог заметил, что девушки нет, он не мог не придумать про неё что —нибудь скверное. Он найдёт её, если окажется, что она использовала его для того, чтобы ограбить. И пошло всё к чёрту!

Свесив с кровати ноги, он проигнорировал внезапно возникшую пронзительную боль в висках и проревел:

— Фрэнк!

Через несколько секунд смежная дверь открылась, и Фрэнк, осторожно ступая, вошёл в комнату. На его лице застыло прохладное, ни о чём не говорящее выражение. Удивительно!

Обычно на физиономии этого парня всегда читалось неодобрение, губы были вытянуты в тонкую линию, а ноздри слегка подрагивали. Он начал думать, что обречён нанимать камердинеров, которые его презирают. Доминик всегда сыпал проклятиями достаточно громко, и Фрэнк это слышал.

Парень выглядел бледным, да ещё этот его нелепый серый парик! Но камердинер упрямо поднял подбородок вверх. Заложив руки за спину, он остановился на достаточно далёком расстоянии от кровати и пробурчал:

— Да, ваша светлость?

— Где девушка?

— Девушка, ваша светлость?

— Да, девушка.

Фрэнк моргнул. Он вёл себя необычайно сдержанно. Это был определённо не тот человек, что вчера так рьяно критиковал его образ жизни.

— По — моему, это не сложный вопрос, — сказал герцог.

Фрэнк хотел было что — то сказать, но промолчал. Только он уж слишком пристально рассматривал Доминика.

— Чёрт возьми, не притворяйся, будто ничего не знаешь! — фыркнул он. Слуги всегда всё знают.

А камердинер особенно должен знать всё, что творится с его хозяином. И Фрэнк не исключение. Доминик сразу заметил в нём наблюдательного парня, который видел и замечал всё. И от его взгляда ничто не могло ускользнуть.

— Не знаю чего, сэр? — спросил камердинер. Как ни странно, сейчас он казался более сговорчивым.

— Чёрт побери! — Доминик съёжился от внезапной острейшей боли в голове и начал массировать лоб круговыми движениями, пытаясь её унять.

— Вам плохо, милорд? Могу я что —нибудь сделать для вас? — Фрэнк опять направился к двери, его рука застыла на полпути к дверной ручке. — Может быть, вы хотите, чтобы миссис Дэвис приготовила для вас свой тонизирующий напиток?

Услышав это предложение, герцог скривил губы. Его затошнило от одной только мысли о противном напитке миссис Дэвис.

— Мне не нужен чёртов напиток! Я хочу её! — он прошипел, чувствуя себя, как ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку и не хотели отдавать назад. Эту игрушку с горящими от страсти глазами и таким горячим ротиком, который мог заставить его сгореть от желания дотла.

— Всё что ты можешь для меня сделать — это привести ту женщину, что была со мной вчера ночью!

— Жен...

Быстрый взгляд в её сторону заставил Фэллон удержаться от повторения его собственных слов.

Прочистив горло, камердинер заговорил вновь:

— О какой такой женщине вы говорите, ваша светлость?

— Прошлой ночью. Со мной была женщина прошлой ночью!

— Ах, да. Вы наверно имеете в виду лорда Ханта и его подружек?

— Да, — сказал он, резко рубанув рукой по воздуху. — Где они?

Долговязый Фрэнк выпрямился во весь рост, и щёки его заалели. Глаза заискрились знакомым блеском, и камердинер произнёс:

— Я отправил их домой.

— Отправил домой?!

— Ну да. Вы были без сознания, и я подумал, что вы не будете против, если...

— Вообще — то, буду. Я был категорически против!

Фрэнк выгнул красновато — коричневую бровь и с издёвкой пробормотал:

— Насколько я припоминаю, вы храпели и пускали слюни! — и добавил с изрядной долей удовлетворения: — Не думаю, что вы были в состоянии развлекать их.

Герцог подозрительно посмотрел на Фрэнка. Он был недоволен. Доминик сделал шаг вперёд, задаваясь вопросом, почему его так волнует эта приподнятая бровь и насмешливый тон. И вообще, что такое с этим парнем, что он постоянно его раздражает? И всё же... герцог не собирался его увольнять. *Очень странно.*

— Позволь я тебе кое — что объясню: твои обязанности не столь широки, чтобы прогонять моих гостей! Понятно?!

— Да, ваша светлость, — кивнул Фрэнк. Он говорил чётко, спокойно и очень... странно.

— Теперь мне придётся спрашивать о ней у Ханта, — пробормотал он, запустив руку в волосы, и осуждающе взглянул на своего камердинера.

— Прошу прощения, ваша светлость? — невинным голосом спросил Фрэнк.

Дамон пристальным взглядом впился в него. Чёрт возьми! Всё равно, что нанять священника на должность камердинера.

— Можешь не беспокоиться, — сказал он.

Тут в его голову пришло, что можно было бы уволить парня. Любой другой на его месте давно бы уже это сделал. И всё же он не мог. Возможно, из — за рекомендаций Адамса. Была и другая веская причина. Фрэнк обезоружил старого Фоли и тем самым спас Дамону жизнь. В то время как Дидлсворт трусливо сбежал из комнаты, парень показал себя с лучшей стороны. Герцог едва ли мог его уволить. Не только из — за вышеперечисленных причин. Ему мешало ещё что — то, и он не мог понять что именно.

Доминик резко втянул воздух в лёгкие:

— Я надеюсь, мы друг друга поняли.

— Да, конечно. Такого больше не повторится, ваша светлость.

Неужели в его голосе слышалась снисходительность? И снова этот взгляд. Камердинер оценивающе оглядел его с ног до головы. Как будто пытался найти недостатки. И выглядел... разочарованным. Доминик как будто проиграл в схватке.

Намеренный установить дистанцию между ними, как полагается между хозяином и слугой, герцог сказал тоном, как можно более холодным:

— Надеюсь, что не повторится. В противном случае будешь искать себе работу в другом месте.

Краска залила щёки Фрэнка. Его голос дрогнул, когда он спросил:

— Я могу сделать для вас что — нибудь ещё, ваша светлость?

Дамон молчал, пока вытаскивал рубашку из — за пояса брюк, направляясь в гардеробную.

— Пришли завтрак. И скажи, чтобы седлали моего коня.

Сегодня ему не хотелось спать до полудня. Или попытаться нарисовать портрет женщины, которая ускользала от него... и в жизни, и на холсте. Ускользающие женщины стали его судьбой в последнее время.

— Да, ваша светлость.

Фрэнк повернулся, чтобы уйти, но прежде посмотрел на рисунок змеи на груди герцога, и щёки его покрылись румянцем. Без сомнения, мальчишка про себя осудил его и за это. Узкая спина парня скрылась в его комнате. Странно, но вид этой выпрямленной спины напомнил герцогу его деда. Ещё один мнительный человек. Дамон скорчил гримасу.

Его долгое время совершенно не заботило, что о нём подумает дед, но по какой — то неведомой причине ему важно было мнение камердинера. Важно с самого начала. Даже когда тот был простым лакеем. Чертовски надоедливый и... странный.

Большую часть жизни Дамон привык вести себя бессовестно. Не было у него желания испытывать угрызения совести и сейчас. Особенно из — за этого неопытного юнца, который, казалось, знает всё о том, как быть настоящим мужчиной — по крайней мере, благородным уж точно.

Дамон пожал плечами и мыслями унёсся далеко от Фрэнка — к той самой женщине с прошлой ночи. И задался вопросом, как скоро они смогут завершить то, что начали до того, как его сующий нос во все дела камердинер отослал её домой.

— Остаёшься дома? Что значит, ты остаёшься дома? Неужели ты настолько хорошо развлекся в моё отсутствие? — Хант вальяжно уселся на подлокотник кресла, поигрывая своим шейным платком.

— Нет, — Доминик посмотрел в окно, за которым площадь погружалась в сумерки. В огромном камине трещал огонь, сокрушая деревянные щепки.

— В таком случае, что же с тобой случилось? Ты должен быть более чем готов для небольших развлечений.

— С меня достаточно развлечений. Я занят. И к тому же прошлой ночью в клубе я уже играл в карты.

— Меня это не волнует. Я говорю о женщинах, Дом. Прошла неделя, а у тебя не было ни одной, — Хант тряхнул головой. — Это совсем на тебя не похоже. И уж тем более совершенно не приемлемо для меня. Вот уже неделя, как я живу в этой стране, уткнувшись в бухгалтерские книги и отчёты, и терплю общество моей глупой матушки, чёрт, мне просто необходимо внимание женщин. Женщин определённого круга. И я был уверен, что ты присоединишься ко мне.

Доминик пожал плечами, задумчиво водя пальцем по ободку края стакана. Затем поднёс его к губам и сделал большой глоток.

— Это — приглашение для избранных, — продолжал Хант. — Такое ты не захочешь пропустить. Я узнал из надёжного источника, что сегодня мадам Флер будет представлять новеньких девушек.

Доминик снова пожал плечами, пробормотав что — то уклончивое. Он окончательно утратил всякое желание развлекаться с помощью опьяняющих напитков и ещё более пьянящих женщин с тех пор, как проснулся в холодной постели с ужасной головной болью. Не говоря уже о том, как отчаянно он пытался вспомнить ту незнакомку. Как же он хотел её вспомнить!

— И чем ты займёшься? — Хантер махнул рукой. — Будешь пялиться на стены?

По какой — то причине взгляд Дамона блуждал по комнате в поиске камердинера. Тот быстро отошёл в сторону, несомненно, пытаясь избавиться от разговоров о выборе аппетитных девиц на ночь.

— А что, если мы вернёмся к мадам Фатиме? — предложил герцог, надеясь, что его предложение не останется безответным.

— Опять? — Хант нахмурился. — Из этого благоухающего сада я перепробовал всех девушек, что хотел.

Доминик подавил вздох негодования. За последнюю неделю он дважды навещал Фатиму, чего Ханту необязательно было знать. Там, среди разукрашенных девиц, он пытался вспомнить, которая из них пробудила в нём фантазии о райских губах и сладкой плоти. Всё напрасно.

Может быть, если Хант пойдёт с ним, то поможет найти ту женщину, которая занимала все мысли Доминика.

Решив, что нужно говорить прямо, чтобы узнать всё, он прочистил горло и сказал:

— Я думаю, что теперь не плохо бы повторить события той ночи.

Брови Ханта сошлись на переносице.

— Какой именно ночи?

— В которую мы посещали Фатиму.

— Ты говоришь о той ночи, когда твой педант — камердинер выгнал нас?

Герцог скорее почувствовал, чем увидел реакцию Фрэнка. Стоя у камина, парень гордо выпрямил спину и смотрел на огонь. Несгибаемый, словно кочерга, он повернулся и уставился на Ханта. Друг герцога даже не извинился, а просто стоял и наливал себе ещё порцию бренди с подноса.

— Да, — Доминик с безразличным видом почесал подбородок. Хант и не подозревал, насколько серьёзными были действия герцога. Насколько отчаянными. — Так как её звали?

Краем глаза он заметил, как Фрэнк, до этого разбиравший бумаги на столе, застыл на месте, и, прислушавшись, затаил дыхание.

— Дженни, насколько я помню.

— Дженни, — пробормотал герцог, словно пробуя её имя на вкус. Ему не понравилось, как оно звучит на его устах. Какое — то оно не правильное. Ну никак оно не подходит той девушке, которую помнил, хоть и довольно смутно, Дамон.

— Понравилась, да? — Хант улыбнулся. — А она, между прочим, лакомый кусочек. Я имел удовольствие попробовать её той ночью, когда ты вырубился. Обоих: и её, и Дотти. Просто не мог им отказать.

Доминик сжал зубы, пытаясь выглядеть безразличным. Даже руки его сжались в кулаки, когда он представил эту девушку в постели Ханта. Как же ему хотелось встать с кресла и хорошенько врезать своему другу! Он потрянул головой, пытаясь избавиться от этих назойливых мыслей. *Безумных мыслей*. Какое он имеет право ощущать себя собственником? Собственником женщины, которую едва мог вспомнить. Женщины, чья работа — доставлять удовольствие мужчинам. И немало, очень немало количеству мужчин. Чёрт, ни одна женщина не стоит того, чтобы жертвовать ради неё своими друзьями.

— Могу представить, — равнодушно пожал плечами Доминик.

— Что ж, если ты настаиваешь, мы можем заскочить к Фатиме по пути в притон мадам Флер.

Фрэнк продолжил уборку, его движения были жёсткими и резкими, а губы вытянулись в прямую линию. При виде неодобрения с его стороны, у Доминика в груди возникло странное чувство. Неужто проснулась совесть? Не может такого быть. Мнение камердинера не имело совершенно никакого значения! Для Дамона *ничьё* мнение не имело значения.

Может быть, из — за осуждения со стороны Фрэнка, может быть, из — за того, что Хант первым добился девушки его мечты — какова бы ни была причина, но его настроение значительно ухудшилось, и ему отчаянно захотелось побыть в одиночестве.

— Нет. Иди без меня.

Хант со стуком поставил свой стакан на стол.

— Очень хорошо. Сиди дома, старик. Но завтра ты поедешь со мной, или я заставлю тебя силой.

Наблюдая за тем, как уходит Хант, Доминик помахал ему рукой на прощание. Затем его взгляд обратился к камердинеру, герцог из — под опущенных век проследил за тем, как Фрэнк забрал стакан Ханта и поставил его на поднос.

— Фрэнк, — пробормотал Доминик. Как и предполагал, он встретил холодность во взгляде парня. Несмотря на то, что это не было неожиданностью, его этот взгляд в конце разозлил. Дамон потряс наполовину пустой стакан, взболтав оставшуюся в нём жидкость.

Камердинер приблизился, губы всё ещё были стянуты в упрямую линию, пальцы сомкнулись на его стакане. На мгновение эта рука привлекла внимание герцога. Кожа на ней отнюдь не была светлой, что говорило о долгих часах, проведённых под солнцем. И всё же эта рука была изящной, а пальцы длинными. *Само совершенство.* Доминик ухмыльнулся при мысли о том, что камердинер отмачивает их в розовой воде, как в прочем и большинство щёголей.

Когда Доминик понял, что у него забирают стакан, Фрэнк вопросительно посмотрел на него:

— Ваша светлость?

Разомкнув руку, он выпустил стакан. Фрэнк поставил его на поднос и с тревогой взглянул на герцога. «Я это заслужил», — подумал Доминик. Сегодня его настроение было переменчиво.

— Иди. Ты мне сегодня больше не понадобишься.

Камердинер вышел из комнаты, словно по прямой линии, без всяких там семенящих шажков. И в который раз герцог задался вопросом, почему его это раздражает с каждым разом всё больше и больше.

Целеустремлённой походкой Фэллон спустилась вниз в коридор, при этом расплескав по всему подносу содержимое стакана Доминика. Щёки её горели. Она не могла понять, что беспокоит её больше — противный голос Ханта и его грубые замечания... или то, что Доминик ищет ту шлюху, за которую принял её!

Звук приглушённого смеха заставил Фэллон остановиться. Дверь слева от неё была немного приоткрыта. Нахмурившись, она приблизилась, всмотрелась внутрь комнаты и сразу узнала синий пиджак лорда Ханта на фоне тёмных занавесок, пока тот прижимал к стене женщину.

Фэллон не нужно было обладать рентгеновским зрением, чтобы узнать её. Она вошла в комнату. Персидские ковры заглушили звук её шагов. Хант опустил голову, лаская обнажённые груди женщины. Знакомое платье серого цвета — одежда, которую носили все слуги герцога — скомкалось на её талии, собравшись гармошкой под белоснежной грудью женщины и тёмной головой Ханта. Шея женщины выгнулась, лицо было спрятано за занавесками. Фэллон медленно приблизилась ещё ближе, вглядываясь в темноту. Служанка застонала и зарылась руками в коричневатые волосы Ханта.

— Вам не следует... — её голос сорвался, когда она вскрикнула и опустила голову, предоставляя Фэллон созерцать её лицо.

Наивная кокетливая малышка Нэнси? Фэллон покачала головой. Ясно. Её влюблённость во Фрэнка не устояла под натиском лорда Ханта. Бедная, глупенькая девушка. Неужели она не понимает, что играет с огнём?

— О, — выдохнула она, опираясь головой на занавески, — лорд Хант, что вы со мной делаете?

В воздухе прозвучало его приглушённое рычание:

— Даю этим сладким вишенкам то, о чем они просят, девочка моя.

— Не надо! Я целомудренная девушка, — как только его руки пробрались под её юбки, она сразу замолчала. Женщина вскрикнула, но затем её крик превратился в страстный стон.

— Да — а-а, — выдохнула она. Очевидно, рука лорда дарила ей несказанное удовольствие.

— Тебе нравится, да?

Совершенно не сопротивляясь его натиску, она притянула его голову назад к своей груди. Глубоко внутри Фэллон рождалось отвращение. Намериваясь оставить их развлекать друг друга, она повернулась, чтобы уйти... и тут пол закрипел под её ногами. Хант резко обернулся, раздражённо сузив глаза при виде Фэллон.

— Фрэнсис! — Нэнси натянула платье, щёки её пылали.

— Ах, вот и наш молодой страж порядка! — Хант на шаг отступил от горничной, вытирая губы, как будто избавляясь от вкуса поцелуев Нэнси.

— Ну что же, страж порядка пришёл нарушить наше уединение?

— Я услышал звуки, — неуверенно пробормотала Фэллон.

— Да, такое случается, когда стараешься доставить женщине удовольствие, — он пренебрежительно склонил голову. — О чём, как я полагаю, ты не имеешь ни малейшего понятия? Не так ли? Что поделаешь, если ты никогда как следует не трахался? Нэнси, дорогая, ты могла бы пожалеть парня и хорошенько поразвлечься с ним.

Фэллон сжала кулаки. Она имела полное право ненавидеть этого человека. Её отвращение к его отцу не шло ни в какое сравнение с тем, что она чувствовала сейчас.

Нэнси покраснела ещё сильнее.

— Милорд! — она смущённо посмотрела на Фэллон. — Пожалуйста!

Фэллон повернулась, готовая покинуть комнату.

— Фрэнсис, пожалуйста! — кричала Нэнси. — Позволь мне всё объяснить!

Фэллон, не останавливаясь, шла упрямой походкой, крепко сжав руками поднос. Она уверенно шагала вперёд, думая о том, что переодеться мужчиной — самое мудрое из принятых ею когда — либо решений, если оно помогает ей спастись от приставаний мужчин вроде лорда Ханта.

А как же герцог? Так уж ли неприятно было бы получать знаки внимания от него? Так уж ли плохо, если он узнает, что она женщина? А вдруг она станет такой же, как Нэнси? Которой можно попользоваться, а потом выбросить как ненужный мусор? Тряхнув головой, Фэллон поклялась, что *никогда* не станет этого узнавать.

Этой ночью Доминику приснился Вэйфилд — парк.

Мрачное лицо миссис Пирс явилось в его сне в серых тонах. Она смотрела на него, ее глаза были такими же пустыми, как грозовое небо, когда она подняла рукой горячую кочергу. Потом он бежал по коридорам, лица его давно усопших предков следили, осуждали, приговаривали его.

Внезапно они все остались позади, и он оказался в экипаже, под спиной у него были мягкие подушки. Фэллон О'Рурк сидела рядом с ним, ее глаза были полны жара и страсти. Приглашения. Ее лицо было словно в неясной дымке, как на его портрете, черты лица были смазаны. Но там были ее волосы. Он прекрасно помнил их. Великолепная грива окружила ее роскошным, тронутым солнцем облаком. Она взяла его руку в свою, кончиками пальцев легко, как перышко, погладила его шрам на ладони. Ее губы соблазнительно изгибались, пока он стягивал рукава ее платья всё ниже, ниже...

Доминика грубо толкнули, вырвав из сна, который принимал такой восхитительный оборот.

— Я привез к тебе Дженни. Просыпайся, Дом!

Моргая, испытывая острое негодование, он повернул голову.

Комната наполнилась женским хихиканьем. Прежде чем он смог перевернуться на спину, на кровать рядом с ним упало теплое тело. И мягкая рука обернулась вокруг талии.

— Привет, дорогой, — проворковал ему на ухо горячий, пахнущий джином и табаком голос. — Мне сказали, что ты скучал по мне.

Рука скользнула между его грудью и постелью, юркнула в простыни, смявшиеся у его бедер, и схватила его мужественность со всей твердостью. Он вскочил с кровати с полузадушенным воплем, освободившись от ее руки.

Смех Ханта раздался в комнате.

— Полегче, Дженни. Дай ему время проснуться.

Доминик протер глаза, следя за темной фигурой своего друга, который прошел по комнате и открыл занавеси. Лунный свет замерцал в комнате.

— Хант? Какого дьявола ты тут вытворяешь?

— Я впустил сам себя.

Доминик нахмурился, ему придется поговорить с Адамсом. И где, черт его побери, этот обычно такой бдительный Фрэнк?

— Я принес тебе подарок. Я знал, что ты будешь рад снова увидеть Дженни.

Доминик внимательно рассмотрел женщину от ее напояженных губ до дешевого декадентского платья. Ее губы оказались достаточно пухлыми. Но был ли это тот рот, который он целовал?

Ухмыляясь, Дженни устроилась ближе к нему, выводя расширяющиеся круги по его татуированной груди и плечу, когда раздался стук в дверь.

— Ваша светлость, с вами всё в порядке? Я слышал какой — то звук...

Доминик застыл, когда его камердинер зашел в комнату. Их глаза встретились на расстоянии. По какой — то безумной причине он почувствовал себя мальчиком, пойманным на шалости.

Хант положил руки на бедра.

— А, вот пришел твой сторож, Дом.

Лицо Фрэнка покраснело, когда он увидел эту сцену.

— Простите за беспокойство, ваша светлость. Я оставлю вас в вашей... компании.

— Так же, как и я, — заявил Хант, пока он двигался к двери, черный плащ закружился вокруг него. — Ты будешь занят всю ночь, — он подмигнул через плечо. — И, возможно, завтра тоже, так ведь?

— Никаких возможно, — фыркнула Дженни.

Дверь закрылась за Хантом, и Доминик, Дженни и Фрэнк остались одни. Глаза Фрэнка непонятно блестели во мраке. Когда они посмотрели друг на друга, Доминик почувствовал покалывание в шее. Что — то странное промелькнуло в том взгляде.

Эту эмоцию герцог не мог понять. Грусть? Боль? Вероятно, просто странно то, что он вообще проявил какую — то эмоцию. К чему бы? Почему этот чертов камердинер вообще интересуется тем, чем занят его хозяин? Это было чертовски странно.

Потом, словно погасший огонь, эта эмоция исчезла, поглощенная пустым, темным взглядом. Фрэнк поспешно ушел из комнаты. Доминик несколько долгих мгновений смотрел на закрытую смежную дверь, еще долго после того, как Фрэнк ушел. Глубоко в его груди появилась тяжесть. Он не двигался, даже когда Дженни потерлась о него.

— Идите сюда, мой милый герцог. Лорд Хант сообщил мне, как вы хотели меня снова видеть.

Правда. Он думал о ней в течение нескольких дней. Отправился к Фатиме, чтобы найти ее. А теперь, когда она оказалась в его постели, он хотел, чтобы она ушла. Только в вызванном алкоголем безумии она могла настолько ему понравиться. Потому что пресыщенная девчонка в его объятиях вовсе его не возбуждала. Не так, как неделю назад. И никогда не будет.

Фэллон налила последний чайник, кивая, удовлетворившись облачками пара, которые струились над ванной. Ее руки дрожали, когда она поставила чайник на пол рядом с пустым ведром. Они так дрожали с тех пор, как она вышла из комнаты герцога. Тяжелая, сверлящая боль в груди также не ослабла. В последний раз оглянувшись через плечо на дверь, она сняла одежду, уверившись, что герцогу она не понадобится этой ночью. Ведь он был так занят. Она осторожно опустила ногу в воду, вздохнув от удовольствия. Блаженство. Это стоило того, что она таскала воду наверх — ну, не то, что бы за последнее время она не набралась опыта по подниманию ведер с водой. Скривив рот, она откинулась в медной ванне, скользя, полностью погрузилась в воду. Потянувшись, она вытерла воду с лица и стала тереть свои волосы, скрести голову, избавляясь от масляной помады, которую она наносила до того, как завязать волосы в узел.

Сделав это, она мыла все свое тело, пока оно не заблестело розовым. До этого она мылась в умывальнике в ванной комнате. Уронив губку, она издала еще один вздох удовольствия и снова опустилась, положив одну ногу на край ванны.

К счастью, из — за двери не было слышно никаких звуков. Она бы такого не вынесла. Слышать его с другой женщиной. Женщиной, с которой, по его мнению, он целовался неделю назад. С ней. И всё же картина того, что он в постели с Дженни, стояла перед глазами, мучая ее. Эта уличная девка обладала формами для двух таких же. А ее грудь... Фэллон фыркнула. Было просто смешно, думать, что их можно спутать. Без сомнения, Доминик прекрасно проводил с ней время. Ее грудь напряглась, и она потерла лицо мокрыми руками, словно могла убрать эти видения из своей головы и избавиться от режущей

боли в глазах.

Крепко закрыла глаза, но видения остались, переплетаясь и переворачиваясь, живя собственной жизнью. Она видела Доминика на большой кровати, целующего, занимающегося любовью... змеиная татуировка пульсирует, словно живая, в движении его тела, пока его крупные руки странствуют по податливой женской плоти. Только женщиной была не Дженни. Она изменилась. Стала Фэллон. Такой, какой она когда — то была. С длинными волосами, золотисто — красноватые пряди которых перепутались между собой. Она, а не Дженни, ласкала его грудь, исследуя кольца этой змеи на его плоти.

Она потерла ладонями закрытые глаза, сильно нажимая, но ничего не помогло. Видение осталось, прочно укоренившись, и развертывалось перед ней в ошеломительных подробностях. Ее лицо охватил жар, потом перешедший на тело.

Она совершенно ясно видела Доминика в своих мыслях. Его сильная рука опустилась на ее волосы, наматывая ее пряди на кулак, прижимая ее ближе, наклоняя ее для поцелуя. Поцелуя, который она прекрасно помнила. Поцелуя, который он давал другой, тогда как она думала о нем не лучшим образом. Она ударила рукой по водной глади, и капли усеяли ее лицо.

— Будь он неладен! Он что, был настолько изнурен, что не мог различить двух женщин?

Вскочив на ноги, она вышла из ванны, вода стекала по ее телу и собиралась в лужу у ее ног. Она схватила полотенце с ближайшего кресла. Ворча, она решительно вытиралась полотенцем.

Это казалось безумным, но она хотела пройти в другую комнату и лишиться его иллюзий. Пригласить себя в его постель. Не будь смешной, Фэллон. Пусть он утолит свое желание с другой. Она совсем не хотела связываться с порочным герцогом.

Ее руки замедлились, движения стали нежнее, менее грубыми. Глубоко вздохнув, она взяла себя в руки.

С ее теперешним жалованьем ей нужно продолжать этот фарс немного дольше. Самое большее, несколько месяцев. Потом она могла бы переехать за город. Подальше от шума, тумана, запаха. Она сможет сбежать от всего этого. Удалиться в деревню. Маленький коттедж. Вести простое, скромное существование. Она может обучать музыке или французскому, даже основам латыни. Всему, чему она научилась в Пенвиче. Это было сложно для нее, но она получила прекрасное образование. И потом, ведь ее отец что — то ей оставил. С ее знаниями по садоводству, она сможет выращивать и продавать цветы и овощи. Этого будет достаточно, что продержаться, с уверенностью думала она.

Она сможет вовсе позабыть о герцоге — демоне и сконцентрироваться на создании собственного дома. Это было всем, что она хотела. Всем, что имело для нее значение.

Ворча себе под нос, Доминик встал и надел свой халат, резко затянув пояс от злости.

— Прости, — проронил он, вовсе не испытывая сожаления. Его голос звучал зло. Он был зол. Но не на Дженни — девушка очень старалась вызвать его интерес.

Она протянул ей несколько банкнот.

— Вот. Возьми это.

Поднявшись с потели, она неспешно натянула платье, прежде чем схватить деньги, пересчитывая их перед ним с ужасной медлительностью. Ее хитрый, прищуренный взгляд скользнул по нему.

— А что полагается моей гордости? Вот уже второй раз вы отсылаете меня... — ее глаза еще раз оглядели его. — Неудовлетворенной.

Вместо того чтобы спорить, он протянул ей еще денег.

— Уверен, что есть еще приятные джентльмены, которые оценят по достоинству твоё очарование.

Её лицо расплылось в улыбке.

— Благодарю, милорд, — запрятав деньги в платье, она решительно покачала головой, осматривая его с ног до головы, как будто он был жеребцом, подлежащим оценке. — Но я нечасто встречала таких благородных, которые выглядят, как вы. Очень жаль, — она подошла ближе с заговорщическим видом. — Знаете, у меня есть подруга, она умеет лечить травами. У неё может быть лекарство от того, что вас беспокоит.

Он наморщил лоб.

— Беспокоит меня?

Дженни вытянула палец прямо в небо, а потом мягко опустила его — палец указывал на пол.

Доминик сдержал фыркание, забавляясь больше, чем нужно, над этим оскорблением его мужественности. Пусть лучше думает, что это его вина, а не её. Не было смысла указывать ей, что именно её кислое дыхание вызвало его отсутствие интереса.

— Спасибо за предложение, — проворчал он.

Кивнув, она вышла из комнаты.

Он покачал головой. Если не обращать внимания на несвежее дыхание, она была симпатичной девчонкой. Но не той женщиной, которую он целовал той ночью. И вот в этом — то и состояло его затруднение. Пройдя по комнате, он опустился в мягкое кресло у окна. И смотрел в ночь. Растущий месяц освещал решетчатую форму веток.

Тяжелая мгла висела в воздухе. Свет уличных фонарей старался преодолеть плотный туман. Он слышал цоканье копыт внизу и представил, как Дженни уезжает в одной из его карет с его позволения. Он ударился головой о спинку кресла один раз. Второй.

Твою мать! Что с ним такое? Он должен быть с Хантом в городе. Или наслаждаться постельными забавами с живой партнершей. Если не с Дженни, то с какой —нибудь другой. Вместо этого он чахнул, словно влюбленный дурак, желая женщину, которую он явно выдумал. Беспокойство, поразившее его за границей, преследовало его во множестве стран и довело его до дома, все еще не собиравшись исчезать. Как рука смерти, оно молча ползло среди ночи, доставая его даже теперь и не давая наслаждаться его обычными занятиями. Женщины, выпивка, карты. Больше его ничего не соблазняло.

Жаль, что Фрэнк зашел сюда. Теперь парень отправился спать, думая, что Доминик снова встал на стезю порока. Юный молокосос смотрел так разочарованно, что герцог почти хотел постучать в его дверь и исправить недоразумение. Его губы сжались в тонкую линию, и он крепко схватил руками спинку кресла. Почти. Ему было наплевать на то, что о нем думал этот желторотый юнец. Ему было наплевать.

Он забарабанил пальцами по обивке ручки кресла, его взгляд метнулся к двери, к тонкому лучику света, показавшемуся из — под нее. Оторвав взгляд двери, он осмотрел комнату, остановившись на почти пустом графине с бренди.

С приглушенным проклятием он поднялся на ноги, схватил графин и направился к двери. Ясно, что юный камердинер еще не спит. Почему бы этим не воспользоваться?

— Фрэнк, — позвал он, резко, со злостью распахнув дверь и закрыв ее на задвижку, говоря себе, что только попросит еще бренди. А не потому, что ему не всё равно, что этот юный педант о нем думает.

Открыв дверь, он зашел в маленькую комнату, взглядом охватил полутемное помещение и открыл рот, чтобы заговорить.

Мягкое сияние света лампы освещало комнату, охватывая ее мягкой дымкой. Потом он понял, что дымка появилась потому, что в воздухе был пар. Пар, поднимавшийся из медной ванны в углу комнаты. Его взгляд опустился на ванну... потом перешел на фигуру, стоявшую рядом — женщину, которая застыла, как одна из тех мраморных статуй в Вэйфилдском парке. Что — то застыло в нем самом. Они смотрели друг на друга бесконечно долго, глядя, словно враги, вышедшие друг против друга на поле битвы. Она прижимала полотенце к обнаженному телу. Ее глаза широко открылись, огромные и испуганные, как у животного, пойманного хищником.

Графин выскользнул из его пальцев, но он почти не заметил глухого удара. Его взгляд пировал на ее влажной плоти, тянулся к ней. Мокрое полотенце почти не скрывало всю эту розовую, блестящую кожу, — длинные ноги... удивительно красивые длинные ноги. Таких длинных ног он не встречал у женщин. Его взгляд перешел вверх, скользя по длинным линиям и мягким округлостям, пока он не посмотрел пылливо на ее лицо.

Правда ударила его яркой вспышкой, словно ударом кулака в грудь выбив воздух из легких.

Его сердце сильно забилося, кровь бежала по венам в жарком горении. Воздух зашипел, пока он старался проглотить ком в горле. Странно, но он чувствовал себя бодрствующим и живее, чем за многие годы... с тех пор, как он превратился в мертвую оболочку человека... живя только в жаре женщины или тогда, когда он погружался в рисование. В цвета, в летящий мазок кисти на холсте.

Он чувствовал себя живым, просто глядя на нее. Пробужденным.

Глядя на ее лицо, — женщины, которую он не встречал, но знал, — он осознал удивительную правду. Он целовал эту женщину. Это она наполняла его мысли всю неделю. А вовсе не плод его воображения. Не желанная мысль. А женщина из плоти и крови. Она была настоящей. И она была здесь. И она вовсе не «он». Она была Фрэнком. И этот факт вовсе не шокировал его так, как должен. Странно, но всё сходилось. Имело смысл. И даже больше смысла, чем его одержимость тем, одобряет ли его этот камердинер — молокосос. Все его презрение и высокомерные взгляды обрели смысл. Как это по — женски.

Его охватила ярость, угрожая вылиться и уничтожить всё на своём пути. Включая женщину с огромными глазами перед ним.

Особенно ее.

Его руки пошевелились. Он мельком посмотрел на пол и на графин для бренди. Остатки напитка вылились на ковер, так же, как последняя капля его контроля испарилась, быстро исчезая в струйке дыма. Исчезнув. Так же, как остатки его сдержанности.

— Фрэнк? — проговорил он, его разум старался осознать то, что его глаза уже охватили... что, вероятно, он знал всё это время, глубоко внутри.

Он подошел ближе, босые ноги скользили по ковру, пока она раздумывал, почему не осознал правду раньше. Почему не видел ее? Он оглядел ее. Несмотря на то, что она была высокой, она неоспоримо выглядела женственной. Ее рот шевелился, но не слышалось ни звука.

— Фрэнк, — повторил он, его голос был также тверд, как закаленное стекло.

Она покачала головой. Упрямая девчонка.

— Но тогда я полагаю, что это не твое настоящее имя, не так ли? — он еще раз подвергнул ее полному, унижающему осмотру, его взгляд привлекли плохо прикрытые груди. Маленькие, но дерзкие.

Ее взгляд метнулся то вправо, то влево, словно стараясь найти способ убежать. Облизнув губы, она наконец заговорила:

— Как вы смеете сюда вламываться? Даже слуга имеет право на некоторое уединение.

— В самом деле, — он поднял голову и направился к ней. — Особенно, если этому слуге есть, что скрывать.

Лицо его напрялось, когда он подошел ближе. Она покачала головой в отчаянном отрицании, ее мокрые волосы рассыпались и заскользили по гладким, округлым плечам. Мускулистым плечам. Результат жизни рабочего класса. Он снова оглядел ее тело и моргнул, отвлекшись. Ни одна из его знакомых леди не могла похвастаться таким прекрасным, сильным телом. Эта женщина была создана для удовольствия, для того чтобы принимать мужчину глубоко в себя.

Он отбросил эту мысль прочь. Вероятно, он не смог понять, что она женщина, потому что не встречал еще таких женщин.

— Это совсем не так, — пылко отрицала она. — Я...

— Да, так и есть, — он медленно кивнул. — Перестань отрицать. Ты просто злишься потому, что я поймал тебя на этой шараде.

Теперь он понимал, почему всегда испытывал какое — то беспокойство в ее присутствии. В особенности потому, что раньше он не замечал никого из своих слуг. Никого, кроме нее.

Она перестала отступать, прислонившись спиной к стене. Подняла руку, словно только это могло отдалить его.

Он скривил губы в дикой ухмылке. Злость горела в его крови. Темная и опасная. Он положил руки на стену по обе стороны от ее головы. От ее тела исходило влажное тепло, притягивая его. Потянувшись, она положила руку на его грудь, явно считая, что это его остановит.

Блестящий жар засверкал там, где они коснулись друг друга. Ее глаза расширились почти на одном уровне с его взглядом. Но она не отступила. Не так, как должно. Что — то удерживало ее руку там; обладая волей, которая равнялась его собственной, она решительно желала показать, что контролирует всё именно она. Темное желание расцвело в нем. Примитивное и жестокое, как у животного, желание захватить и победить то, что он желал.

Он рассматривал коричневые глубины ее глаз, теперь в самом деле видя их. Янтарный

оттенок сиял, как огонь. Он прочел ярость, которая содержалась там в ловушке, как и она сама. И что — то еще появилось здесь. Понимание своего поражения.

Он медленно улыбнулся. Опустил голову, потершись своей щекой о ее мягкую щечку. Ее задержанное дыхание вырвалось возле его уха, и глубокое удовлетворение охватило его.

Он дунул прямо в ее ушко.

— Игра окончена. Время платить волынщику.

Она сильно толкнула его в грудь, крепче и сильнее, чем, по его мнению, была способна женщина. Он отступил. Она пробежала мимо него так же быстро, как заяц.

Он бросился вперед с рычанием: хищник вырвался на свободу. Он поймал ее перед самой дверью. Его пальцы запутались в ее волосах. Она вскрикнула.

Рывком он подтянул ее к себе, ее спина стукнулась о его грудь. Отпустив ее волосы, он обхватил ее руками, скользя пальцами по мягкой плоти горла, проходя по изящной линии ее скулы, пока не схватил ее за плечо и не развернул.

Внезапно, он осознал, что полотенце пропало в процессе ее глупой попытки сбежать. Ее грудь поднималась в такт тяжелым вздохам, и он остро сознавал, как ее соски становились твердыми вершинками, прижимаясь к нему. Ее щеки заалели.

— Мы закончим то, что начали той ночью?

Ее глаза расширились.

— О, да, — прорычал он, грубо кивая головой. — Это была ты. Не думай, что я не знаю этого.

— Мое полотенце, — выдавила она, глядя в сторону, туда, где данное полотенце лежало бесформенной грудой на полу.

Он пожал плечами.

— Хорошее место для него.

Ее глаза засверкали от возмущения, расширились от шока, когда он затвердел и напрягся, прижимаясь к ней. Колеблющимся движением он толкнулся в теплую развилку меж ее бедер.

— Негодяй! — ее голая пятка ударила по его ноге.

— Проклятая амазонка, — выругался он, отпрыгнув назад, всё еще держа ее руку.

Она боролась, пытаясь достать полотенце на полу.

Быстро изогнувшись, он сам поднял полотенце. Всё еще не отпуская ее руку.

— Ублюдок, — прошипела она. — Отдай его сюда! Разве у тебя там не лежит подружка, готовая порезвиться с тобой голышом? Зачем тебе я?

— Я отослал ее домой, — его взгляд опустился на ее тело. Дрожа от ярости, он вдруг представил, как эти груди будут свисать над ним, трепеща от его движений внутри нее. Его рот пересох, и, внезапно, ее наказание стало его мукой. Эти небольшие идеальные груди с высокими сосками, розовыми, как свежесобранная малина, манили его. Так, что он не увидел приближение ее кулака.

В его правом глазу взорвалась боль.

Отпустив ее, он накрыл глаз.

— Ты, черт побери, ударила меня!

Она не ответила, просто проворчала, пытаясь забрать полотенце.

Опустив руку от ноющего глаза, он поднял полотенце высоко и обвил рукой ее за талию, прижимая ее к себе. Всё еще пытаясь забрать полотенце, она прыгала, а ее соски терлись о его грудь.

Он прижал ее еще ближе.

Ее глаза встретились с его взглядом. Она перестала двигаться. Казалось, что она на самом деле перестала дышать.

Его взгляд осмотрел ее лицо, видя ее, принимая ее. Это был Фрэнк в течение дней, недель. Фрэнк. Его гнев вернулся, снова разгоревшись при этом напоминании.

— Ты хорошо посмеялась? — он крепче сжал ее талию. Удивительно тонкую для женщины ее размеров.

— Как не удивительно, но не всё вертится вокруг вашей персоны, — она была неподвижна, как камень в его объятиях. И все же она была мягкой и теплой, как любая женщина, а ее соски обжигали его грудь. Жар, поднимающийся из развилки ее бедер, находящийся почти на идеальном уровне с его пульсирующим членом.

Он проникновенно смотрел ей в лицо, его взгляд скользил по сильным скулам, крепкому носу, полному рту. Не несравненная красавица. У нее не было тех мелких черточек и изящных косточек, которые были атрибутом красивой женщины, по крайней мере, по светским стандартам, но она была не менее захватывающая.

— Ну тогда почему ты так поступила?

Ее губы сжались в молчаливом бунте.

— Скажи мне, — потребовал он, решив узнать правду. — Говори, — он запнулся, чуть не сказав «Фрэнк». Но из — за этого его кровь стала горячее.

Она выдохнула теплый поток.

— Это я. Я собиралась сохранить свое место дольше, чем на две недели.

— И тебе нужно было жить, как мужчина, чтобы этого добиться?

— Очевидно, — огрызнулась она, снова начав бороться. — Иначе я рисковала тем, что ко мне бы пристали, — ее пылкий взгляд перешел на его глаза, в них горело горячее обвинение, словно угли. — Как сейчас.

— Я не пристаю к женщинам, которые находятся у меня в услужении.

— Но теперь вы это делаете! И как женщина у вас в услужении, я бы полностью подчинилась бы вашим желаниям.

— А ты женщина? Я не уверен, — огрызнулся он, хотя его кровь загустела от ощущения ее так интимно близко. Определенно женщина.

Огонь зажег ее щеки, а ее глаза сияли даже более ярким янтарем, словно пламя, пойманное в ловушку полированного стекла и пытающееся выбраться. И, Господи помоги ему, он этого тоже желал.

— Вы чертовски хорошо знаете, что я — женщина. Теперь, отпустите меня.

Даже в ярости, что — то шевельнулось внутри него. Тихое волнение от ее дерзости, смелости, которая заставили ее пойти на такой обман, а теперь говорить с ним в такой манере и — чего не решался сделать ни один мужчина — ударить его по лицу.

— И что мне с тобой делать, с такой обманщицей?

— Пошлите за констеблем. Я уверена, что это именно то, чего вы хотите.

Он приподнял бровь.

— И почему ты так уверена?

— Потому что именно это сделали бы джентльмены, Ваша Светлость, — его титул она произнесла, как ругательство. — Давить и обижать тех, кто ниже их.

Доминик дернулся, словно от удара. Снова.

— Ты тут совершила недозволенное.

Она покачала головой, как будто не слыша его.

— Чего вы ждете? Закончим это.

Идиот заметил бы горечь в ее словах.

— Что с тобой произошло? — он посмотрел на ее подстриженные волосы. — Какой — то благородный лорд переступил недозволенную черту?

Пока он задавал этот вопрос, то странное напряжение охватило его горло при этой мысли, и он знал абсолютно точно, что если это было так, то он найдет этого человека и убьет.

Небольшие пятна цвета проявились на ее лице.

— Нет! — это слово сорвалось с ее губ, как будто подобное было совершенно невозможно. — Разве я похожа на женщину, которой воспользовался мужчина? Я вовсе не игрушка. Я же воспротивилась очарованию ваших сетей, не так ли?

Он моргнул и слегка покачал головой.

— Я думал, что ты — мужчина. Я никогда не предлагал тебе...

— Ой, мы раньше встречались, — ее слова вонзились в него. Она приподняла бровь, словно ожидая, пока он вспомнит.

Он долгую минуту смотрел на нее, рассматривая черты ее лица, римский нос, полный рот, гордые, высоко поставленные брови. И ее волосы. Чертовы волосы. Хотя они всё еще были мокрыми, несколько сухих прядок обрамляли лицо.

Этот цвет испанского заката. Даже в слабо освещенной комнате, эти пряди сияли как огонь — великое множество красного и золотого. Воспоминание о поездке в экипаже вместе с Фэллон О'Рурк нахлынуло на него. И портрет этой женщины находился двумя дверями далее. А она неделями находилась прямо у него под носом!

— Ты, — выдохнул он. — Я привез тебя в Дэвентри — отель. — Вместо того чтобы испытать удовольствие от того, что он снова с ней встретился, чувство того, что его предали, только усилилось. — По крайней мере, теперь у тебя больше мяса на лице.

— В самом деле, — кратко ответила она, напомнив ему о Фрэнке. У него стал комок в горле. — Я так тебя оскорбил, что ты решила одурачить меня этой маленькой шарадой?

— Меня прислало агентство. Мне нужна была работа. Это не было личным.

— Нет? — обхватил ладонью ее талию, скользнув по одной гладкой, округлой и твердой половинке. — Мне кажется, что это — очень личное.

Она зашипела сквозь стиснутые зубы.

— Перестаньте.

Темные зрачки ее глаз расширились, пока он ласкал ее теплую плоть. Он узнавал желание, когда видел его. Она знала, когда женщина ускользала в то место, где она едва могла вспомнить своё собственное имя.

Он отпустил ее зад и пальцами обхватил ее бедро, его прикосновение было мягким, словно перышко, скользнул вверх, ища ее жар. Ее плоть задрожала под его рукой. Он нежно дразнил мягкую кожу внутренней стороны бедра. Она опустилась на его руки, и он сильнее обхватил ее за талию, чтобы не дать ей упасть.

Ее бедра раскрылись для него.

— Вот так, — прошептал он, двигаясь по эластичным, мягким кудряшкам. Он простонал, когда его пальцы оказались во влажном жаре. Никогда он не чувствовал такую готовность женщины. Более желающей. Ее глаза закрылись, и он сдавил ее в своих объятиях, проводя пальцами по ее сердцевине. — Смотри на меня, — приказал он.

Широко раскрытыми глазами она смотрела ему в глаза, пока он с ней играл, найдя крохотную пуговку, потирая и сжимая, пока она жарко не застонала ему на ухо. Он вошел в нее пальцем. Ее скользкий канал крепко сжался вокруг него. Он прижал свой палец к той пуговке, перекатывая ее, пока он входил и выходил из нее, проникая глубоко, отчего его член заныл, стремясь освободиться, желая почувствовать ее обжигающее тепло вокруг себя. Чтобы поставить на нее свою печать.

Фэллон содрогнулась и вскрикнула, ее бедра напряглись вокруг его руки. Желая присоединиться к ней в экстазе, он поднес руку к передней части своих брюк, уверенный, что она окажется на спине под ним через несколько мгновений. Он не мог придумать более подходящего наказания, чем услышать, как она выкрикивает его имя в удовольствии.

Вот только это подтвердит ее правоту. И Доминик станет таким же скверным, как и другие аристократы, с которыми она его сравнивала.

Ее слова преследовали его. И как женщина у вас в услужении, я бы полностью подчинилась бы вашим желаниям.

Он с проклятием отпустил ее.

Она почти упала, так внезапно оказавшись на воле. Отступив назад, она натолкнулась на небольшую кровать. Мгновение он позволил себе насладиться видом ее обнаженного тела, длинными ногами, великолепным треугольником рыжеватого — коричневых волос у нее между ног, к которому он прикасался всего несколько секунд назад... которого он жаждал коснуться вновь.

Он так горел в желании обладать ею, взять ее. Но он этого не сделает. Не потому что он был добр, или хорош, или, к черту эту мысль, джентльменом. Он совсем не был таким. И не собирался таким стать.

— Пожалуйста, — прорычал он.

Она покачала головой, явно испытывая замешательство.

— Я бы сказал, что теперь твое высказывание о том, что «все аристократы пользуются теми, кто стоит ниже их», ничего не стоит. Я ничего у тебя не украл. А только дал, — он осмотрел ее совершенно спокойным взглядом, пытаясь проигнорировать ее покрасневшую кожу или слишком яркие глаза... или агонию, которая разрывала его неудовлетворенное тело. — И оставил тебя очень даже удовлетворенной.

Ее рот открылся, лицо побелело. Она пыталась скрыть руками свое обнаженное тело.

Сложив их на груди, и крепко сжав бедра в защитном жесте, она подняла свой небольшой, квадратный подбородок.

— Что теперь? Как вы со мной поступите?

Он знал, о чем она подумала. И что, вероятно, ему стоило бы сделать. Явно, что другие мужчины в его положении позвали бы констебля. То, что она изображала мужчину и исполняла роль герцогского камердинера, определенно требовало наказания.

— Что мне с тобой сделать? — он неспешно скользнул по ней взглядом, избавляясь от мыслей о том, что он был бы рад с ней сделать... все его основные инстинкты требовали так поступить.

— Утром меня уже не будет.

— Очень хорошо, — он кивнул и прошел к двери.

Это будет к лучшему. Зачем ему обманщица в доме? И ему не нужна была женщина, которой он так страстно желал овладеть. Женщина, которая не хотела иметь с ним ничего общего.

Фэллон вскочила, услышав стук в дверь. Этой ночью она не сомкнула глаз, слишком волнуясь из — за герцога, спящего в соседней комнате за открытой дверью. Не то, чтобы она боялась изнасилования. Если он этого хотел, то у него была возможность это сделать. Ее щеки запылали, когда она вспомнила свой горячий ответ ему. Желание провести пальцами по его татуировке. Отдать себя без остатка.

Прижимая свернутую рубашку к груди, она смотрела на дверь, ожидая, что та распахнется и он ворвется, начнет бушевать в этой маленькой комнате, как прошлой ночью.

Вместо этого его голос донесся из — за плотно закрытой двери.

— Пять минут. Мой кабинет.

И ничего больше. Этот приказ ее рассердил. Повернувшись, она кинула рубашку в чемодан, даже не подумав, что ее надо аккуратно сложить.

Ему не следует говорить с ней в такой манере. Горячий выдох слетел с ее губ. С прошлой ночи она не его служанка.

Однако когда раскрылся обман, он не прогнал ее в ночь. И при этом он не вызвал констебля. Она полагала, что это заслуживает немного благодарности. Джентльмен в его положении «мог» это сделать. Это соответствовало тому, что она знала о сверхпривилегированной знати.

Качнув головой, она осмотрела комнату, удостовераясь, что ничего не забыла. Она фыркнула, едва ли стоит об этом беспокоиться. Со времени прибытия в Пенвич, ей ничего не принадлежало, кроме одежды.

Сжав ручку чемодана, она вышла из комнаты с высоко поднятой головой, готовая к взгляду любого оказавшегося рядом слуги.

Она уедет после того, как он скажет то, что должен. Она сомневалась, что это займет много времени. Что еще можно сказать после прошлой ночи?

Идя по коридору, она разглаживала складки на последнем приличном платье — том самом синем, что она носила, когда повстречала в парке Маргарит, единственное платье, которым она дорожила.

Несколько мгновений спустя она стояла перед кабинетом герцога, благодаря Бога, что не повстречала слуг. Она смогла избежать их всех, то есть избежать неловкости. Они были добры к ней, как никто. Раскрытие обмана принесло бы ей немалый позор.

Пригладив волосы, которые ей удалось собрать в пучок, она постучалась в дверь.

— Войдите.

Приосанившись, она вошла в комнату, до боли сжимая ручку чемодана. Стрнно, ей казалось, что она вернулась в Пенвич, в кабинет мастера Брокхёрста, для наказания по требованию директрисы, полученное из — за ее дерзости.

Глубоко вдохнув, она напомнила себе, что она больше не та девочка и никто не имел права избить ее. Ни тогда. Ни сейчас.

Он поднял взгляд от стола, на его лицо стоило посмотреть. Бумаги, которые он изучал, были разложены перед ним. Это был первый раз, когда она видела его занятым делом, а не гоняющимся за пороком или отдыхом. А вид ее нерешенного будущего, изменил ее мнение о нем. Так или иначе, проявилась и его трудолюбивая и приличная сторона, он не распутник, как она сначала решила.

Он немного помолчал. Его дымчато — синие глаза медленно и оценивающе оглядели ее. Ее мысли вернулись к прошлой ночи, когда она стояла перед ним обнаженная. Кровь прилила к щекам. Как получается, что, даже одетая в свое потертое платье, перед ним она чувствует себя голой?

Это все из — за него. Подлец до глубины души, он знал, как смутить женщину одним взглядом.

Вовремя опомнившись, она пыталась не волноваться. Выпрямившись, она вымучила: — Да?

Он откинулся на спинку стула.

— Платье подходит вам. Теперь я вспоминаю, что заставило меня пытаться обольстить вас той ночью.

Ее щеки еще больше покраснели из — за его непонятливости.

— Ваше непристойное поведение той ночью, было соблазнением? — она фыркнула. — Теперь я не боюсь, что когда — нибудь уступлю вам.

Что — то вспыхнуло в его глазах серым светом, его глаза мерцали, как только что отполированная посуда. — У меня есть доказательства, что вы не неуязвимы. Мне предъявить их?

Дрожь пробежала по ее спине.

— Конечно, нет.

Повторение прошлой ночи было последнее, в чем она нуждалась. Даже перед ее униженной капитуляцией, все это время, что она была его камердинером она не была защищена от него.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

А с мерцанием вернулся и холодный герцог.

— Жаль, что ты подстригла волосы, — заметил он. — они были весьма красивы.

Она застенчиво поднесла руку к волосам. Несмотря на тщеславие, пострадавшее при его замечании, она все еще жалела о своих волосах. Пожелав, чтобы он все еще считал их прекрасными.

Его пристальный взгляд переместился на чемодан.

— Куда — то собираетесь?

— Я думала, это очевидно.

Она объявила о своем намерении уехать прошлой ночью, и тогда ей казалось, что он полностью с этим согласен.

Он пожал плечами.

— Ну, ладно. Возможно, это лишняя мера.

Несомненно, она неправильно его поняла, и слегка качнула головой:

— Прошу прощения?

— Вы образованная леди, — объявил он, как видно, не в тему.

Она моргнула, удивленная этим неожиданным утверждением.

— Да. — Это то единственное, за что она могла поблагодарить мастера Брокхёрста. — Мой отец умер, когда мне было тринадцать лет. Меня послали в школу для добродетельных девочек в Пенвике.

— Понимаю, — кивнул он, указывая на нее. — И теперь вы подходяще одеты и можете быть прекрасным дополнением к дому.

Она облизнула губы.

— Что вы сказали?

Его рот искривился. Он свел вместе кончики пальцев и некоторое время изучал ее.

— Вы можете остаться здесь.

Она, насторожившись, пристально смотрела на него.

— Почему вы этого хотите?

Он выгнул бровь.

— Вы во мне сомневаетесь? Я думал, вы будите счастливы остаться на этом месте.

— За все надо платить, — это она поняла много лет назад.

— Вот это да, такая пресытившаяся в столь юном возрасте.

— Почему вы позволили остаться здесь? — она крепко сжала ручку чемодана.

Откинувшись назад, он положил руки за голову, смотря на нее полузакрытыми глазами.

— Как вы утверждаете, вы желаете только заработать на жизнь, что вы и неудачно пытались сделать в прошлом, — он пожал плечами, словно не верил в это. Волна негодования поднялась у нее внутри. — Я дам вам шанс, вы можете остаться. Как женщина. В любой должности, которую мистер Адамс сочтет подходящей. В этом я полностью на него полагаюсь.

Она пристально смотрела в лицо, которое стало таким близким... и страстно желала суметь отказать ему. Ее гордость требовала отклонить это предложение и выйти из комнаты. Но логика сдерживала этот порыв. И самосохранение. Всегда чувство самосохранения было главным, вело ее, а с гордостью у нее было бы чувство голода и сточная канава.

— Согласны? — спросил он, приподняв бровь, чем всегда сводил ее с ума.

Она слегка кинула, сомневаясь, не заключила ли она сделку с дьяволом.

Он тоже кивнул.

— Вам следует знать, что не все джентльмены бесчестны, как считаете вы.

— О, — услышала она свое бормотание прежде, чем успел подумать. — Теперь вы утверждаете, что у вас есть честь? Я думала, вы избегаете столь высоких идеалов, наслаждаясь ролью распутника.

— Не позволю никому говорить, что я совратил женщину... особенно мою служанку. Под моей крышей вы будете в полной безопасности, не беспокойтесь на этот счет, — его глаза мерцали, губы скривились в усмешке. — Вчерашний вечер служит тому доказательством, — его пальцы поднялись ко рту, лениво поглаживая верхнюю губу... и она вспомнила те удивительно распутные пальцы на ней. В ней. Человек, превратившийся в ужасное чудовище.

— В безопасности от вас? Как необычно, — она потрясла головой, короткие волосы щекотали шею. — Прошлой ночью я этого не чувствовала. — Нет. Она испытывала множество эмоций. В первую очередь, желание. Но не было ощущения безопасности.

— Ваша добродетель не тронута.

— Вы, — смущение сжигало ее щеки, — трогали меня, — она обсуждала это? С ним?

— Я сделал даже больше, — насмешка исчезла. Губы превратились в линию, которая прекрасно гармонировала со стальным взглядом. — Но больше это не повторится.

— Как я могу быть уверена? Как я могу быть уверена в ваших намерениях.

Одним резким движением, он поднялся на ноги. Его челюсть стала твердой, как стол. Ее сердце бешено стучало, поскольку он прислонился к нему, пересекающему его ноги в лодыжках. — Вы слишком много думаете о себе. Знаете, вы не настолько неотразимы. И я всегда был равнодушен к амазонкам.

Кровь прилила к ее лицу. Она воздержалась от язвительных комментариев, которые были уже на языке. Все это время она хотела, чтобы оставил ее слугой в доме. Она должна надеяться, что он найдет ее непривлекательной.

— Превосходно, тогда, — оживилась она, — я буду счастлива остаться. Спасибо ваша светлость. Я сообщу мистеру Адамсу.

Повернувшись, она вышла из комнаты, задаваясь вопросом, неужели чувство в ее груди — это сожаление.

Прошлой ночью, когда он держал ее в руках, она решила, что он желает ее. Предполагала, что он желает ее больше, чем любую другую женщину. Независимо, сколько женщин было до нее, его чувство к ней было особенным. А там осталась его сила... способность обольстить все, что в юбке.

Но не ее.

Не меня, ради Бога.

Не имеет значения, каким неотразимым она нашло его, она сопротивлялась бы. Да. Она не попала бы в его сети. Она слишком много лет избегала ловушек мужчин. Она не попадется и теперь.

Фэллон резко остановилась на верхних ступенях крыльца и уставилась на маленькую фигурку, мешавшую ей спуститься. Свой выходной она намеревалась провести с Маргарит, рассказать ей обо всем, что случилось, ну, почти обо всем. Но вид маленьких худеньких плеч, дрожащих от слез, остановил девушку на полпути. Внезапно ее желание освободиться от нескромных перешептываний и пересудов всех в доме исчезло.

Наклонившись, она рассмотрела чумазую мордашку паренька, которому было на вид не больше десяти лет. Слезы оставляли блестящие дорожки на щеках, давно не видевших хорошего мыла. Точно один из герцогских беспризорников.

Спустившись на ступеньку ниже, она пристроилась на крыльце рядом с мальчиком, тщательно расправила юбку своего платья, и оперлась плечом о железные перила.

— Не возражаешь, если я посижу здесь немного?

Он изумленно глянул на нее и, громко шмыгая, вытер нос рукавом. Несколько минут они молча сидели бок о бок, и только крики уличных торговцев на площади нарушали тишину.

Паренек продолжал тайком бросать на нее взгляды, стараясь не поворачивать головы и не смотреть Фэллон прямо в лицо.

— Вы — та, о ком они все говорят.

Она приподняла бровь при его резком заявлении, ее пальцы сжали сумку сильнее. Одно дело подозревать, что ты являешься предметом сплетен, другое — знать.

— Я?

Он кивнул.

— Вы та, которая думает, что она мужчина.

Рот Фэллон немного искривился.

— Я не думаю, что я мужчина.

— Но вы одевались как мужчина.

— Ага.

— И позволили все думать, что это так.

Она вздрогнула и кивнула один раз.

— Почему?

Ее руки сжались вокруг коленей.

— Думаю, мне это казалось легче, чем быть ... хорошо ... собой.

Он снова кивнул, не по — детски серьезно.

— Я бы хотел не быть собой.

— Почему ты так говоришь?

— Сегодня меня должны продать, — зло ответил он, свирепо глядя перед собой.

— Продать? — Фэллон покачала головой. — Нет, не может быть.

— Да, высокий хозяин уже нашел для меня место, — он сделал некрасивый жест. — Но я знаю, что это значит.

— И что же?

— Он чертовски хорошо продаст меня. Как мой дядя продал меня работному дому, когда умерла мамка. Я ни за что не вернусь туда снова. Лучше пойду на улицу.

Фэллон нахмурилась.

— Могу заверить тебя, что Его Светлость не намеревается продавать тебя.

Мальчик мятежно выпятил нижнюю губу.

— Откуда вы знаете? Вы знаете его?

Фэллон мгновение подумала перед ответом.

— Да. Я знаю его достаточно хорошо, — и девушка задумалась над своими словами. Ее щеки вспыхнули, когда она вспомнила, насколько хорошо он узнал ее. Она не видела герцога утром в его кабинете, но мысли о Доминике не оставляли ее... так же, как и воспоминания о тех волшебных руках, ласкавших ее тело.

Под выжидающий пристальный взгляд мальчика она прочистила горло и уточнила, пытаясь уверить его в своих словах, что было ему очень необходимо.

— Его Светлость никогда не продал бы тебя. Он — хороший человек. Добрый.

— В самом деле?

Под его вибрирующий голос она поднялась на ноги, вцепившись одной рукой в стальные перила, обрамлявшие ступеньки. Доминик стоял в дверном проеме, внимательно изучая ее. Как долго он там был?

— Хороший человек, говорите? Добрый? Как интересно услышать это от вас.

Мальчик бросал тревожные взгляды на Фэллон и герцога.

— Ерунда, — с нажимом сказала Фэллон, многозначительно глядя на Доминика. — Я только уверяла вашего молодого протеже, что вы не такой уж страшный.

— А, — он спустился на несколько ступеней. — Достаточно хороший, чтобы проводить тебя в твой новый дом, — он взъерошил пшеничные волосы паренька. — Что скажешь на это, Энди? Готов?

Лицо паренька побледнело, он умоляюще посмотрел на Фэллон. Придвинувшись достаточно близко, он ухватился своей ручкой за ее ладонь. Герцог довольно долго и пристально смотрел на них изучающим взглядом, отмечая близость мальчика и девушки.

— Может, вы хотели бы присоединиться к нам, мисс О'Рурк? После того, как мы устроим юного Энди, я могу отвезти вас, куда пожелаете, — его пронизывающий взгляд скользил по ней. — Конечно, если у вас нет планов на вторую половину дня.

— Нет, я поеду, — тихо сказала девушка, согласно кивнув, хотя совсем недавно не хотела проводить время с герцогом. Она поклялась избегать его, доказать не только себе, но и ему, что она могла быть образцовой служанкой, которая выполняла бы свои обязанности, привлекая так мало внимания, насколько это возможно. Что она не была той дурочкой, женщиной сгорающей от сильного желания к своему работодателю, к тому, кто выше ее по рангу. Она знала свое место в мире. И оно не было с ним.

***

Доминик открыто смотрел на женщину напротив него. Женщину. Это все еще злило его. Облаченная в свое серо — синее платье, она никак не давала ему привыкнуть к тому, что она — Фрэнк — его жестокоглазый камердинер с дерзким языком, одобрение которого он, что так нелогично, искал. Жестокие глаза все еще были на месте. Как и смелость... но ее она пыталась скрыть за видимым смирением.

Мальчик сидел рядом с девушкой, посылая Доминику убийственные взгляды. Конечно, предположил он. Конечно, предположил Доминик, что хотя он и спас мальчика от избиения, но, вероятно, ни один человек не вызывал у Энди доверия.

Но мальчик доверился Фэллон, интересно. Он случайно услышал их разговор. Нет, он

бесстыдно подслушивал, когда обнаружил ее, сидящей на крыльце с пареньком. Ее сострадание удивило его. Почти так же, как ее поддержка. И почему она тратит впустую свой выходной на какого — то уличного проходимца?

В ответ на неотрывный взгляд Доминика, мальчик высунул язык и обернул свою тонкую ручку — косточку — вокруг руки Фэллон.

Она выглядела пораженной на мгновение, и Доминик ждал, прикусив губу, готовый увидеть, как она убирает грязную лапу пострела, крепко сжавшую рукав ее платья.

Вместо этого она расслабилась и обхватила его руку своей. Ее длинные изящные пальцы вокруг его тонкой руки, ее блестящие, чистые ногти резко контрастировали с его, покрытыми грязью.

Доминик открыто смотрел на женщину напротив него. Женщину. Это все еще злило его. Облаченная в свое серо — синее платье, он с трудом привыкал, что она — Фрэнк — его жестокоглазый камердинер с дерзким языком, одобрение которого он, нелогично, искал. Жестокие глаза все еще были там. Как была и смелость... но ее она пыталась скрыть за видимым смирением.

Мальчик сидел ближе к ней, стреляя в Доминика сузившимися глазами. Конечно, предположил он. В конце концов, Доминик спас его от избиения. Вероятно, каждый человек вызывал у мальчика недоверие.

Но Энди доверился Фэллон, интересно. Он случайно услышал их разговор, нет, он бесстыдно подслушивал, когда обнаружил ее, сидящей с ним на крыльце. Ее сострадание удивило его. Почти столько же, как ее поддержка. И почему она тратит впустую свой выходной на какого — то уличного проходимца?

В ответ на непрерывный взгляд Доминика, мальчик высунул язык и обернул свою косточку — тонкую ручку — вокруг руки Фэллон.

Она выглядела пораженной на мгновение, и он ждал, прикусив губу, готовый увидеть, как она убирает грязную лапу пострела, крепко сжавшую рукав ее платья.

Вместо этого она расслабилась на своем месте и обхватила его руку своей собственной. Ее длинные изящные пальцы вокруг его тонкой руки, ее блестящие, чистые ногти резко контрастировали рядом с его, покрытыми грязью.

Что — то шевельнулось в его груди, и он резко отвернулся, отводя взгляд, раздраженно глядя на собранные занавески. Проклятье. Она обладала нежным сердцем. Не особенно приятное известие. Дай только шанс, и волки не будут против получить такой лакомый кусочек, как она. И разве ты не самый большой волк (Wolf в значении бабник, развратник, похотливый мужчина, донжуан, распутник, — прим. перевод.) из всех?

Гримасничая, он раздвинул занавески, так как экипаж замедлял ход. Давно пора. — Это — здесь?

Кивнув, он вышел из экипажа. Развернувшись, он помог вылезти Фэллон, его руки задержались на ее талии дольше, чем было необходимо. Ее щеки порозовели, но она не поднимала на него глаз. Она избегала его пристального взгляда. Конечно, не хотела признавать искру связи между ними. Искры, которой, он начинал подозревать, нельзя было избежать. Хищник в нем рычал, стремясь вырваться на свободу, чувствовать ее взгляд на себе, такой же пожирающий, как его.

Он заскрежетал зубами. Теперь она играла в покорную служанку? Он не хотел этого. Он хотел ее живой и пылающей, как тогда, когда он обнимал ее — голую, с горячей после ванны кожей, плотью мокрой женщиной, отвечающей на его прикосновения.

Она высвободилась от него и оказалась перед магазином, удивленно глядя на кондитерскую, когда Энди спрыгнул вниз. Она неуверенно посмотрела направо, потом налево.

Игнорируя внезапное напряжение в бриджах, Доминик прошел вперед и открыл перед ними дверь. Под звон дверного колокольчика, звякнувшего у них над головами, Фэллон и Энди ступили внутрь, их глаза в унисон округлились от вида сладостей, выставленных за стеклянными прилавками.

Все виды запахов сахара, корицы, пряностей и фруктов напала на нос. Фэллон смотрела на него, вопросительно приподняв бровь. Энди потребовалось все его самообладание. Он выпустил руку Фэллон и подошел к витрине с леденцами за тусклым стеклом, не в силах закрыть рот.

— Ах, ваша Светлость! — румянолицый мужчина торопливо обошел прилавок, его животик подпрыгнул под полосатым передником. — Мы ожидали вас. Вы должны будете простить миссис Эпплбом, что она не может поздороваться с вами... она все еще готовит парню гнездышко. Упоминала что — то о пирожках с мясом на завтрак... — хозяин подмигнул Энди. — Вы увидите. Миссис Эпплбом готовит самые вкусные пирожки с мясом, — он протер свой выдающийся живот. — Она придает большое значение питанию работающего человека.

— Мистер Эпплбом, — Доминик опустил руку на плечико Энди, — это — Энди мальчик, о котором я говорил вам.

Мистер Эпплбом кивнул, внимательно рассматривая паренька.

— Выглядит достаточно крепким. Что скажешь, парень, хочешь отработать свое содержание?

Рука Фэллон переместилась на второе плечо мальчика — жест по своей природе материнский. Внезапно картина ее с малышом на руках и другим, цепляющимся за ее юбки заполнила его голову. Выбросив внутренние образы из головы, он сосредоточился на Эпплбومه.

— Кажется, супруга собирается тебя всю баловать. Придется привыкнуть к этому, парень, — несмотря на грубый голос, в его глазах проскользнуло умиление. — У нас никогда не было своих детей, — шумно втянув воздух носом, похожим на картошку, он добавил: — Признаться, я буду рад руке помощи в магазине. И компании тоже.

Энди наконец обрел дар речи.

— Я буду жить с вами? И я буду здесь работать? — он вертел головой, рассматривая магазин, и его пристальный взгляд не пропустил ни одну палочку лакричника, смоляное драже или пирог, пропитанный сладким ромом.

— Да, и я боюсь, что за последние годы мой вкус несколько пресытился, — он погладил свой живот. — Мне будет нужна твоя помощь, чтобы все перепробовать.

Доминик сдержал улыбку при виде энергичных кивков Энди.

— Я совсем не возражаю, сэр! Нисколько.

А потом Доминик почувствовал. Почувствовал ее.

Даже не видя ее, он знал, куда смотрит Фэллон. На него. Там, где задерживался ее взгляд, кожу на лице словно обдавало жаром — очень необычное ощущение. Повернувшись, Доминик встретился с ней глазами. Она смотрела, словно видела его впервые. И в ее глазах светилось что — то странное. Что — то, что заставило его грудь мучительно сжаться.

Эпплбом уже уводил Энди, оживленно болтая о планах на день... что — то о глазури семиэтажного торта для Общества Садоводства дам Мэйфэйра.

— Энди, подожди! — Фэллон подалась вперед. Присев, она сжала измазанное сажей личико мальчугана в своих руках. Она погладила его по голове, взъерошив пшеничного цвета волосы, нежно прошлась пальцами по чумазой щечке. Дыхание Доминика перехватило, и он отвел взгляд, внезапно желая оказаться девятилетним сиротой.

Что за черт!

Эпплбом вышел вперед, чтобы наскоро попрощаться, поблагодарить Доминика за мальчика и вручить ему белый бумажный кулек.

— Помадка из горького шоколада. Я помню, как вы ее любите, ваша светлость.

Благодарно кивнув, он снова посмотрел на Энди.

— Я лишь надеюсь, что вы будете довольны. Если ситуация окажется ненадлежащей, пошлите за мной. Я приму меры.

Эпплбом кинул быстрый взгляд на мальчика, теперь испуганно жавшегося к Фэллон.

— Я думаю, что у нас все будет превосходно, ваша светлость.

Доминик ждал, когда попрощается Фэллон. Он уловил ее шепот мальчику: «Будь счастлив».

У него в груди словно лопнул воздушный шарик. Фэллон О'Рурк, мрачно констатировал он, была не похожим ни на кого другого созданием. Скудный час с Энди — и она взяла его в свое сердце.

Отчаянное желание вспыхнуло и медленно горело в нем. От кондитерской он вел ее под руку и едва помнил, как переставлял ноги, как поднялся в экипаж и сунул кусочек помадки в рот. Когда густой крем растворился у него на языке, Доминик предложил кулек Фэллон. Она приняла его. Он наблюдал, как девушка положила шоколад в рот, прямо на розовый кончик языка, и возбуждение пронзило его.

В течение нескольких мгновений, пока они сидели в экипаже, он затуманено смотрел на нее.

Голос девушки пробился через загустевший между ними воздух.

— Парк. Вы обещали взять меня туда.

Он не возражал бы взять ее. Здесь. Сейчас.

Под его безмолвие она скользнула ближе к двери. Словно собиралась выпрыгнуть.

— Или я могу остальную часть пути пройти пешком.

Он резко стукнул в стенку и отдал приказ, а потом, прикрыв глаза, продолжил наблюдать. Фэллон сидела, глубоко вжавшись в сидение и теребила ручки сумочки.

— Я надеюсь, что Энди полюбит свой новый дом.

— Почему вас заботит мальчик, которого вы только встретили? — потребовал ответа Доминик. Его голос прозвучал раздраженно и обвиняюще. Ему даже думать не хотелось, что она... что у нее было серьезное основание для обмана. Для того, чтобы выставить его дураком.

Она моргнула.

— Я могу спросить у вас то же самое.

Доминик начал, удивившись вопросу, почему он регулярно подбирал с улиц беспризорников. И делал это достаточно долго. Потому что видел себя в их безнадежных взглядах. Его челюсть напряглась от неприятного ответа. Сжав челюсти, услышав не очень приятный ответ, он процедил:

— Увлечение.

— Я думала, что у вас уже есть увлечение, — ее глаза вспыхнули, и Доминик вспомнил их разговор, когда она — Фрэнк — потребовала объяснить, почему он соблазнял все женщин, которых встречал, и особенно, замужних. У всех свои увлечения — таков был его содержательный ответ.

Ее глаза вспыхнули, и он припомнил их давний разговор, когда она в облиии Фрэнка требовала объяснить, почему он соблазняет всех, кто носит юбки. Особенно, если эти юбки замужем. Каждому нужно увлечение, коротко сказал он ей тогда.

— Можно иметь множество увлечений, — ответил он и, пожав плечами, добавил: — Я часто захожу к Эпплбому. Обожаю его помадку. — Он многозначительно глянул на белый бумажный пакет. — Эпплбом говорил, что ему нужна помощь... И я знал, что у них с женой нет детей.

— И вы решили выступить в роли благодетеля и осчастливить их опекой над мальчиком, — она фыркнула. — Вот уж вряд ли. Говорите, что хотите, но, боюсь, вас все равно вычислят, — она надменно вскинула голову с квадратным подбородком.

И в этот момент он снова на мгновение увидел наглого и дерзкого Фрэнка.

— Даже так? Не поделитесь открытием?

— Вы, ваша светлость, совсем не такой грешник, каким вам нравится выставять себя перед миром, — ее слова даже отчасти не заставили его помучиться так, как заставила ухмылка, играющая на ее губах. На сочных губах этой мегеры.

— Что вы знаете о грехах, мисс О'Рурк? Вы, кто постоянно прячется под разными личинами, кто живет лишь наполовину?

Ее щеки залились краской.

— Я не живу лишь наполовину. У меня полная насыщенная жизнь. Да, я не изнеженная барышня. Но и я повидала немало распутных...

— Неужели это правда? — Он поднялся со своего места в карете и уселся рядом с ней. — И что, по — вашему, может быть распутным?

И прежде, чем она смогла ответить, он провел пальцем вниз по ее голой шее. Жесткий воротничок платья не дал ему опустить палец еще ниже, как он хотел, к грудям идеальной формы, воспоминания о которых просто сжигали его. Он прижался ртом к ее теплой шее. Прикоснулся к ее коже, попробовал на вкус.

Теплая и податливая женщина рядом с ним застыла. Взяв Фэллон за подбородок, он повернул к себе ее лицо и вдохнул ее дыхание с шоколадным привкусом.

— Например, целоваться с мужчиной в движущейся карете посреди бела дня? Это считается?

Она опустила взгляд на его губы и слегка кивнула. Он впился в ее рот, наслаждаясь мягкостью приоткрытых губ, влажным дыханием, скользнувшим в его голодный рот, и чувствуя, как с дрожью сдается ее тело.

Она по — прежнему смотрела на него, но теперь широко раскрытыми глазами. Ее вкус наполнил его диким желанием. Он поцеловал ее сильнее, ощущая вкус жара, Фэллон и черного шоколада — самое сладкое сочетание, не похожее ни на одно из тех, что ему доводилось пробовать раньше.

Фэллон. Сладкая, неизбалованная в силу требований ее тяжелой жизни. Его охватило примитивное желание заявить о своих правах на нее и защищать как свою собственность. От этого по нему прокатилась волна тревоги, такая же мощная, как и темное желание, тлеющее

в его венах.

Не прекращая жесткого, голодного поцелуя, он взял ее руку и прижал к натянувшей его бриджи эрекции, твердо решив преподать ей урок на тему греха... а потом увидеть, как она отпрянет от него, по — девичьи возмущившись. Он знал, что так и будет. И знал, что это будет необходимо, чтобы он мог остановиться. Ее ладонь дрогнула, перед тем как лечь туда, куда он хотел, расслабилась, гибкие любопытные пальцы принялись изучать его форму, и он понял, что совершил ошибку. Он даже не подумал о том, что сотворит с ним ее прикосновение. Из его горла вырвался стон, заглушенный поцелуем.

Этот звук пробудил ее, она резко убрала руку, оторвалась от него, метнулась в другой угол кареты, где до этого сидел он, и уставилась на него дикими глазами загнанного в ловушку животного. Она с силой сжала руки, большой палец быстро чертил круги на ладони, которую он прижал к своему члену. Жар окрасил ее щеки в глубокий оттенок красного. Даже шея ее пылала.

— Зачем вы это сделали? — спросила она, подняв глаза и встретившись с его взглядом.

От блеска этих янтарных глаз что — то сжалось у него в животе. Стиснув зубы, он уставился на нее в ответ, пожирая ее глазами. Эрекцию больно сдавливали бриджи.

— Я хочу тебя. — Он больше не станет это отрицать. Желание жило в нем, как живое существо.

Она смотрела на него, тяжело дыша.

— Вы сказали, что пальцем меня не тронете.

Он отчаянно кивнул и провел рукой по лицу. Каждый его мускул напряженно ждал, когда он снова прижмет ее к себе.

— Да.

— Вы солгали. — Ее высказанное шепотом обвинение прошло сквозь него, как нож.

— Я понятия не имел, что буду так сильно тебя хотеть.

Ее рот приоткрылся, а в глазах что — то промелькнуло, отчего они вспыхнули красными, совсем перестав казаться карими. Возможно, это все и объясняло. Она была ангелом из преисподней, склонным к одержимости.

Покачнувшись, карета остановилась. Он тряхнул головой. Через мгновение лакей постучал в дверь. Фэллон бросилась к двери, словно ужаленная. Он сжал кулаки, чтобы не потянуться к ней. Впрочем, безрезультатно. За секунду до того, как она успела выскочить из кареты, он схватил ее за руку.

— Теперь ты знаешь, что я хочу тебя. Самую большую опасность для тебя представляешь ты сама.

Ее глаза расширились, и он отпустил ее.

Глядя, как она уходит, выскользнув за дверь, он задумался о том, увидит ли ее когда —нибудь снова.

Ах ты, черт!

Старшая горничная с грохотом копалась в своей корзинке среди тряпок и полиролей.

Вероятно, это был первый раз, когда Марта заговорила в присутствии Фэллон с тех пор, как была разоблачена ее маскировка. Она все время бросала на Фэллон неодобрительные взгляды, выражая свое осуждение, но ни разу не снизошла до разговора. Ее поведение было аналогично поведению остального штата прислуги. Они не обращались с Фэллон плохо. Просто холодно.

— Я оставила уксус в предыдущей комнате. — Марта барабанила пальцами по той стороне стола, где был пролит свечной воск. — Сейчас вернусь. — Тяжело ступая, она заковыляла к двери, остановившись, чтобы кинуть коллючий взгляд на Фэллон. — Ничего, — она жестом обвела спальню герцога, — не трогай, пока я не вернусь.

Фэллон наблюдала за ее стремительным уходом из спальни, оставшись одна в комнате герцога. Развитие событий, которое, возможно, взволновало бы ее, если бы она не знала, что немногим ранее герцог уехал из дома.

Я хочу тебя. Дрошь пробежала по ее телу. Мужчины никогда не говорили ей этих слов. Конечно, ей доводилось слышать прозрачные намеки и сальные предложения в прошлом, но откровенное признание... слетевшее с губ человека, чьи поцелуи заставляли поджиматься пальцы ее ног? Она бродила сосредоточенным взглядом по поверхности кровати, пытаясь не представлять себя на этом огромном пространстве. С ним. Попытка провалилась. Егс бесстыдные прикосновения, ее нескромные касания не казались ей...порочными. Они казались правильными. Вздохнув, Фэллон отвернулась от кровати. Ей не стоит продолжать размышления в этом направлении.

Помимо воли, ее взгляд натолкнулся на дверь. Дверь, в которую она никогда не входила. В комнату, в которую ей было запрещено заглядывать. Раньше, в ее бытность камердинером, у Фэллон была возможность подглядеть, что там, но она сопротивлялась любопытству... считая его в какой — то степени слабостью со своей стороны. Признанием самой себе, что герцог интриговал ее, и ей хотелось знать о нем больше.

Теперь это уже не важно. Она была увлечена им и знала об этом. С того самого эпизода с Энди в кондитерской, разве возможно отрицать это? Герцог больше, чем просто интересовал ее. Он очаровывал и озадачивал. Демонический лорд в одну минуту. Благодетель — в другую.

Смахивая пыль со стены метелкой из перьев, она медленно приблизилась к двери. Ну и что, если он поймает ее? Он уже думал о ней самое худшее. Считал ее лгуньей и почти преступницей. Кинув быстрый взгляд через плечо, она сжала дверную ручку и осторожно приоткрыла дверь. Запахи угля, масла и скипидара немедленно ударили в нос. Комната с единственным окном казалась душной. Бессчетное количество холстов прислонено к стенам.

Смелая палитра красок бросилась ей в глаза. Цвета были повсюду: на пейзажах, портретах, натюрмортах. Даже слабое освещение комнаты не могло приглушить яркости картин. Но в отличие от всего, что она видела на Трафальгарской площади, в этих работах была необузданность, свободолюбие и бескомпромиссность в той же степени, в которой ими был наделен лишь один известный ей человек. Постепенно пришло осознание. Художник? Герцог скрывал еще одно свое увлечение, которое не было насквозь порочным.

У окна стоял мольберт, обращенный к тусклому свету ненастного дня. Фэллон двинулась дальше по скудно обставленной комнате, прищулив глаза и скосив их на яркие мазки, покрывающие установленный на мольберте холст. Красные, коричневые и золотистые тона постепенно приобретали очертания и форму. Превращаясь — милостивый Боже — в нее!

Роскошная масса ее волос выглядела как прежде, до того, как она прошлась по ней ножницами.

На картине она смотрела поверх оголенного плеча цвета абрикоса. Ее загадочно сияющие глаза, казались живыми и выделались на холсте. Тайны мерцали в горячем взгляде, излучающем соблазнительное обещание. Рот приоткрыт, полные губы насыщенного розового цвета. Это был рот женщины, знающей толк в... искушении.

Это — то, как он видит меня?

Она подняла дрожащую руку, готовая провести пальцами по холсту.

— Что ты здесь делаешь?

Сердце Фэллон подпрыгнуло. Уронив руку, она обернулась. Прежде, чем девушка успела пошевелиться или заговорить, длинные ноги герцога стремительно сократили расстояние между ними, в его глазах вспыхнула беспощадность. Схватив девушку за руку, он выволок ее из комнаты.

Дернув Фэллон вперед, он резко отпустил ее, как будто не мог вынести прикосновение к ней.

— Разве я не предупреждал тебя не соваться туда?

Потирая руку в том месте, где она горела от его прикосновения, как клеймо, девушка спросила с гораздо большей смелостью, чем на самом деле ощущала:

— Это вы рисовали с меня?

Он впился в нее взглядом:

— Кто же еще мог это сделать?

Она покачала головой:

— Почему?

— Почему я рисую? — огрызнулся он, зловеще наклонив голову. — Или почему я рисую тебя?

Фэллон кивнула. И то и другое.

Его немигающий взгляд был мучителен.

— Мне нравятся женщины. — Он пожал плечами. — В кровати и на холсте.

Жар опалил ее щеки.

Резким жестом герцог указал себе за спину.

— Тебя беспокоит сходство?

Фэллон вздернула подбородок, все еще свыкаясь с тем открытием, что лорд посвятил себя такому достойному восхищения занятию. Однако та картина была нехарактерной для его работ. Он нарисовал ее.

— Это совсем не похоже на меня. Я совсем не так ... привлекательна.

Его внимательный взгляд прошелся по ее телу.

— Да, действительно, не в этом уродливом мешке. Но я видел тебя более привлекательной. Без единой нитки на теле.

— О! — Лицо вспыхнуло еще жарче, щеки обожгло, стоило вспомнить его вторжение в ее комнату в тот момент, когда она вышла из ванны.

Их напряженные взгляды встретились, и она поняла, что о той ночи он помнил все.

Герцог придвинулся ближе, его грудь, словно стеной огня, опаляла девушку даже через одежду.

Гнев исчез с его пылающего лица, но глаза по — прежнему прожигали ее с еще большей угрозой, чем секунды назад.

Я хочу тебя. Ты остаешься здесь на свой страх и риск.

И все же она не шелохнулось, вспоминая, каковы на вкус его поцелуи.

А потом вспомнила еще больше. О том, что случилось, когда он прикоснулся к ее...

Напряженная атмосфера мгновенно стала удушливой.

— Простите нас, Ваша Светлость. Мы надеялись закончить здесь до вашего возвращения.

Марта стояла в дверном проеме, переводя взгляд с одного на другого. Ее цепкий взгляд отметил открытую дверь в мастерскую герцога, и, вспыхнув, обвиняюще впился в Фэллон. Неодобрительно покачав головой, старшая горничная жестом указала девушке на выход.

Испытывая облегчение от вмешательства Марты, Фэллон была рада услужить, и, повернувшись, вылетела комнаты, ощущая преследующий ее горячий взгляд Дамона.

В будущем, пока она не найдет способ справиться с этой неразберихой, следует позаботиться о том, чтобы больше не оказываться с ним наедине. Потому что в следующий раз Марты может не оказаться рядом, чтобы спасти ее.

Стоя на цыпочках, Фэллон пыталась дотянуться до жестяной банки с грецкими орехами, которую попросил принести повар. С ворчанием она прекратила бесплодные попытки добраться до слишком высокой полки.

Уперев руки в бедра, девушка не сводила свирепого взгляда с безобидно выглядевшей жестянки.

— Позволь, я тебе помогу.

Повернувшись, Фэллон обнаружила Даниеля, главного лакея, находившегося прямо у нее за спиной.

Она улыбнулась ему, и глупая ухмылка вспыхнула на его узком, веснушчатом лице. Он был исключительно добр к ней с момента ее «разоблачения», побуждая и других слуг вести себя так же. Одно только это вызвало ее глубокое расположение к нему. Особенно, если принять во внимание менее, чем теплый прием, оказанный ей, когда мистер Адамс впервые представлял ее штату. Несомненно, лишь явное доброжелательное отношение Даниеля спасло ее от полного уничтожения под сверлящим взглядом Адамса. Сбоку раздалось несколько сдавленных смешков, и, покосившись в сторону, она обнаружила, что никто не смотрит на нее с откровенным презрением. Вот только никто не оградит ее от Нэнси. Горничная, казалось, была несклонна испытывать к Фэллон симпатию, очевидно, смущенная своей безрассудной увлеченностью Фрэнсисом.

Фэллон оглядела парня, который был на несколько дюймов ниже ее самой. Не желая ранить его эго, указывая на свой более высокий рост, она отошла в сторону.

— Я хотела достать грецкие орехи.

Вскоре до него дошло то, о чем она догадалась еще раньше. У него было не больше возможности достать банку, чем у нее самой.

Стрельнув в ее сторону решительным взглядом, парень вскочил на самую низкую полку и, схватив банку, прыгнул на ноги, победно помахав ею. С изысканным поклоном, он вручил ей жестянку.

— Спасибо, Даниель, — принимая банку, сказала она.

— Всегда рад услужить леди, попавшей в затруднительное положение.

— Я не помешал?

Фэллон и Дэниел повернулись лицом к неясно вырисовывающейся фигуре в дверном проеме кладовой.

Ее сердце слегка подскочило в груди при виде знакомого облика герцога.

Его губы едва двигались, произнося слова. Густая тень скрывала суровые черты лица.

— Ну что за умилительное зрелище.

Звук, вылетевший из горла Даниеля, походил на задуманный писк цыпленка.

— В — Ваша Светлость. — Стукнув каблуками друг о друга, он проворно поклонился.

Даже не удостоив лакея взглядом, герцог отрезал:

— Оставь нас.

— Да, Ваша Светлость. — Отвесив последний уважительный поклон, Даниель стремительно метнулся мимо. Поспешно бросив извиняющийся взгляд на Фэллон, он исчез из кладовой.

На ее шее бешено забился пульс. Она не могла — не должна — оставаться с ним наедине.

Протянув руку, она открыла было рот, собираясь позвать Даниеля обратно.

— Пускай катится, — растягивая слова произнес герцог, и дверь кладовой с щелчком закрылась. Он смерил ее полным решительности взглядом.

— Теперь мы остались один на один. Может, тебе и удалось сбежать от меня этим утром, но сейчас тебя некому спасти.

Фэллон опустила руку вдоль тела. Она глубоко вдохнула от его слов, пропитанных обидной колкостью.

— Мне не нужны спасители. Я способна сама о себе позаботиться.

— Действительно, — парировал он, подходя ближе. Слишком близко. — Ты похожа на кошку, не правда ли? Всегда приземляешься на ноги. У тебя не заняло много времени подластиться к мужской половине домашней прислуги.

Маленькое, расположенное высоко в стене кладовой окно, давало ей достаточно света, чтобы разглядеть темно — синие ободки вокруг радужек его глаз. Красивых и пленительных, нежных, как колышание травы с лунным светом. Ироническая усмешка изогнула твердую линию его губ. Он мельком глянул на дверь, через которую выскочил Даниель, и снова на нее. Его затуманенный взгляд скользил по ней, медленно окутывая тяжелым жаром.

— Возможно, тебя не без причины увольняют отовсюду.

Холодок пробежал по ее телу, эффективно охлаждая жар, вызванный его пристальным взглядом.

— Что вы имеете в виду?

— Дело в том, как ты ведешь себя...

Жаркое негодование медленно поднималось по ее шее.

— И как именно?

Уже задавая вопрос, она была уверена, что не захочет услышать его ответ. Он пожал плечами.

— Тебе стоило бы вести себя менее провокационно.

Гнев сотряс ее аж до желудка. Она прижала руку к животу.

— Вы считаете, будто со своей стороны я раздаю сомнительные авансы? —

требовательно спросила она, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

Он мотнул головой.

— Ну, в нашу первую встречу ты отбивалась от ухаживаний мужчины. Каждый раз, стоит лишь обернуться, я нахожу тебя в аналогичной ситуации. Даже у меня возникают трудности с тем, чтобы держать свои руки при себе.

— Вы не можете обвинять меня...

Герцог приблизился еще на шаг, обдавая ее стеной жара, и, заметив яркую вспышку в его глазах, она поняла, что он не шутит. Он считал Фэллон ответственной за то, что мужчины увиваются за ней?

Его камзол цвета индиго коснулся накрахмаленного передника ее платья, всплеск яркого цвета против приглушенной серости ее одежды.

— Возможно, тебе следует пересмотреть свое поведение в мужском обществе.

— А как я веду себя с мужчинами?

Как будто бы она умышленно чего — то добивалась. Словно она стремилась быть уволенной, рискуя оказаться без средств к существованию. Как если бы ей нравилось находиться в одном шаге от жизни на улице.

— Ну, так как же? — огрызнулась она.

— Завязываешь их узлами... заставляешь желать тебя, даже если они знают, что этого делать не стоит.

— Только высокомерный ублюдок, перед которым с самого рождения преклоняется весь мир, может сказать такую... глупость!

Ее грудь приподнялась в прерывистом вздохе, но она не собиралась раскаиваться в своем срыве.

Даже при виде его суженных глаз и потемневших щек. Фэллон ткнула его в грудь.

— Почему бы тогда не назвать меня шлюхой?

Его рука сомкнулась на ее запястье, крепко удерживая, словно теплым пульсирующим наручником.

Рывком освободив руку, она спрятала ее в складках юбки.

Какое — то время герцог хранил молчание, напряженность, волнами исходящая от него, была столь же осязаема, как если бы от него шел пар. Когда он, наконец, заговорил, его слова потрясли ее, нанося удар по открытой ране.

— Я был бы рад, если бы ты ею была, тогда мы могли бы бросить эти игры и делать друг с другом то, что нам действительно хочется.

Фэллон вздрогнула, его слова были чересчур откровенны, слишком грубы... слишком решительны и волновали ее своей прямолинейностью.

Ее рука метнулась к нему — без раздумий и осторожности — мелькнув размытым силуэтом в воздухе.

Второй раз за одну неделю она ударила герцога.

Или, во всяком случае, попыталась.

Он отклонился в сторону, и она начисто промахнулась. Проклятье! Легкий возглас негодования сорвался с ее плотно сжатых губ, и она попробовала снова.

На сей раз, он поймал ее руку.

Фэллон с силой рванулась, но он не выпустил ее. Гнев свирепым пламенем охватил девушку. Она боролась, пытаясь освободиться. Не отдавая себе отчета, она вскинула другую руку. Ее он тоже поймал. С обеими руками, захваченными в тиски, Фэллон чувствовала себя

полной дурой.

Продолжая ее удерживать, он наступал на девушку, пока она не наткнулась на стенные полки, отозвавшиеся звоном банок и посуды.

Она задохнулась от неожиданности. Остро впивающиеся в спину полки, его тело, твердой стеной, прижимающее ее спереди, Фэллон едва могла дышать.

Их взгляды встретились, столкнулись, сражаясь с недосказанностью. Напряжение потрескивало в воздухе. Понимание пульсировало между ними. В его глазах тлел огонь, ноздри расширились.

Она открыла рот, но слова не шли с языка. Это было ошибкой.

Его немигающий взгляд упал на ее губы. Синий ободок вокруг его зрачков потемнел почти до черного. Горло девушки сжалось. Немного сдвинув голову, он наклонился, остановившись лишь в одном мгновении от ее губ.

Опустив веки, он притушил горящий в глазах огонь, скрыв его.

Сердце Фэллон забилося еще отчаянней, когда его пальцы ослабили хватку на ее руках.

Он собирался остановиться теперь?

Ее сердце сжалось и ухнуло вниз.

Она чувствовала, как он отдаляется, ощущала, как отступает его тело, видела бесстрастность, медленно проступающую на его лице.

Осознание происходящего воспламенило ее кровь. Прежде, чем она могла бы остановить себя, прежде чем позволили бы себе одуматься, вытянув шею, Фэллон качнула голову вперед, ища его губы своими с отчаянием на грани ожесточенности.

Первое же прикосновение к губам герцога потрясло ее. Они были теплыми и твердыми. Опыняющими.

Даже слаще и горячее, чем во время их последнего шоколадно — коньячного поцелуя.

Задыхаясь от этих ощущений, она глубоко вдохнула его дыхание.

Одной рукой скользнув ей на затылок, Дамон притянул ее еще ближе к себе.

Его губы скользили по ее губам, захватывая, пробуя, жадно лаская. Его язык скользнул к ней в рот, и она почувствовала себя на небесах. Они целовались снова и снова. Его бедра толкнулись в нее.

Прижимающаяся к Фэллон выпуклость была весьма ощутимой и довольно внушительной.

Его ладонь двинулась вниз по ее груди, остановившись в ложбинке между ними.

Нет! С резким вдохом оторвав от него губы, девушка втиснула свои руки между ними, собираясь оттолкнуть ..., когда дверь в кладовую открылась.

Покачнувшись, Фэллон освободилась. Прерывисто дыша, она тыльной стороной руки зажала рот, испугавшись, что ее могла застать...

Ее взгляд метнулся к двери и остановился на Нэнси. Великолепно. Открыв рот, стоявшая на пороге девушка, переводила округлившиеся глаза с Фэллон на герцога.

Чувствуя затопляющее ее унижение, Фэллон смогла оценить иронию своего положения. Она обнаружила Нэнси в подобной ситуации с лордом Хантом. Жар опалил ее щеки, стоило вспомнить свое мнение о Нэнси в тот момент. Она посчитала ее наивной. Легкой добычей. Дурой. Фэллон считала себя слишком умной, слишком хорошей, чтобы к ней можно было применить все эти эпитеты.

Как же плохо она знала себя. Женщина, которой она себя считала, которой хотела быть, никогда не подарила бы часть себя — тем более свое сердце — высокородному дьяволу,

погрязшему в пороке и с камнем вместо сердца. Горло перехватило от эмоций, и она отвела глаза от ухмылки Нэнси.

Ощуая на себе горящий взгляд герцога, Фэллон подхватила юбки и выбежала из кладовой, оттолкнув Нэнси... прижимая пальцы к губам, все еще покалывающим от поцелуев, которые она поклялась себе забыть.

— Кто это?

Доминик проследил за взглядом Ханта, наблюдавшего за Фэллон, которая вместе с другой служанкой срезала цветы в саду. Он состроил гримасу, предпочитая не отвечать и оставить маленький обман Фэллон в секрете.

Пожав плечами, он попытался продолжить разговор, темой которого являлась война Британской империи с Китаем. Однако Хант больше не принимал участия в беседе. С восторженным выражением лица он поднялся, широкими шагами подошел к французским окнам и загляделся на Фэллон, стоявшую на коленях среди луковиц тюльпанов.

Доминик бросил на него хмурый взгляд.

— Этан?

— Хммм?

— Чем ты занимаешься?

— Любуюсь открывающимся отсюда видом.

Доминик нетерпеливо постучал по ботинку, который он расположил на колене другой ноги, пару раз прочистил горло — и все это в надежде снова обратить на себя внимание Ханта. Он спрашивал себя, не будет ли дурным тоном ударить человека, вот уже двадцать два года являющегося его лучшим другом, который в настоящий момент был занят тем, что с вожделением пялился на находившуюся у него, Доминика, в услужении горничную, — женщину, которую он никак не мог выкинуть из головы. Она действительно сделала это — она полностью захватила его сознание. Мучительно было сознавать это, но она не покидала его, неважно, спал он или бодрствовал. Даже ночью, в его снах, она была рядом. И это произошло еще до того, когда он понял, кто она такая.

— Что — то в ней кажется чертовски знакомым.

Доминику показалось, что если и существовал подходящий момент для объяснения внезапного исчезновения его камердинера и соответственно появления Фэллон, то он наступил. Но по какой — то причине он попридержал язык, предпочтя оставить знание о неподобающем и мошенническом поведении Фэллон в тайне.

— Я абсолютно уверен, что ты не встречал ее ранее.

— Похоже на то, — кивнул Хант, соглашаясь. Кто мог бы забыть такую, как она? Хант быстро взглянул на него. — Она, должно быть, новенькая? — И не дождав ответа, спросил: — Она действительно такая высокая, какой кажется?

Он скривил рот. Достаточно высокая, чтобы сойти за мужчину.

— Я полагаю, да, — ответил он, поднявшись со своего места, чтобы встать рядом с Хантом в дверях, обозревая сад. — Я никогда особенно к ней не приглядывался.

Удивительно, как это он не подавился такой ложью, ведь стоило ему закрыть глаза, он все еще чувствовал ее вкус на своих губах.

Хант улыбнулся.

— Нет? Ты никогда не представлял, как эти ноги обхватывают тебя?

Его горло сдавило от яркости внезапного образа. Длинные ноги Фэллон, обвившиеся вокруг его бедер, в тот момент, как он вонзается в нее, стали его любимой фантазией.

— Я был бы тебе признателен, если бы ты перестал пожирать глазами мою горничную.

— Нет, ты только посмотри на нее, — Этан взмахнул рукой. — Она из тех женщин, что

просто требуют второго взгляда. Его губы дрогнули. — И третьего.

Не было ли это проявлением той самой проблемы, на которую Фэллон ссылалась в свою защиту, объясняя маскарад с переодеванием? Той самой причиной, которая подсказала ей надеть штаны и притвориться мужчиной? Она, черт возьми, слишком привлекала внимание.

Он прочистил горло.

— Этан, я прекрасно осведомлен, что ты позволял себе вольности с некоторыми девицами-

Этан моргнул, демонстрируя явно поддельное простодушие.

— Я? Да как ты мог подумать?

— Я был бы тебе признателен, если бы ты оставил Фэллон в покое. В конце концов, оставь их всех в покое.

— Ее зовут Фэллон, не так ли? — Он гримасничал, как будто раскаиваясь в том, что называет ее имя.

— Я ничего не могу поделать, если женская половина твоей прислуги находит меня очаровательным.

Он кивнул в направлении Фэллон. — Я уверяю тебя, что она женщина, которая отобьет охоту убеждать ее развлечься у любого джентльмена. Она явно продемонстрировала свое отвращение к мужчинам благородного происхождения.

— Ах, так ты уже пытался подступиться к ней, не так ли?

Вспышка воспоминания о том, как он увидел Фэллон, выходящую из ванны, с мокрым полотенцем, облепившим ее тело, заставила его кровь закипеть в венах. И это не говоря о том, что почувствовала она — если бы он только захотел тогда, она бы уже принадлежала ему. Он встряхнул головой. Да, он выбрал отличный момент, чтобы проявить благородство, ничего не скажешь.

— Нет, — пробурчал он. — Хочешь верь, хочешь — нет, но я не развлекаюсь со своими горничными.

— Как это благородно с твоей стороны. К счастью, я не придерживаюсь подобных ограничений. Он довольно потер ладони, взглянув в окно.

— Но ты будешь следовать этим ограничениям, друг мой, — возразил Доминик, не позаботившись о том, насколько интонация выдала его удовлетворение этим фактом.

Подняв бровь, Хант резанул его острым взглядом.

— Разве?

За мгновение до того, как Доминик удержался от того, чтобы опять посмотреть в сад за окном, его взгляд прошелся вдоль элегантной линии шеи Фэллон, склонившейся над цветами. Она обмахнула лицо рукой, слабо задев медно — красную прядь, завивавшуюся у щеки. — Оставь в покое именно эту.

Как будто услышав его... или почувствовав, Фэллон оглянулась. Пересекая пространство, их взгляды встретились. Взгляд Фэллон хлестнул по Ханту, стоявшему рядом с ним, после чего ее щеки слегка побледнели. Она что — то прошептала второй горничной и, поднявшись, поспешно удалилась по тропинке из сада.

Голос Этана с трудом отвлек его внимание от вида удаляющейся Фэллон.

— Звучит так, словно ты ревнуешь. Ты уверен, что не предъявляешь тем самым права на нее? Только скажи это. Нет никакой необходимости разыгрывать передо мной благородного джентльмена. Мы оба знаем, что ты им не являешься. — Хант фыркнул.

— Ни один из нас двоих не является, поэтому мы так хорошо ладили и ладим друг с

другом.

В самом деле. Это было утверждение, которое он не мог отрицать в связи с его очевидной правдивостью.

— Мои права на нее? — он усмехнулся с издевкой и заставил себя отойти от окна. — Она не земля, подлежащая завоеванию и покорению, просто женщина. И одна из тех, которые не представляют для меня особого интереса. — Чудо, что эти слова не встали у него поперек горла.

— Напротив, я считаю это превосходной метафорой. — Хант опустился обратно в кресло. — Женщина подлежит завоеванию и захвату подобно любому наделу земли.

Руки Доминика обхватили спинку стула.

— Напомни мне, почему я вообще с тобой связался?

Хант расхохотался. — Мы с тобой два сапога пара, ты и я. Почему же еще?

— Хмм. — Внезапно Доминик почувствовал, что в данный момент времени испытывает к Ханту искреннюю антипатию, и одновременно ощутил чудовищную несправедливость этого. Он хлестко взмахнул рукой в сторону сада. — Просто держи свои лапы при себе.

— Ну конечно. — Циничная ухмылка искривила рот Ханта, что не вызывало большого доверия к только что сделанному заявлению. — Для чего же еще существуют друзья?

Доминик в отвращении тряхнул головой, пытаясь понять, действительно ли они с Хантом так похожи. И первое, что ему при этом пришло в голову — когда это он стал беспокоиться о том, чтобы они отличались друг от друга?

— Ну — ну. Добрый день.

Взгляд Фэллон взметнулся вверх, хват пальцев на кувшине с водой, который она держала, стал слабеть. Крепко прижав кувшин в груди, она резко присела в коротком реверансе, как только лорд Хант приблизился к ней, слегка постукивая каблуками ботинок по полу передней. Метнув быстрые взгляды направо и налево от себя, она попыталась определить пути скорейшего бегства. Потом ей пришло в голову, что побег может показаться несколько странным и привлечь к Фэллон его пристальное внимание и желание понаблюдать за ней, чего она хотела всячески избежать. Сжав зубы, она выпрямилась.

Он остановился перед ней и отвесил отточенный поклон. Такой поклон предназначен для леди, а не занимающей весьма скромное положение девушки, находящейся в услужении у герцога. Будучи не в состоянии сдержаться, она позволила себе иронично взметнуть бровь.

— Позвольте мне представиться, Этан Уэверли, виконт Хант.

Ах, не только поклоны, но еще и официальное представление. Кем он ее считает, в самом деле, такой же глупой и жеманной, как Нэнси? Которую легко впечатлить великосветскими ужимками и которая с готовностью задерет юбку при малейшем знаке внимания с его стороны?

С почтительным кивком она попыталась отступить назад, при этом старательно отворачивая от него лицо. Она надеялась, что он не узнает ее, несмотря на то, что больше она не была под защитой маскарада с переодеванием. Тем более что он никогда не уделял очень уж большого внимания дочери садовника. Он был слишком увлечен погоней за юбками более взрослых девиц. Но все — таки она бы предпочла не рисковать и не давать ему шанса достичь осознания того, что они когда — то жили под крышей одного дома.

Хотя он никогда не был ей домом, быстро поправила она себя. В какой бы безопасности она не чувствовала себя под заботливым присмотром отца, это место никогда не было ее домом. Только Ханта.

Он крепко ухватил ее за руку, чтобы привлечь вплотную к себе с наглой уверенностью мужчины, привыкшего получать все, что бы он ни захотел. Кого бы он ни захотел. Фэллон уставилась на него, широко раскрыв глаза, и постепенно его лицо стало расплываться и превратилось в лицо его отца в тот день, когда он вызвал ее к себе в кабинет, чтобы сообщить новости о смерти отца Фэллон — он был так педантичен, в мелочах разъясняя ей, что она больше никогда не увидит своего отца снова.

— Ну, хватит, неужели Дамон такой рабовладелец, что ты не можешь... — его голос постепенно угас. Ужас скрутился узлом в ее желудке, в то время как его тяжелый взгляд сосредоточенно изучал лицо Фэллон. Казалось, он не упускает из внимания ни единой черточки ее лица, скользя вверх, к макушке головы, где он замер, пока проблеск узнавания не засветился в его глазах.

— Откуда я вас знаю?

Что она могла сказать в ответ?

Я дочь человека, которого убил ваш отец?

Я камердинер герцога, которого вы так невзлюбили?

До того, как она успела сформулировать ответ, его голос вырвался в виде карканья — Фэллон. Шок омыл резко высеченные черты лица виконта, отдаваясь эхом в пульсирующее изумление, дошедшее до нее. — Фэллон О'Рурк.

Звук ее имени, сорвавшийся с его губ, посеял панику в ее сердце. Он не должен был узнать ее. Не должен был вспомнить ее.

Вырвав руку, девушка успела сделать несколько шагов прочь от него, прежде чем он настиг ее и развернул лицом к себе, схватив за руки.

— Что ты здесь делаешь? — потребовал он ответа... как будто она обязательно должна была находиться в каком — то другом месте. Как будто, так или иначе, для него имело значение, где она находится.

— Я здесь работаю, — отрезала Фэллон. — Зарабатываю на жизнь, лорд Хант. Как и мой отец в свое время. Так же, как он, прислуживаю джентльменам, как вы, наверное, помните, — язвительно и обвиняюще бросила она.

— Я искал тебя...

— Зачем? — воскликнула девушка. — Ваша семья умыла руки и избавилась от меня и моих проблем много лет назад, и чтобы облегчить свою вину, отправила меня в Пенвич.

Он зацепился за название школы.

— Да, Пенвич! Я был там.

— Рада за вас, — она боролась, пытаясь вывернуться из его хватки. — Вы должны посетить это место еще раз. Йоркшир прекрасен в это время года. А теперь позвольте мне уйти.

— Нет, ты не поняла меня. Я приезжал туда, пытаясь найти тебя. Я был там в прошлом году.

— Этан. — Имя лорда Ханта прозвучало тяжело и грозно, как будто камень упал с высоты. Фэллон напряглась, моментально узнав голос, чувствуя его колебания в каждой косточке своего тела. Доминик приблизился, его ботинки издавали мягкие угрожающие щелчки при соприкосновении с мраморным полом.

— Позаботься убрать руки с моей... — его голос смолк.

Краска обожгла лицо девушки, как только слово «моей» повисло в воздухе. Все трое обменялись взглядами. Напряжение, остро ощущаемое и почти осязаемое, начало медленно

сгущаться в окружающем их пространстве. Наконец лорд Хант ответил: — Я отпущу ее, если она пообещает больше не убегать.

— Какое тебе дело до того, что она делает? — Желваки заиграли на лице Доминика, и она знала, что это сигнализирует о реальности угрозы. — А теперь отпусти ее, пока я не вытер тобой пол.

Лицо Ханта покрыл лихорадочный румянец, чего, как она думала, вообще не может произойти с таким негодяем, как он. Она вообще не верила, что он может относиться к чему — либо серьезно и ответственно. Он был насквозь фальшивым и легкомысленным. Типичный представитель знати.

Даже когда прозвучала угроза Доминика, виконт не освободил ее. Руки уже начинали ныть там, где он ее схватил, но она сдержала гримасу боли.

— Это тебя не касается, Дом. У нас двоих есть общее дело, которое необходимо обсудить.

— Дело? — Доминик подался вперед. Схватив Фэллон за локоть, рывком он освободил ее от захвата виконта. Он впился обжигающим взглядом в ее лицо — как будто она совершила какой — то страшный грех — после чего опять повернулся к другу. — О каком общем деле ты говоришь?

— Это не имеет значения.

— Повтори это еще раз, и будешь собирать свои зубы с пола. На его челюсти с бешеной скоростью задергался мускул, и в этот момент Доминик выглядел настолько диким, что казался способным на самые первобытные и жестокие поступки, и даже больше.

Лорд Хант втянул воздух, его грудь поднялась.

— Фэллон и я вместе выросли.

— Едва ли это соответствует действительности, — вставила она с горьким смешком. — Вы были сыном хозяина, а я — дочерью садовника... слишком юной для преследований с вашей стороны, благодаря чему вы лишили меня вашего милостивого внимания.

С покрытым румянцем лицом, Хант выплюнул:

— Я, черт возьми, пытаюсь объяснить кое — что. Мой отец сделал в отношении тебя особые распоряжения в своем завещании. Он всегда чувствовал себя в некотором роде ответственным...

— В некотором роде? И только? Он послал моего отца на Сейшельские острова — чертов конец земли! И ради чего? — Когда она зарычала, то почувствовала, как зубы обнажились в оскале: — На поиски цветка для его гребаных садов! — Слезы скопились в горле и мешали говорить, но она не могла остановиться. Плотину прорвало. — Он вообще когда — нибудь думал о риске, которому он подверг жизнь моего отца? О том, что на бесконечно длинный год отрывает меня от единственного близкого мне человека? — Она фыркнула и вдохнула, попытавшись успокоиться. — И, конечно, этот год превратился в вечность.

— Я посетил Пенвич и разговаривал с человеком по имени Броклхерст, — вступил Хант, когда Фэллон замолчала. — Он понятия не имел, как мне установить твоё место нахождения. — Она фыркнула. — О, он знал. Мастер Броклхерст был в курсе, что Эви могла знать, где находится Фэллон.

— Броклхерсту не доставило бы удовольствия, если бы мне хоть в чем — нибудь повезло. Хотите узнать, что доставило бы ему наслаждение? — Она шагнула вперед, но теплое пожатие Доминика удержало ее столкновения. — Побойся. Он наслаждался, избивая

нас! Вбивая в нас Слово Божье каждым взмахом своей палки! Он также наслаждался, когда многие из нас умирали от голода и замерзали зимой в тонких туфлях и под ветхими одеялами!

— Фэллон, не надо, — мягкое замечание Доминика пошевелило крошечные волоски возле ее уха. Его пальцы очерчивали небольшие круги рядом на ее руке, и даже сквозь свою ярость она почувствовала едва ощутимое, но нежелательное сейчас возбуждение.

Она проигнорировала его, закончив то, что хотела сказать.

— В следующий раз, когда будете стоять у могилы отца, поблагодарите его за великодушие, которое он проявил, послав меня в эту школу.

Мускул дернулся на щеке виконта.

— Я не знал. Мой отец тоже не знал этого. Я прошу прощения. Он хотел поступить с тобой справедливо. — Хант выпрямился и полез в карман жилета. Окоченевшими пальцами она взяла карту, которую он протянул ей. — В любом случае, это должно изменить твоё мнение. Мой отец на смертном одре дал мне указание найти тебя и убедиться, что ты в порядке. И я не отнесся пренебрежительно к этому его желанию.

Рука Доминика смягчилась и перестала крепко удерживать ее. Не думая, она склонилась к нему, неожиданно нуждаясь в поддержке и ощущая неуверенность в том, не ослабеет ли она и не превратится ли в нечто колеблющееся и бесхребетное.

Лорд Хант выпрямился, как негибачый как оловянный солдатик, и его глаза приобрели твердость, когда он взглянул на нее сверху вниз.

Внезапный шум шагов наполнил повисшую тишину. Миссис Дэвис появилась с отпечатавшимся на ее лице заинтересованным выражением.

— Ваша светлость? — Несколько горничных неподвижно застыли позади нее.

— Оставьте нас! — рявкнул Доминик.

Экономка и горничные стремглав удалились, потеряв по пути трех из них, оставшихся в отдалении громадной передней.

Боже. Еще больше сплетен среди слуг. С тех пор, как Нэнси застала ее в кладовой с Домиником, ее жизнь превратилась в мучение. Нэнси не теряла время, обнародовав все, чему она стала свидетелем. Каждый раз, когда Фэллон входила в комнату, нескромный шепот доносился до ее ушей. Слова вроде «проститутка» и «шлюха» произносились достаточно громко. Даже Даниель и Мистер Адамс предпочитали не встречаться с ней взглядами.

— Я прошу прощения за это, — речитативом произнес Хант. — Но мой отец все же позаботился о тебе, устроив в Пенвичскую школу. Он не бросил тебя на растерзание волкам, последовавших за смертью твоего отца.

Внезапно в ее голове возник образ мастера Броклхерста, отталкивающее и безжалостное выражение лица которого так напоминало волчье.

Хант продолжал тем временем:

— И он оставил тебе пособие, которое может обеспечить тебе некоторую независимость и комфорт.

Как будто это могло заменить ей отца. Она склонила голову, пряча полные непролитых слез глаза.

— У меня нет даже могилы, к которой я могла бы приходить. Но вы думаете, что деньги мне это возместят? Так типично для аристократов. Бросить деньги людям, в чьей беде они повинны и ожидать, что проблема исчезнет.

Ее голова снова поднялась, спина распрямилась. Сегодня этот прием не сработает.

— Мне не нужны ваши деньги. Засуньте их себе...

Глаза лорда Ханта широко раскрылись.

— Прошу прощения?

— Вы что, не понимаете? У вас со мной это не пройдет, — она сделала неровный вдох и освободила свою руку от Доминика.

— Но я уверен, что я могу помочь тебе. Возможно, я могу предложить кое — что еще, — произнес глубоким голосом Хант. — То, чего ты хочешь — это брак?

— Брак? — Фэллон резко вскинула голову.

— Брак, — отозвался эхом Доминик.

— Разве не мечта каждой женщины — выйти замуж? Достойный союз, так ведь? Половина мамочек в городе загоняют меня как добычу только ради этого. Я могу оказать тебе финансовую поддержку. Более того, моя мать может. Мы можем подобрать тебе достойного мужа, даже более, чем просто достойного. С моими связями я могу, вероятно, устроить тебе в качестве мужа человека с титулом. Это возможно больше, чем ты когда — нибудь надеялась достичь, — он презрительно скользнул взглядом по ее накрахмаленной серой униформе.

Видала она на своем веку высокомерных и заносчивых индюков, но таких...

— Ты хочешь продать ее замуж! — Доминик уставился тяжелым взглядом на Ханта и неожиданно шагнул к нему, потянув за собой Фэллон. Он остановился, его свободная рука сложилась в напряженный кулак. Недоверие отразилось в его голосе.

Хант моргнул, явно сбитый с толку.

— Так принято в наших кругах, Дом. У множества титулованных женихов толстые кошельки. А она довольно соблазнительна. — Он оценивающе оглядел ее. — Значительно более привлекательна, чем любая из последнего урожая дебютанток.

— Она? Фэллон? Горничная? — Доминик покачал головой.

— А почему ты кажешься таким пораженным? — требовательно поинтересовалась она, хотя сама прекрасно знала, почему. Она была никем. Прислужгой. Дочерью садовника — ирландца.

Доминик уставился на нее, в его глотке застряли слова, которые он так и не смог произнести вслух.

Хант пожал плечами.

— Моя семья задолжала ей.

— Жизнь моего отца — это просто очередной долг, который должен быть оплачен, не так ли? — она сердито воззрилась на двоих стоящих перед ней мужчин, отшатнувшись от них на несколько шагов.

Оба маячили перед ней, олицетворяя собой все то, что она так ненавидела. Привилегированные аристократы, которые никогда не поймут ее саму, откуда она пришла, и чего на самом деле стремится достичь в своей жизни. Потому что они уже имели в своем полном распоряжении все то, о чем она так тосковала и чего так страстно желала.

Свободу. Безопасность. Свободу от таких, как они. Безопасность в своем собственном доме, где она ни перед кем не будет отчитываться.

Испытав омерзение от происходящего, она повернулась и убежала прочь.

— Проголодалась?

Ломоть хлеба, который держала Фэллон, выскользнул из её руки и упал вниз. Он с глухим стуком шлёпнулся об пол и покатился в сторону, пока не наткнулся на носок до блеска начищенного чёрного сапога. Тот кусочек, что она держала во рту, казалось, приобрёл вкус земли. Девушка попыталась скорее проглотить его, стараясь жевать чаще.

Подняв взгляд вверх, она остановила его на жестком лице Доминика. Его глаза, как всегда похожие на кусочки льда, в упор смотрели на неё, словно комната не была погружена во мрак.

Она вытерла вспотевшую ладонь о юбку и проглотила хлеб. Пока мужчина приближался, его шаги эхом отзывались по практически пустой комнате, а красно — рыжий оттенок каминного огня обволакивал его черты, придавая ему вид самого дьявола. Или тёмного ангела, прибывшего на землю из ада. Фэллон подумала, что именно такой образ подходит для этого герцога — образ Сатаны.

— Разве ты не ужинала? — Спросил Доминик совершенно безразличным голосом.

Фэллон потёрла одну руку о другую.

— Во время ужина я была не голодна.

Слишком много подозрительных взглядов. Слишком много ухмылок.

Даже Даниэль сделал ей отнюдь не лестное замечание шёпотом, чтобы только она могла услышать. Но ей не нужно было ничего объяснять. Когда бы девушка ни вошла в комнату, она всегда ощущала на себе прохладные взгляды и шепот со стороны слуг. И всё это было следствием того инцидента, который устроил герцог, войдя сегодня с утра в кухню после того ужасного происшествия в холле. В глазах всех слуг Фэллон выглядела распутницей. Это ещё одна причина, по которой ей не стоит здесь задерживаться надолго. Надо идти вперёд, искать другое место работы.

И она сделает это. Так или иначе.

Сапоги Доминика, стуча по каменному полу, издавали скрипучий звук, действуя ей на нервы, пока он не остановился перед ней.

Она со всё усиливающимся страхом наблюдала за тем, как он скрестил руки на груди и стал пристально её разглядывать.

— Но теперь — то ты голодна?

Дрожь пробежала по её телу, когда она вдруг поняла, что он имеет в виду вовсе не еду. Фэллон даже не знала, что ему на это ответить.

— Я думаю, что если бы ты приняла предложение виконта Ханта, у тебя сейчас были бы свои собственные слуги, которых ты позвала бы среди ночи, и они бы устроили для тебя шикарный банкет! — Девушка слышала насмешку в его голосе и гордо вздёрнула подбородок.

— Не сомневайтесь, именно так бы я и поступила!

Он скользил по ней своим тёмным пристальным взглядом, в котором не возможно было что — либо прочесть.

— Конечно, как и любая жена лорда, ты должна была бы разрешить ему полакомиться твоим телом в обмен на тот титул, который ты бы приобрела.

То, как Дамон прошёлся по ней взглядом сверху вниз не оставляло сомнений в том,

какие распутные вещи он имел в виду.

— Вы специально грубите мне? — Спросила она холодным тоном.

Господи, как же она устала! Устала бороться. Казалось, всю свою жизнь, с тех пор, как отец покинул её, она изо всех сил пыталась выжить.

— Я всего лишь сказал правду. Конечно, ты могла бы спокойно пойти к нему на работу за то жалованье, что он предложил, — он закивал головой в подтверждение своих слов. — По крайней мере, тогда бы ты смогла совершать набеги на кухню в любое время ночи, и тебе бы не пришлось делить свою постель с этим замечательным лордом.

— Да уж, такое предложение звучит более привлекательно, — согласилась она. Но то, в каком положении она находилась сейчас, нравилось ей куда больше. Фэллон разрешила себе помечтать ещё немного, вспомнив горячий поцелуй Доминика, который он подарил ей, пока они были в кладовой. Она и не думала, что мужчина может заставить её испытывать те чувства, которые пробуждал в ней герцог. С ним она чувствовала, что дрожит от страсти и сгорает в огне желания одновременно.

Девушка не знала, какие ещё условия заключались в предложении Ханта, но она не стала бы требовать большего, ведь главное для неё — это обрести независимость. Хант пообещал ей жизнь без забот. Но разве такое возможно? Неужели она наконец — таки нашла тот дом, о котором всегда мечтала? Стоит только протянуть к нему руку... Фэллон вдруг почувствовала горечь во рту. Ей нужно всего лишь взять предложенные ей деньги. Деньги, покрытые чужой кровью.

Не говоря ничего, она надменно приподняла подбородок и спокойно выдержала пристальный взгляд Доминика, стараясь не показывать, как сильно его присутствие пугает её. На кухне воцарилась гробовая тишина. Когда он навис над ней, словно скала, у неё перехватило дух.

Она должна бежать. Сейчас. Сегодня. Всегда.

— Возможно, сейчас самое время обсудить то, что тебя беспокоит?

— Беспокоит? Меня?

Герцог смотрел на неё с интересом, склонив голову на бок:

— Да, расскажи мне.

Гордо распрямив плечи, она произнесла:

— Я, конечно, очень ценю, что вы позволили мне остаться служанкой в вашем доме... — сделав небольшую паузу, девушка продолжила: — С вашей стороны это было более чем...

Дамон махнул рукой:

— Не трать понапрасну своё и моё время. Что тебе нужно?

— Рекомендательное письмо!

Он резко изменился в лице:

— Зачем?

— Мне нужно уйти... Чтобы двигаться дальше...

— Стоит ли мне обратить особое внимание на твою склонность одеваться как мужчина и выдавать себя за камердинера?

Его замечание привело Фэллон в крайнее смущение. Неужели он теперь всегда будет вспоминать это при ней? Конечно, будет.

Пока она живёт с ним под одной крышей, её поступок всегда будет стеной стоять между ними.

— Давайте будем честны друг с другом, ваша светлость! Это не поможет нам решить мою проблему.

— Тебе не поможет, — поправил он.

Её мысли вернулись к тому поцелую в кладовой. Фэллон первая начала этот поцелуй. В отличие от той близости, что была между ними в карете. Или в комнате камердинера после того, как она приняла ванну. В кладовой именно она преодолела последний дюйм и прижалась к нему своими губами. Бесстыдница! Девушка боялась, что снова не сможет устоять. Он ведь предупредил, что ей не стоит здесь оставаться. Что он хочет её.

— Нам не поможет, — в конце концов ответила она.

Герцог качнулся на каблуках, впившись в неё своим стальным взглядом.

— О, так ты, оказывается, беспокоишься и обо мне тоже? Как мило.

— В благодарность можете дать мне письмо.

— А почему бы не попросить Ханта? Он будет рад оказать тебе услугу. И, кроме того, вся его семья очень тебе благодарна. Учитывая всё это, почему бы тебе не принять его предложение?

— Мне от него ничего не нужно.

— Вот как, — Дамон кивнул, как будто мог понять её, как будто видел её насквозь, — никогда бы не подумал, что ты так жестока и упряма.

— Я не жестокая! И не упрямая!

— Разве нет? А я думаю, что да. Иначе, почему ты наказываешь Ханта за грехи его отца? Даже если сама страдаешь от этого!? Жестокость и упрямство!

Фэллон стиснула зубы. Ей очень не понравилось то, что сказал герцог... тем более, что сказал он чистую правду.

— Могу я получить письмо? Да или нет?

Он повернул голову, будто обдумывая свой ответ, затем резко и решительно сказал только одно слово:

— Нет!

— Нет?

— Нет, — повторил он самым любезным тоном, на который был способен. — Поступив подобным образом, ты только усложнишь себе жизнь, отказавшись от того, что ждёт тебя здесь. Не очень разумно с твоей стороны.

Фэллон тряхнула головой. Его отказ заставил её почувствовать себя, словно запертой в клетке. Словно её лишили всех планов и надежд на спасение. Её безрассудные мысли вернулись к тому моменту, когда она осталась обнажённой наедине с герцогом. Его губы ласкали её. Как и его руки. Как чувственно его пальцы сжимали её бёдра, когда она скользила вдоль его тела!

Девушка никак не могла стереть это из своей памяти. Не могла доверять даже самой себе. С тех самых пор, как Дамон разбудил в ней женщину, при каждом удобном случае целуя её, лаская её и заставляя плавиться при помощи всего лишь взгляда. И она была не против. Если так будет продолжаться и дальше, она окажется в его постели ещё до конца этой недели.

Фэллон окинула кухню взволнованным взглядом. Они были совершенно одни. Её сердцебиение участилось, отдаваясь тяжелым стуком в ушах.

Ты сильно рискуешь.

Её охватило стремление убежать, испариться. Девушка попыталась пройти мимо него.

Его руки окружили её, и он прижал её к краю стола.

— Дайте мне пройти, — измученно произнесла она, чётко выговаривая каждое слово по отдельности.

Герцог пристально посмотрел на неё. Желваки на его лице стали сокращаться в бешеном темпе.

— Ты никуда отсюда не уедешь, — его слова прозвучали грубо и жестоко.

Пульс на её шее застучал быстрее при виде дикого зверя, желавшего её тела... точно так же, как и она желала его.

— Я не принадлежу тебе. Ты не сможешь удержать меня здесь! — Фэллон втянула в слишком сильно сдавленную грудь глоток спасительного воздуха. — Не нужно мне ваше рекомендательно письмо! — Она произнесла последнюю фразу с большей бравадой, чем следовало бы, гордо вздёрнув свой подбородок. Без рекомендаций ей не стоит питать больших надежд на то, что сможет получить достойное место работы. Разве что в заведениях с не слишком хорошей репутацией.

Но это лучше, чем подчиниться ему и потерять свою гордость. Потерять себя.

— Упрямая девчонка! — Прорычал Дамон. — Неужели в тебе нет никакого стремления сделать свою жизнь проще?! Почему ты всегда выбираешь самый сложный путь? Не хочешь брать тех денег, что оставил тебе старый лорд Хант? Отлично, не бери. Но по край ней мере здесь тебе гарантирована безопасность, глупая дурёха! — Он мотнул головой в сторону входной двери. — А там ты даже не представляешь, какие беды будут поджидать тебя на каждом шагу.

— Безопасность? — Фыркнула она, думая о том, как нерешительно она чувствовала себя при нём и о том, что все слуги смотрели на неё, словно на прокажённую. Девушка едва ли могла чувствовать себя в безопасности.

— Да, безопасность, — он отступил на шаг назад. — И даже больше, если пожелаешь.

— Больше? — скептически переспросила она. — Что, например?

В его взгляде из — под прикрытых тёмных ресниц промелькнул странный блеск. Намёк на чувство. Уязвимость. Чувство, которого Фэллон совсем не ожидала от него. Но этот блеск в его глазах внезапно пропал, словно тление угольков, опущенных под ледяную воду. Герцог опять смотрел на неё взглядом, в котором не возможно было ничего прочесть.

Его губы приоткрылись:

— Например, ты могла бы получить меня.

Её сердце сжалось, когда она услышала приглашение в его голосе. Чувство восторга жарким теплом разлилось по её груди.

Чувство опасное и приятное. Восторг, которого ей не следует испытывать. Она не может быть с ним.

А он, тем более, не может быть с ней.

— Это невозможно.

— Почему же? — Дамон скривил губы, а возбуждённый взгляд внезапно приобрёл оттенок серого неба, которое можно наблюдать перед бурей. — Потому что это оскорбляет твою чувствительную натуру?

— Мы не можем принадлежать друг другу. Вы — герцог. Я — служанка, — она сглотнула, увидев, как утрюмо он нахмурился. — Мы даже не нравимся друг другу.

При этих словах герцог мрачно рассмеялся, и звук его смеха, словно пройдя сквозь неё, заставил всё её тело покрыться мурашками.

— Сейчас ты можешь сколько угодно притворяться, что между нами ничего нет. Интересный ход. Но совершенно не сложно доказать обратное.

Дамон придвинулся к ней ближе, вплотную прижав её к своей груди, принуждая лечь спиной на стол.

— Ч — ч—что вы делаете?

Он послал ей решительный взгляд.

— Доказываю обратное. Если мне бросают вызов, я всегда его принимаю...

— Нет, — возразила Фэллон, отрицательно качая головой в отчаянии. — Я не имела в виду...

— Слишком поздно, — произнёс он. Его возбуждённый лихорадочный взгляд остановился на её губах. — Я намерен продолжить то, на чём мы остановились в кладовой.

Её грудь приподнялась при резком выдохе.

— Вы обещали, что в вашем доме я буду в безопасности.

— Я, кажется, забрал назад свои слова, когда мы были в моей карете. — Всё ещё разглядывая её губы, он смущённо добавил: — Ведь тогда я не принял во внимание, что не смогу защититься от тебя.

— Меня? — пропищала она.

— Ты слишком соблазнительна, — он пожал плечами. — Поэтому я передумал. Я никогда не отличался благородством.

— Как это удобно, — выдохнула девушка, выгнувшись спиной над столом. В её сознании возникли образы всех тех женщин, что были в его жизни с тех пор, как она впервые встретила его.

— Я тебя предупреждал.

— Но чтобы утолить ваш голод, я вам совсем не нужна. Вы с лёгкостью можете найти ещё много девиц, страждущих вашего внимания, и оставить меня в покое. Хотите, я позову одну из них? Может быть, вы забыли их имена? Селеста, Грейси, Дженни. Признаюсь, даже я не смогу вспомнить имена тех двух девушек, которые были с вами в карете той ночью, когда мы с вами впервые встретились, но я, конечно же, могу попытаться...

— Ты, как всегда, со своими пошлыми замечаниями, — его пристальный взгляд переместился с её глаз на губы. — Не удивительно, что ты постоянно попадаешь в беду. Похоже, с прошлых мест работы тебя увольняли заслуженно.

При этих словах Фэллон едва не задохнулась от ярости. Не удивительно, ведь её как раз страшило то, что в них была изрядная доля правды, и что из — за своей дерзости она будет не способна удержать свою должность.

— И возможно, — произнесла девушка, стремясь ударить герцога по самому больному месту, — ваш дедушка абсолютно прав по поводу вас.

Его взгляд потемнел. Он, застыл, крепко прижимаясь к её телу.

— Будь осторожна. Ты и понятия не имеешь, о чём говоришь.

Однако она не могла держать свой язык за зубами, не могла сдержаться, чтобы не обвинить его в том, в чём обвинял его дед, причём точно теми же словами и тем же язвительным тоном:

— Наверное, ты и есть дьявол.

Затем Дамон резко дёрнулся, крепко схватив её за затылок, грубо зарывшись пальцами в её волосы и приблизив её лицо практически вплотную к своему.

— Тогда почему ты ведёшь себя как дура? Играешь в игры с таким человеком как я —

самим дьяволом?!

Её сердце в испуге сжалось в груди. Фэллон подумала, что на самом деле вела себя как последняя дура. Она пыталась заговорить, но слова застревали в её горле.

— А вы? Вы всё ещё не наигрались мною?!

Он прижал её своими бёдрами, захватив нижнюю часть её тела в ловушку между столом и его твердокаменным телом.

Ей стало трудно дышать. Жгучее желание растеклось по её телу. Девушка рукой нащупала позади себя несколько чашек и оттолкнула их в сторону. Что — то ещё попало ей под руку. Только подняв предмет вверх, она в последний момент увидела, что это просто толстая деревянная ложка.

«Замечательно!» — с иронией подумала она.

К сожалению, Фэллон не смогла найти более тяжёлого кухонного предмета. И она ударила герцога этой ложкой по голове.

Шлепок его руки по её пальцам эхом отозвался по кухне. Его раскатистый смех раздался в воздухе, становясь всё громче и приводя её в бешенство. Его пальцы крепко сжимали её запястье до тех пор, пока девушка наконец не выпустила из рук своё импровизированное оружие.

Дамон раздражённо посмотрел на ложку.

— Это кажется так глупо со стороны. Ну и что ты собиралась с помощью неё сделать? Сварить мне суп?

— Нет, я надеялась проломить вам череп!

Его губы растянулись в хищную ухмылку. Фэллон заметила его внушительные крепкие руки по обеим сторонам от неё.

Как же легко он поймал её в ловушку между собой и краем стола! Она снова посмотрела на него и на этот раз не смогла отвести свой взгляд. Постепенно девушка успокоилась и перестала бороться, забыв о тех причинах, из — за которых старалась держаться от него подальше.

Всё, о чём она сейчас могла думать — это его глаза. Его лицо. Его губы.

Дамон чуть ослабил хватку, но, поворачивая её ближе к себе и продолжая крепко держать за волосы, он настойчиво заставил её отклонить голову назад. Её дыхание участилось. Она громко выдохнула, когда их лица оказались на одном уровне, и грубая колючая щетина царапнула нежную кожу её щеки.

— Ты думаешь, что если уйдёшь, то сможешь забыть меня? — когда его тёплое дыхание коснулось её уха, Фэллон вздрогнула. Всё сжалось у неё внутри. Забыть?

Нет. Она никогда не сможет сделать это. Но ей не обязательно выбрасывать его из своей памяти. Ей нужно только убежать.

Девушка вдыхала воздух маленькими глотками, пытаясь успокоить бешено грохочущее сердце, и тряхнула головой, отчего очутилась ещё ближе к герцогу. Её пульс участился до бешеного ритма, а сердце стучало, словно отстукивая барабанную дробь. Край стола жёстко упирался в заднюю часть её бёдер.

Фэллон от удивления резко втянула в лёгкие воздух, когда он сжал руками её талию и посадил на стол. Затем Дамон расположился между её бёдрами, как будто это была самая правильная вещь на свете. По крайней мере для него уж точно. Странно, но ей самой эта страсть казалась самой правильной вещью на свете.

Хотя разумом она понимала, что поступает нехорошо. Неправильно. Но все мысли

улетучились, когда его руки переместились с талии и забрались ей под юбки. Схватив их за края, герцог одним резким движением рванул их вверх. Его пальцы начали нежно ласкать её подрагивающие бёдра, оставляя на них жгучие следы. Перестав дышать, Фэллон исторгла стон наслаждения. Сейчас только лишь чувства управляли ею. Желание охватило всё её тело с головы до пят.

Дамон сжал её бедро своей сильной рукой, опалив жаром напряжённую плоть.

Их губы соприкоснулись, и он целовал её до тех пор, пока её руки безвольно не упали на стол и ладони не распластались по его плоской поверхности. Его руки задвигались. Сначала герцог лихорадочно начал снимать с себя брюки. Затем медленно развёл её бёдра в стороны. Послышался звук рвущейся ткани. Его руки нежно гладили её плоть, играли с ней. Между складками лона он нашёл её клитор и стал дразнить, тереть и ласкать его до тех пор, пока тело девушки в страстной агонии не изогнулось под его пальцами.

Жалобно всхлипнув, Фэллон оторвала бёдра от стола, стараясь прижаться ближе к его руке. И тут его палец проскользнул внутрь влажной шелковистой щели, медленно лаская и растягивая её лоно, пока низкий возбуждённый стон не вырвался из её горла.

И Дамон проглотил этот стон, впившись губами в её рот. Как будто пытаюсь утолить жажду, он углубил поцелуй, и их языки сплелись в таинственном танце.

Девушка протестующе застонала, когда он убрал палец. Её бёдра стали извиваться, требуя большего. Её лоно горело, сладостно ныло и сжималось, нуждаясь в том, чтобы быть заполненным...

Герцог с разочарованным стоном оторвал от неё свои губы. Их дыхания смешались, образуя тёплый пар. Он прислонился своим лбом к её лбу, его ищущие, исследующие глаза стального оттенка прочли в её немигающем взгляде то, о чём всё это время кричало её тело. Да! Да! Да!

Затем Фэллон ощутила, как какой — то предмет проникает в её лоно. Вторгается в неё. Он был больше и гораздо мощнее, чем палец, недавно исследовавший её лоно. Волнующий. Пугающий. Стремительный.

Она застонала от жгучего наслаждения, внутренние мышцы лихорадочно сокращались.

Он проникал в неё всё глубже и глубже, пока наслаждение не сменилось внезапной болью.

Моргнув, девушка попыталась отстраниться. С рычанием Дамон сильнее стиснул руками её бёдра, не давая ей сделать это. Всё ещё держа её, он рванулся вперёд, совершив, наконец, решительный толчок и на всю длину погрузив в неё свой член. Теперь он сладостно пульсировал внутри её лона.

Фэллон вскрикнула, когда ощутила неожиданную острую боль, и попыталась освободить свои руки, но Дамон одной своей рукой накрепко пригвоздил их к столу. Проклиная его, она старалась высвободиться из его объятий.

Герцог положил другую руку ей на затылок. И снова впился поцелуем в её губы. Жадно. Страстно. Он целовал её до тех пор, пока боль не утихла и не исчезла совсем. Затем плоть между её бёдрами заняла от неутолённого желания, и она запульсировала в такт с находившимся в её лоне членом.

Он задвигался, выходя из неё, чтобы потом вновь проникнуть в сладостную нежность её центра сладострастия. Она нечеловеческим голосом издала тихий мяукающий звук. Теперь девушка испытывала странное чувство, которое словно сжигало её изнутри. Её бёдра сами собой раздвинулись шире и приподнялись над столом, повинувшись неведомому ей инстинкту.

Дамон остановился и с таким неистовством впился в её губы, что она перестала их ощущать. И совсем перестала дышать. Казалось, ей не нужен воздух, пока он рядом. Ей больше ничего не нужно. Кроме него... Его губ... Его рук... Его тела, слитого с ней воедино.

Его рука переместилась на её грудь. Герцог погладил одно из полушарий сквозь платье, нашёл сосок и стал ласкать и сжимать его, пока он не превратился в твёрдую горошину и не занял, туго обтянутый тканью платья. Даже когда Фэллон почувствовала влагу меж своих бёдер, он всё ещё не двигался.

Девушка извивалась под ним от неимоверного желания, томные, отчаянные стоны срывались с её губ.

Зарывшись пальцами в его волосы, и грубо стискивая пряди, она приблизила его лицо к себе. Он наградил её едва уловимыми круговыми движениями, стараясь стимулировать самую чувствительную точку её лона. Лихорадочно всхлипывая, Фэллон оторвала от него свои губы и жалобно вскрикнула. Она согнула ноги в коленях, приподняла их и обвила его бёдра своими лодыжками.

— Пожалуйста! — умоляла девушка, извиваясь под ним.

Герцог уставился на неё своим взглядом — серебряным, как лунный свет, струящийся из окна над ними.

Ещё не зная, зачем это делает, она стала самопроизвольно сокращать свои внутренние мышцы вокруг находящегося внутри неё члена.

Застонав, Дамон прислонил голову к изгибу у основания её шеи и начал двигаться. Стремительно и быстро, вторгаясь в её недра и выходя наружу, повторяя это в бешеном и жестоком ритме. И все равно она хотела большего. Она хотела его всего. Фэллон отклонила голову назад и громкий крик сорвался с её губ, но он заглушил его поцелуем. Вдруг что — то словно взорвалось у неё внутри.

Волны удовольствия нахлынули одна за другой. Она задрожала, когда он стал быстрее проникать в неё, их тела, соприкасаясь, издавали такие волнующие и грубые звуки, о которых она раньше и понятия не имела. С дрожью и глухим стоном Дамон кончил, изливая своё семя глубоко в неё.

Задышавшись от пережитого волнения, девушка зарылась пальцами в его волосы и притянула его голову плотнее к себе. И тут до неё дошло. Демонический герцог только что занимался с ней любовью на поверхности кухонного стола. И каждый момент их соития приводил её в восторг.

Слабая дрожь всё ещё сотрясала её тело, но остатки желания постепенно покидали его. Когда Дамон поднял голову вверх и их взгляды встретились, она нервно содрогнулась. Он до сих пор находился внутри неё, и Фэллон чувствовала, как пульсирует и вздрагивает его плоть. Ощущение было как будто далёкое от реальности, сверх опьяняющее. Словно они стали одним существом. Слились воедино. Связью, о которой она никогда не знала раньше. По выражению его глаз, девушка поняла, что ему так же как и ей не хочется прерывать эту связь.

В течении нескольких минут они лежали, не двигаясь, только их грудные клетки то поднимались вверх, то опускались вниз, пытаясь уравновесить дыхание. Смотря ему прямо в глаза, Фэллон пропускала сквозь пальцы шелковые пряди его волос и безумно мечтала о том, чтобы ей не нужно было шевелиться и чтобы магия этого мгновения могла длиться вечно. Ощувив душевную муку, она закрыла глаза. Этому желанию не суждено свершиться.

Должно быть, Дамон подумал о том же самом. Его губы вытянулись в прямую линию, и

он поднялся, оставив её тело в покое. Она чувствовала себя совершенно опустошённой. Как и раньше. Только на этот раз кое — что изменилось.

Теперь она знала, что значит ощущать на себе его ласки и обнимать его так крепко, что терялось представление о том, где заканчивается его тело и начинается её. Знала, что значит по — настоящему чувствовать его. Чувствовать внутри себя. Распутный герцог. Мужчина, который никогда не будет её.

Но которого она всегда будет желать.

Пока Доминик быстро приводил в порядок свою одежду, он не переставая смотрел на неё. Взяв девушку за руку, герцог помог ей спрыгнуть со стола. Очутившись на абсолютно неустойчивых ногах, она покачнулась.

Доминик проклинал себя за то, что взял её прямо на кухонном столе, словно какой — то полоумный ублюдок. Она же была девственницей, чёрт возьми! Девственницей! Она заслуживала большего. Лучшего. Он спокойно мог дать ей это. Герцог попытался отобразить в своём взгляде то, о чём сейчас думал... но он не вымолвил и слова в качестве извинения. Будучи безнравственным человеком, он не жалел, что занялся любовью с ней. Остальное — не важно. Девственница или нет. На кухонном столе или нет. Полоумный ублюдок или нет.

— Пойдём, — пробормотал он, выводя её из кухни. Фэллон без сопротивления, по собственному желанию следовала за ним. Не задавая вопросов. Удивляясь своему поведению. Он молча вёл её по лестнице для слуг, сквозь пустые коридоры, то мерцающие в ярком свете луны, то погружающиеся в темноту. Они направлялись напрямик в его спальню.

В шаге от своей постели Доминик развернул её лицом к себе. Желудок его сжался, когда девушка уставилась на него своими большими янтарными глазами. Одна прядка волос цвета красного заката упала ей на лоб. Он убрал её назад, и его большой палец ласково погладил её щёку. Она наклонила голову, крепче прижимаясь к его руке.

— Что ты делаешь со мной? — прошептал он.

И герцог начал медленно раздевать её, целуя каждый обнажавшийся дюйм тёплой кожи. Фэллон вздрогнула, находясь под натиском его губ и рук. Раздев её догола, Доминик мягко опустил её на кровать. Она растянулась на белоснежной простыне, на фоне которой он увидел самую соблазнительную на свете кожу — светлого персикового оттенка. Тело, созданное из тонких линий и плавных округлостей. Герцог с трудом отвёл от неё свой взгляд, отвернулся и направился к умывальнику. А когда вернулся, развёл её ноги в стороны и точными движениями вытер мокрой губкой кровь с её бёдер. Не сдержавшись, он снова начал ласкать её сливочно — белую кожу там, что заставило её глубоко втянуть в себя воздух.

Фэллон выгнула спину, оторвав её от кровати и издав блаженный стон. Опуская вырез платья всё ниже и ниже, он начал жадно касаться её до тех пор, пока она не стала лихорадочно извиваться под его пальцами. Доминик поспешно сорвал с себя одежду, лёг к ней на кровать и навис над ней.

Его руки блуждали по её бёдрам.

— Как же я мечтал об этом, — пробормотал он между поцелуями, которые он горячей дорожкой прокладывал вдоль её икр и бёдер.

Она звонко захихикала, когда его губы задели чувствительную кожу под коленкой. Когда Доминик слышал этот милый звук, его сердце словно перевернулось в груди. Он схватил ладонями сначала одно её колено, затем другое и начал беспощадно щекотать, наслаждаясь её заливистым смехом. У него защемило в груди, и он поклялся себе сделать всё возможное, чтобы слышать этот звук как можно чаще. Извиваясь под ним, Фэллон схватила его за руку в попытке предотвратить пытку. Его рука оказалась так близко к её грудям, что смех внезапно затих. Тогда она решительно заглянула ему прямо в глаза. Её большой палец круговыми движениями гладил его ладонь, скользя по неровной грубой линии находящегося

там шрама. Доминик вздрогнул. Она стала внимательно разглядывать внутреннюю часть его кисти. Его горло сжалось, когда он увидел, как она рассматривает метку, напоминавшую ему о его привилегированном детстве.

Проведя пальцами вдоль линии шрама, она выгнула свою красновато — коричневую бровь.

— Откуда он у тебя?

— Да так, ерунда. Отметина, оставшаяся ещё с детства.

Она удивлённо приподняла бровь выше. Вопрос словно стеной повис в воздухе между ними. Тяжело вздохнув, он понял, что не может не признаться ей:

— Мой дед как — то оставил меня на попечение одной беспощадной няньки. Это наказание за игру в карты с Хантом и ещё парочкой крепких парней.

Когда Доминик вспомнил тот случай, его губы изогнулись в кривой усмешке. И он спросил себя, что же такого было в этой девушке, что вдруг заставило его откровенничать с ней?! Он никогда и никому не рассказывал об этом случае из далёкого детства. Потому как изо всех сил старался забыть. Он ни с кем не делился своими секретами. До сегодняшнего дня.

— И он позволил ей бить тебя?

Доминик до сих пор помнил то холодное выражение на лице деда, когда показал ему свои увечья, доставшиеся ему от рук безжалостной миссис Пирс. Хотя он и не одобрил её поступок, но не сделал ничего для того, чтобы эта женщина покинула Вэйфилд — парк.

— Старик презирает азартные игры. Возможно, он и думал, что раскалённая кочерга прошла по моей руке слишком жестоко, но он считал, что у миссис Пирс были на то веские основания, — он мрачно улыбнулся. — К тому же, он очень не хотел, чтобы я стал жертвой карточных игр, подобно моему отцу.

Она резко выдохнула:

— Сколько тогда тебе было лет?

— Девять.

— А ты после этого случая когда —нибудь снова играл в карты?

Он ухмыльнулся:

— Всё время, как только выдавался случай.

С невероятной нежностью она прижалась губами к его ладони, оставляя дорожку из поцелуев вдоль его шрама. И этот жест свёл его с ума.

Он схватил девушку за затылок и впился в её губы жадным страстным поцелуем. Доминик подмял её под себя, устроился поудобнее меж её бёдрами и вошёл в неё одним резким толчком.

И он задвигался внутри неё, но уже не так нежно и мягко, как раньше. Герцог так сильно желал её, что занимался с ней любовью далеко не так ласково и нежно, как намеревался и как Фэллон того заслуживала.

Но она не возражала. В безудержной страсти девушка оставляла отметины от своих ногтей на его спине. Она принимала его, жадно сжимаясь вокруг его плоти, словно тугая перчатка, которая не хотела отпускать, и тогда он задвигался быстрее, сильнее; пытаясь забыть прошлые раны, о которых она сегодня напомнила ему, пытаясь забыть обо всём на свете, кроме неё самой и того, как идеально их тела подходили друг другу.

Фэллон осторожно убрала со своей талии сильную руку Доминика. Опустив её на постель рядом с собой, девушка выбралась из самой удобной кровати, на которой она когда

— либо спала, и стояла, разглядывая его. Теперь всё кончено. Эта ночь — совершенно превосходная и абсолютно безумная — подошла к концу. Она знала, что так произойдёт. Так должно было произойти.

В щели между занавесками цвета индиго было видно, что ночь уступает место рассвету.

Как только его рот нашёл её губы, она поняла, что не сможет сопротивляться и будет подчиняться всепоглощающему желанию, которое разгоралось в ней, стоило ему оказаться рядом. Но этого больше не повторится. Сегодня был последний раз, когда Фэллон позволила себе забыть, кем она является. И кем является он.

Несомненно, теперь Доминик потеряет к ней всякий интерес, и она может и дальше жить своей обычной жизнью, накапливая деньги в ожидании того дня, когда сможет оставить работу прислуги далеко позади. Навсегда. Как бы то ни было, на самом деле это решение болью отозвалось в её сердце. Сейчас она может вернуться к своим обязанностям, не боясь, что потеряет работу. Или, может быть, теперь он, наконец, даст ей рекомендации? Теперь она герцогу точно не нужна. Потому как он получил то, чего хотел.

Фэллон быстро одевалась, пристально разглядывая его нагое тело с головы до ног, жадно впитывая его образ. Эти воспоминания будут согревать её душу в будущем.

Тяжело вздохнув, она застегнула последнюю пуговицу, отвернулась, и в спешке покинула его комнату, направляясь к себе, чтобы рано просыпавшиеся слуги не заметили её.

Ночь закончилась.

И полный рабочий день ждал её впереди.

С тех пор как солнечные лучи стали пробиваться сквозь щель между занавесками, возвещая о наступлении утра, Доминик постоянно бросал угрюмые взгляды на свою опустевшую постель. Он быстро оделся. Герцог думал, что, проснувшись, увидит рядом с собой прижимающееся к нему тёплое тело Фэллон. У них всё впереди. Они ещё часто будут просыпаться по утрам вместе, думал он в течение ночи. Он никогда раньше не намеривался обзавестись любовницей, но с Фэллон это казалось естественным решением. И единственно верным. Доминик не выдержит, если она продолжит работать на него в качестве служанки. Не станет он и терпеть её исчезновения из его постели по утрам.

А в случае, если она вдруг надоест ему, в чём он, конечно, сомневался, учитывая, что события прошлой ночи были всё ещё свежи в его памяти, — он выделит ей удобный участок земель в своём поместье. Ей никогда не придётся снова работать. И это будет устраивать их обоих. Вдруг на его лице заиграла улыбка... Счастливая улыбка. Жизнерадостная. Чувства, которые Доминик когда — то испытывал, но теперь забыл, снова наполняли его. Интересно, кому —нибудь когда —нибудь приходила в голову мысль, что герцог заведёт себе любовницу? Это было бы похоже на настоящую семейную жизнь, которой у него никогда не было. И вряд ли появится.

Испытывая непреодолимое желание поскорее найти Фэллон, он распахнул дверь и выбежал из своей спальни. Когда герцог, словно смерч, пронёсся сквозь помещения для слуг, те уставились на него во все глаза. Служанки, завидев его, вскрикнули и прижались вплотную к стене. Несомненно, их раннее утро началось с неожиданного события, ведь Дамон почти никогда не просыпался до полудня.

Вдруг он увидел её заворачивающей за угол, в руках девушка держала целую гору простыней. Фэллон застыла как вкопанная, когда заметила его. На ней была надета униформа прислуги — юбки серого цвета выглядывали из — под повязанного вокруг талии белого передника. Это совсем не то платье, которое он всего лишь несколько часов назад разорвал в клочья и, скомкав, сбросил на пол у своих ног. И этот проклятый белый чепчик снова покрывал её голову. Он протянул руку, чтобы выдернуть из её волос этот отвратительный кусок материи.

Гневный взгляд девушки метнулся к слугам, почтительно склонившим свои головы. Гордо выпрямив спину, она вновь посмотрела на него. Её глаза янтарного оттенка пылали яростью. В них Дамон чётко и ясно прочёл предупреждение. Он нахмурился, отвергая молчаливое послание. ОН здесь хозяин и правитель. Пошлой ночью они СТАЛИ любовниками, и Доминик не собирался вести себя, словно ничего не произошло.

— Фэллон.

Она порозовела, когда услышала, как интимно и бесцеремонно он обратился к ней по имени.

Слуги захихикали. Доминик бросил на них испепеляющий взгляд.

— Я уверен, что у вас есть обязанности, требующие вашего присутствия в другом месте! Как муравьи, прячущиеся от шторма, они в мгновение ока покинули помещение.

Гордо вздёрнув подбородок, Фэллон попыталась прошмыгнуть мимо него и покинуть холл, как будто была одной из обыкновенных горничных, а не девушкой, которую он недавно

лишил девственности на кухонном столе. Герцог схватил её за запястье и резко развернул лицом к себе.

Её тёмные брови практически сошлись на переносице, когда она посмотрела на него поверх аккуратной стопки простыней и, выдохнув, раздражённо шепнула:

— Какого чёрта ты о себе возомнил?

— Лучше поставить вопрос иначе: какого чёрта ты здесь делаешь?

Даже не смотря на то, что они остались одни, она продолжала разговаривать рассерженным шёпотом.

— А на что это похоже? Я, кажется, выполняю свои обязанности!

— Обязанности?!

— Да! Я горничная. Нужно же мне как — то зарабатывать на жизнь, — её ресницы взволнованно затрепетали, тем самым Фэллон дала ему понять, что между ними действительно что — то есть... Нечто большее, помимо тех отношений, которые обычно складываются между работником и работодателем.

Когда девушка вновь заговорила, её губы дрожали. И голосом, ещё тихим, чем раньше, она произнесла:

— Несмотря на прошлую ночь. Я была и остаюсь служанкой.

— Но тебе не обязательно продолжать работать! — Настаивал Доминик, крепче сжимая свои пальцы вокруг её запястья. Ощущая под своей ладонью мягкость ткани её униформы, он думал, как же ему ненавистна это чёртово платье. Он безумно хотел разорвать его, и завернуть тело Фэллон в шелка и нежнейший атлас. Или ещё лучше — оставить её совсем без одежды, абсолютно нагой и укрытой его собственным телом.

— Для меня важна ты, а не твой статус!

Она перестала гневно смотреть на него и смиренно насупилась.

— Этого не может быть.

— Ещё как может, — герцог облизнул губы и, чувствуя себя, словно зелёный юнец, сделал глубокий вдох: — Стань моей любовницей.

— Любовницей?! — она отпрянула от него. Её глаза расширились, напоминая бездонные озёра. — Так вот, значит, как низко ты обо мне думаешь?!

— Низко? — он выпрямился во весь рост и гордо расправил плечи. — Я — то как раз таки очень высокого о тебе мнения. Иначе не сделал бы подобного предложения.

Её губы вытянулись в тонкую линию.

— Правда? У меня, между прочим, ещё осталось чувство собственного достоинства, поэтому я вынуждена отказать! — Выдернув свою кисть из его цепких рук, она попыталась обойти его. Но он преградил ей путь.

— Ни одну другую женщину я не просил о том, чтобы она стала моей любовницей, а ты ведёшь себя так, словно я нанёс тебе непростительное оскорбление!

Она фыркнула и снова попыталась проскользнуть мимо него, отрицательно качая головой.

— А я — то думал, что девушка в твоём положении с радостью бы... — герцог остановился. Холодный взгляд Фэллон был способен заморозить его на месте.

— Она с радостью бы что? — взорвалась она. — Бросилась бы к твоим ногам в знак благодарности? — она часто закивала головой. — Я думаю, что любая девушка вроде меня наверняка считала бы, что ей крупно повезло. Любая бы на моём месте с радостью ответила бы «Да».

— Не говори так...

— Нет, это ты не говори! — отрезала она. — Твоё предложение совершенно неприемлемо. Оно ничуть не похоже на предложение руки и... — Она не договорила, но он понял её. Отлично понял.

— Сердца, — мрачно кивнув, закончил он, в горле защемило, словно он только что проглотил что — то горькое и терпкое.

— Это твоя цена?

— Я не продаюсь, — прошипела она.

Он отрицательно покачал головой.

— Я никогда не предложу этого ни одной женщине... Не важно, как сильно она ни была бы мне...дорога.

Он не может. У него нет сердца, которое он мог бы отдать. Оно давно умерло.

— А я и не ожидала от тебя ничего подобного.

Он молчал и совершенно расстроено разглядывал её. Жгучее желание снова охватило его.

Но отрочество превратило его в бессердечного циника. И как бы хорошо ему сейчас ни было, какое бы нежное тепло ни вселяла Фэллон в холодную оболочку его души, долго это не продлится. И Доминик не станет вынуждать её провести с ним вместе остаток своей жизни, зная, что однажды это тепло угаснет. Временное соглашение — это всё, что он может ей гарантировать.

Разведя руки в стороны, он поинтересовался:

— Тогда чего же ты хочешь?

— От тебя? — грозным тоном спросила она. Румянец покрыл её щёки. — Ничего! Разве что достойную плату за достойную работу.

— Ты собираешься снова работать горничной? Здесь? — его взгляд метнулся к простыням, которые она держала в руках, затем вновь к её лицу. — О Господи, вижу, что собираешься.

Она кивнула и покраснела ещё больше.

— Если ты так спокойно забыла о том, что было между нами прошлой ночью, так позволь я тебе напомню... — с этими словами и с яростью ребёнка, раздражённого гневом, он выхватил простыни из рук Фэллон и рывком притянул к себе. Он застонал, когда его губы коснулись её мягкой щеки, кожа которой сразу затрепетала, ощутив его ласку.

— Неужели ты думаешь, что мы сможем и дальше вести себя, словно ничего не произошло?

Ощущая её тело рядом, Доминик понял, что сам он — уж точно не сможет. И будь он проклят, если не сумеет доказать ей, что и у неё не получится забыть его.

Девушка просунула руку между их телами и оттолкнула его, высвобождая себя из его объятий. Он наступал на неё, крепко стиснув зубы. Она предупреждающим жестом вытянула руку вперёд.

— Ни слова больше. Мы БУДЕМ вести себя так, словно вчерашней ночи не было вообще.

Несмотря на её слова, он понял по тому, как Фэллон опустила взгляд, что она не была настолько уверенной, насколько хотела показаться. Присев, она трясущимися руками подняла с пола простыни, неотрывая глаз от них. Как будто ей было невыносимо трудно смотреть ему прямо в глаза. Выпрямившись, девушка всё — таки выдержала его

пристальный взгляд с холодным достоинством, присущим самой королеве. В её глазах нельзя было прочесть ни отблеска сомнений или неуверенности.

— Я хочу просто начать новую жизнь. Позволь мне работать у тебя до тех пор, пока я не накоплю достаточную сумму, чтобы купить свой собственный дом.

— Дом?

— Тебе не понять. Для тебя это обычное дело — иметь несколько домов. А мне нужен всего лишь один, но в котором я смогу почувствовать себя в безопасности.

— Я могу дать тебе дом.

— Но он всё равно будет твоим.

— Ты его заработаешь.

Краска залила её щёки снова.

— Заработаю, но своими силами.

— Теми силами, которыми ты вчера ублажала меня? Кажется в тот момент, ты не нашла в этом ничего предосудительного.

Она покраснела ещё больше, если такое было возможным.

— В таком случае я буду не лучше любой другой шлюхи, которой хорошо платят за её так называемую «работу»! — Фэллон сделала глубокий вдох. Прижав руку ко лбу, она потёрла его, как если бы её голова раскалывалась от боли. — Всё, хватит. Пожалуйста! Прошлая ночь была замечательна, но она закончилась.

Закончилась. Это слово словно повисло в воздухе в течение нескольких утомительно долгих минут, прежде чем она добавила: — Вокруг бесчисленное множество женщин, которые сходят по тебе с ума, не так ли?

Чувство гнева завладело им. Неужели она сама толкает его в объятия других женщин?

Доминик был абсолютно уверен, что подобное происходит с ним впервые.

Обычно женщины всегда страстно вожделели его и хотели всецело обратить на себя его внимание, и совершенно не имели никакого желания делить герцога с другими женщинами. И не важно, что он никогда не кормил их ложными обещаниями или предложениями, подобно которым он только что сделал Фэллон. Право, женщины такие требовательные и непостоянные! И все они совершенно непохожи на ту, что сейчас стояла перед ним и в глазах которой ясно читался вызов. Её новый довод был для него словно удар кулаком под дых.

— Да, — согласился он. Доминик услышал свой голос, словно издалека, и наконец — то собрав остатки своей гордости, произнёс: — Для меня не составит труда найти другую, которая согласится согреть мою постель. — Он так сильно стиснул зубы, что челюсть заныла от боли.

Фэллон побледнела и, со стойкостью воспринимая его слова, уставилась на него.

— В этом весь ты.

— Да, — он кивнул. — Я позволю тебе вернуться к своим обязанностям. — Повернувшись на каблуках, герцог удалился разъярённой походкой. Будь он проклят, если пойдёт у неё на поводу! Будь он проклят, если даст ей понять, как отчаянно желает снова увидеть её в своей постели.

Её, и только её.

Фэллон глядела ему в спину, и сердце её готово было выскочить из груди. Она закусил губу, подавив желание позвать его обратно и сказать, что принимает его предложение, хоть оно и противоречит всему, во что она верила, всему, чем она являлась.

И всё же идея того, чтобы стать любовницей — его любовницей — не пугала её так сильно, как должна была бы. Она думала о преимуществах этого решения. Искушение. Соблазн. Ежедневно засыпать и просыпаться в его руках. В доме, который он подарит ей. Её собственном доме. Возможное исполнение давно лелеемой мечты вскружило ей голову. Она получит всё сразу: и дом, и герцога.

Но чего ей это будет стоить? Фэллон почувствовала медный привкус крови во рту, и перестала кусать губы.

Тряхнув головой, она быстро вошла в комнату для гостей, чтобы постелить свежие простыни. Девушка поклялась себе забыть те чувства, что Доминик будил в ней всего лишь одним лёгким прикосновением, и всегда помнить, что она всего лишь горничная. Не больше, чем служанка в доме герцога. По крайней мере, до тех пор, пока Фэллон не накопит средств, чтобы купить себе свой дом. Отец воспитывал её не для того, чтобы, повзрослев, она стала любовницей богатого мужчины. Игрушкой, с которой будут играть, пока она не надоест.

Ведь в этом случае Доминик найдёт другую, которая заменит ему Фэллон. Или несколько, если уж на то пошло. Она просто обязана взять себя в руки и не обращать внимания, если увидит его с другой. А вдруг с несколькими? Тем не менее, даже допущение этой возможности причинило ей боль.

Ноги внезапно перестали держать её, и девушка опустилась на кровать, глядя прямо перед собой. Но увидела она совсем не стены, оклеенные обоями. Она увидела себя в будущем. Сражающейся день и ночь за то, чтобы остаться незамеченной герцогом. Для этого ей придётся вести себя тише воды, в то время, как её сердце так и будет желать оказаться поближе к Дамону.

Великолепно, Фэллон. Ты полная идиотка! Да как ты только могла влюбиться в такого распутника?!

Она потёрла лицо руками. Что за нелепая ситуация? Неужели она и правда думала, что сможет продолжить жить, как раньше и забыть его? У неё никогда не получалось забыть о нём. Как раз наоборот. А сейчас... Учитывая ту близость, что была между ними, то, как они занимались любовью...

Фэллон вышла из оцепенения и покраснела.

Она знает, что ей нужно сделать.

Она примет деньги лорда Ханта, каким бы оскорбительным ей ни показалось его предложение на первый взгляд. Упрямая боль разлилась по груди. Положив руку на сердце, она потёрла ею ноющее место. Она должна сделать это, если намерена выжить. Пусть лучше пострадает её гордость, нежели сердце.

Не обращая никакого внимания на джентльмена, остановившегося перед его креслом, Доминик продолжал смотреть на мерцающий в камине огонь, подняв ко рту стакан с выпивкой, до тех пор, пока парень несколько раз не кашлянул. Заметив его, герцог проворчал:

— Я занят, — он сделал глоток.

— Ваша светлость, простите, что беспокою. Но дворецкий послал меня сюда.

— Адамс? — он как раз собирался поговорить с ним о том, чтобы тот никого не пускал на порог.

— У меня к вам срочное дело.

Доминик фыркнул и бросил взгляд на мужчину, который его пристально разглядывал.

— Мы встречались раньше? Ваше лицо кажется мне знакомым.

— Я Джон Мэдоус. Секретарь вашего деда.

Доминик заворчал и допил бренди. Он рукой подал знак слуге, чтобы тот принёс ещё. Подняв на мужчину безжалостный взгляд, герцог спокойно произнёс:

— Здесь закрытый клуб.

— Да, но мои дела срочно требуют вашего внимания, и мне разрешили с вами встретиться, — он посмотрел вниз на свою мятую одежду и стряхнул пыль с брюк: — Простите за столь позднее вторжение и за мой внешний вид. Просто я ехал целый день, пытаясь добраться до вас. — Оглядев взглядом помещение, он понял, что они стали объектами всеобщего внимания. Несколько джентльменов устали на них со своих мест, прервав чтение газет и игру в карты. — Тогда говорите, что хотели, и убирайтесь отсюда.

Лакей поспешно принёс поднос с новым графином. Доминик протянул свой стакан, чтобы его наполнили снова. Последние несколько дней он провёл в клубе больше времени, чем дома. Глупо, конечно, но он прятался от Фэллон. Он не мог и не хотел видеть женщину, которую желал больше всего на свете, и не мог получить. Секретарь опять прочистил горло и изо всех сил дёрнул свой шейный платок. Дамон оперся спиной об роскошную обивку кресла и вытянул ноги вперёд:

— Выкладывайте! Что за послание?

— Послание?

— Да. От моего деда, — он замолчал, чтобы сделать ещё один большой глоток бренди, затем с издёвкой добавил: — Что нужно от меня этому старому ублюдку?

Глаза Мэдоуса расширились позади пары очков:

— Вы обращаетесь к нему подобным образом? — он оскорблено пожал плечами.

— А вы знаете других старых ублюдков?

Мэдоус открыл рот, но так и не смог ничего ответить. Да, ведь его не было поблизости, когда миссис Пирс безраздельно властвовала в Вэйфилдском Парке. Доминик нетерпеливо махнул рукой.

— Ваш дедушка. Он немного...

— Да? — Несмотря на свой безразличный вид, герцог почувствовал, как ему сдавило грудь, и уже было приготовился к худшему, заранее предполагая, каким будет известие.

— Жалуетса на здоровье.

Рука Доминика застыла на полпути ко рту. Не мёртв, значит. Жалуетса на своё

здоровье. Он сделал ещё глоток.

— Понятно, — Дамон опустил стакан на стоявший рядом маленький столик из красного дерева. Не осознавая, что делает, он незаметным жестом погладил искалеченную плоть на своей ладони.

— Когда я последний раз видел его, он тоже жаловался. По — моему, старики только этим и занимаются.

— Да, но на этот раз ему действительно стало хуже. Боюсь, его время скоро истечёт.

Губы Доминика вытянулись в жестокую ухмылку.

— Это то, что случается со всеми старыми людьми. Они умирают.

— И у вас нет ни малейшего желания увидеть его?

— Я недавно встречался с ним.

— А сейчас не хотите?

— Он не умирает, — громко произнёс Доминик, при этом ещё больше мужчин в клубе уставились на них. Герцог простодушно взглянул на секретаря: — Он сам мне говорил, что не умрёт, пока не убедится, что я прочно и хорошо устроился в жизни, женился и веду праведное существование.

Мэдоус скептически оглядел его:

— Правда? Но я не думаю, что он сможет жить вечно. Как бы он сильно того ни хотел.

Доминик рассмеялся. Он обратил внимание на скрытый намёк секретаря. Но ему было всё равно.

— Вы его недооцениваете!

— Я, конечно, понимаю, что между вами существуют некоторые разногласия...

Доминик хотел сказать секретарю, что тот ни черта не понимает, но сдержался. Главное, что мужчина ничего не знал о самом герцоге.

Не знал он ничего и о почтении, которое следовало бы оказывать таким знатным людям, как Дамон. Он ещё громче рассмеялся в ответ.

— Разногласия? Это слишком громко сказано.

— Я с великим удовольствием провожу вас до Вэйфилд — парка к вашему...

— А теперь объясните мне, с какой это стати я должен хотеть попасть туда? — У него не было никакого желания вернуться в дом, где он провёл свою юность.

Пусть его дед умрёт и сгниёт в гробу — ему всё равно. Он и так провёл достаточно несчастных лет своей жизни в тех стенах.

— Что ж, если вас не интересует бабушка, то, может, заинтересует вопрос о состоянии Вэйфилд — парка и его аренде?

— Все эти вопросы в течение долгих лет решались и без моего присутствия.

— Да. Но этим занимался мистер Коллинз. А сейчас он болен. Так что, не желаете ли вы ознакомиться с состоянием...

— Нет. Я обо всём позабочусь, когда придёт время. После его смерти.

Мэдоус поправил очки и склонил голову на бок.

— Простите, что вы сказали?

— Вы слышали.

Мэдоус отрывисто кивнул, на его лице застыло непроницаемое выражение.

— Теперь я понимаю, что всё, что о вас говорят — правда.

Доминик пожал плечами и проворчал что — то нечленораздельное в знак того, что ему наплевать на мнение какого — то там секретаря.

Мэдоус фыркнул:

— Вы — сам дьявол.

Доминик потянулся за стаканом:

— Мне это уже говорили.

С возмущённым ворчанием Мэдоус развернулся на своих каблуках.

Герцог с холодной улыбкой наблюдал за тем, как маленький человечек покинул комнату. Некоторое время он сидел, не двигаясь. Он чувствовал себя одиноким, хотя и находился в помещении, полном людей. Доминик ненадолго замкнулся в себе, пытаясь понять, какие всё — таки эмоции вызвало у него известие о скорой кончине его дедушки. Если в его сердце ещё остались хоть какие — то чувства.

В конце концов, он решил, что нет. Только унылая пустота зияла в его груди. Равнодушие охватило его, как обычно. Ничего. Он не чувствовал абсолютно ничего. Только мрак.

Его разум блуждал, перескакивал с одной мысли на другую, требовал и жадно стремился, как он вскоре осознал, к женщине, которая привнесла чувства в его чёрствую душу, вдохнула тепло в арктическую пустоту, что зияла на месте его сердца. Фэллон. На этот раз приятные воспоминания, связанные с ней, отвлекли его внимание от других забот.

Фэллон — единственная, кто заставил его почувствовать себя чем — то большим, чем просто бесчувственный кусок материи, влачащий праздное существование. Единственный человек, который мог заставить его... чувствовать. И не только когда их тела переплетались. Но каждый раз, когда он видел её, говорил с ней, думал о ней. С Фэллон он ощущал себя правильным, значимым, искренним.

А она не захотела иметь с ним ничего общего. Чёрт бы её побрал! Фэллон хотела жить своей жизнью. Хотела копить жалкие гроши, которые зарабатывала. Чтобы обрести дом. Дом. Что могло быть в нём такого особенного? Просто крыша и четыре стены?! Почему этот чёртов дом значил для неё так много? У Доминика была целая куча поместий, но ни одно из них не играло для него никакой существенной роли.

Допив остатки бренди, он поднялся с кресла. Внезапно ему захотелось побыть в одиночестве. В этот поздний час герцог мог спокойно вернуться домой, не беспокоясь о том, что встретит кого — либо на своём пути. Особенно её. Потому как она, конечно, уже забылась сладким сном в одной из комнат, предназначенных для слуг. Горничная. Жизнь, которую она предпочла ему.

Фэллон устала на чемодан, в который сложила все свои пожитки. Их оказалось немного. Его содержимое точно отражало, насколько тяжела была её жизнь.

Грудь девушки приподнялась, когда она сделала глубокий вдох, осмотрев содержимое чемодана в последний раз. Больше складывать нечего. Теперь она будет жить только для себя. Скоро у неё будет столько вещей, что их будет невозможно уместить в одном маленьком чемоданчике. Он просто будет настолько переполнен, что его даже нельзя будет закрыть. Даже если ей придётся пожертвовать своей гордостью, она примет предложение лорда Ханта.

Фэллон успокаивала себя той мыслью, что Па одобрил бы её согласие принять помощь. В противном случае, он бы разозлился. Она и сейчас как будто бы слышала его голос.

Упрямая девчонка, бери деньги! Я заработал их потом и кровью, для тебя.

Вдруг она представила лицо Доминика. Фэллон тряхнула головой и бессознательно дотронулась до своих губ кончиками пальцев. Черт, она желала его больше, чем того

следовало бы. Но он ей не нужен. Она никогда не будет с ним. Особенно если для этого ей нужно продать себя, продать все свои желания и мечты в обмен на неопределённое количество жарких ночей в его постели.

Девушка прошла в другой угол комнаты к маленькому столику, на середине которого лежала визитка лорда Ханта, и взяла карточку в руки. Завтра она пойдёт к нему. Завтра она примет его деньги. Завтра у неё начнётся новая жизнь.

Проведя пальчиками по выгравированным буквам, Фэллон положила карточку обратно на стол. А сегодня вечером...

Сегодня вечером она попросится к герцогу.

Конечно, она может просто сбежать. Выйти утром из дома, не попрощавшись и не объяснив причины своего отъезда. Или могла просто сообщить мистеру Адамсу, что увольняется. Снова встречаться лицом к лицу с герцогом было вовсе необязательно. И больше она никогда бы его не увидела.

Но Фэллон не могла поступить подобным образом. С её стороны это будет выглядеть как — то... неправильно. Особенно после... всего, что было.

Плохо это или нет, но она не могла уйти, не увидев герцога в последний раз.

Открыв дверь своей комнаты, она скользнула в мрачную тишину коридоров.

Доминик сидел в гостиной, вытянув ноги перед огнём. Огонь практически плавил подошву ботинок, но он даже не шелохнулся, предпочитая боль обгоревших ступней всем остальным чувствам, от которых по — настоящему страдал. Чувства. Дерьмо. Он потратил много лет на выпивку, женщин и рисование, чтобы пробудить в себе хоть какие — то чувства, а сейчас не мог остановить поток нахлынувших на него эмоций.

Разочарование разливалось по его телу, принуждая встать и отправиться на поиски Фэллон. Он должен вернуться в свою комнату, в свою постель, но запах Фэллон, преследовал его там, заставлял мучиться. Гостиная была безопаснее. Его веки закрылись. Он знал, что таким образом рискует заснуть, а утром, в лучшем случае, слуги обнаружат его здесь. Что вероятнее, в худшем случае, утром его найдёт Фэллон. Он не мог держать себя в руках, когда она находилась рядом. Не мог не дотрагиваться до нее. Не мог не наброситься на неё. На женщину, которая предпочла скромную жизнь служанки жизни с ним.

— Доминик.

Мягкий голос Фэллон заставил затрепетать все его нервные окончания. Он как будто мысленно сам позвал её.

Герцог крепко зажмурился, пытаясь остановить волну закипавших эмоций. В этой девчонке не было ничего, что могло бы пробудить в нём подобные чувства к ней. Ничего. Так же как и в нём. Доминик открыл глаза и увидел, что она стоит перед ним, одетая в отвратительную униформу, которую носили все рабочие его поместья. Его взгляд прошёлся по ней и остановился на её лице.

— Что — то ты забрела слишком далеко от крыла, предназначенного для слуг, не находишь? Пошла прочь!

— Я пришла, чтобы... — она замолчала, увидев, в каком беспорядке находилась его одежда. Её ноздри дрогнули, когда она ощутила исходящий от него запах алкоголя. — Что случилось?

— Ничего, — его рука впиалась в подлокотник кресла. — Просто ещё одна ночь, полная распутства.

Она некоторое время разглядывала его, затем медленно покачала головой, отвергая его

ответ.

— Нет. Что — то произошло! Я ещё никогда не видела тебя таким!

Неправедный гнев охватил его.

— Ах, сделай милость, докажи, что ты меня совсем не знаешь.

— Если бы ты провёл ночь, полную распутства, то понимал бы, что тебе сейчас не следует находиться здесь.

Она приподняла голову и посмотрела на него сверху вниз, словно он какой — нибудь непослушный ребёнок. Этот взгляд ещё больше разжёл его гнев.

— Ну же, давай я провожу тебя в твою комнату.

— Проваливай отсюда, — прорычал он, с отвращением воспринимая её материнский тон и то, как она посмела вести себя с ним, словно со маменькиным сынком. — Ты дала мне ясно понять, что не заинтересована в том, чтобы стать моей любовницей. А поскольку мне не нужна нянька, ты свободна. Проваливай!

В её янтарных глазах разгорался огонь.

— Ты — грёбаный подонок! — она кивнула в подтверждение своих слов. — Ты забыл, что такое доброта. Я пришла, чтобы попрощаться.

Она отвернулась, готовая уйти.

— Скатертью дорога! — Крикнул он, вскочив на ноги. Он постарался не обращать внимания на резкую боль, которая пронзила его грудь при одной только мысли о том, что никогда больше не увидит её.

Когда она снова повернулась к нему лицом, яркий румянец покрыл её щёки, такой же красный, как и выглядывающие из — под чепца локоны.

— Вижу, я зря пришла, чтобы рассказывать о своих чувствах.

— С каких это пор при прощании нужно говорить о чувствах?

— Ни с каких, — гневно огрызнулась она, грудь вздымалась от глубокого и неровного дыхания.

— Просто повернись и выйди за дверь, — он покрутил в воздухе пальцем, изображая маленький круг. — Вот так. Это просто. Ясно?

— Абсолютно, — развернувшись на каблуках, она поспешила к двери.

Доминик яростно запустил руку в волосы, чуть ли не с корнем выдирая их от безысходности. Дьявол! Он с рычанием кинулся её догонять, и уже чуть было не схватил Фэллон за плечо, когда она вдруг остановилась и резко обернулась.

Они врезались друг в друга, и девушка испуганно вскрикнула.

Герцог схватил её, когда Фэллон захотела отстраниться, и крепко прижал к себе, стиснув руками её плечи. Их взгляды встретились, и словно срослись, равно как и их грудные клетки, вздымавшиеся от прерывистого дыхания.

Выругавшись, Доминик нагнулся и впился в её губы варварским поцелуем. Он заставил их раскрыться, впуская его, и их языки сплелись в жестокой схватке. Грубо. Беспощадно. Злость переполняла его.

Девушка обвила руками его шею и ответила на поцелуй. Обнимая друг друга, они опустились на ковёр гостиной, не прерывая поцелуя. Единственными звуками, раздававшимися в комнате, было потрескивание поленьев и шипение огня в камине. Герцог коснулся её ягодиц и придвинулся ближе, давая ей ощутить всю силу его желания. Она тихонько застонала и углубила поцелуй.

Доминик внезапно прервал его и с рычанием отстранился. Боль и жажда неутолённого

желания пронзили его тело насквозь, заставляя каждое нервное окончание сжаться от напряжения.

— Уходи, — резко выплюнул он. — Уходи сейчас же, иначе, Бог тому свидетель, я не останюсь!

Фэллон отпрянула от него. Решительность отчетливо читалась в её взгляде. Тёплый янтарь. С красноватым оттенком из — за света очага. С коротким кивком она поднялась и повернулась в сторону выхода из гостиной. Звук страдания вырвался из его горла, пока Доминик наблюдал за тем, как она уходит, и, не двигаясь, сидел на полу. Если он пошевелится, то кинется догонять её.

Пальцы девушки сомкнулись на дверной ручке. А он всё смотрел, и с трудом поднялся на ноги, наблюдая за тем, как она уходит из его жизни. Он боролся с желанием затащить её обратно, задрать ей юбки и выплеснуть всю ту злобу и жестокость, что накопились в нём.

Доминик услышал, как раздался щелчок замка.

Он потрясённо моргнул.

Фэллон повернулась и прислонилась спиной к двери. Она не ушла. Она осталась. Несмотря на его предупреждение. Уперев ладони в дверь, девушка пристально изучала его. И всё же, несмотря на неприступность, в её взгляде мерцал огонь — желание, причиной которого был он. Он же собирался и разжечь его с ещё большей силой.

Она остаётся. Сейчас. Сегодня. Доминик сделает так, что она будет помнить каждое мгновение.

Может быть, завтра утром, когда наступит рассвет, Фэллон покинет его. Но он дал клятву, что заставит её помнить. Дал клятву, что она никогда не сможет забыть его. Он был в этом уверен.

В каком бы чёртовом жилье она не поселилась, пусть даже назовёт его «домом» и будет ценить больше, чем Доминика, воспоминания о нём будут преследовать её всегда...

Фэллон не рассчитывала, что подобное произойдет. Только не снова. Но она не могла оставить его, когда он так смотрел. Когда он так смотрел на нее. Полный такой дикой потребности и голода. Серые глаза, потемневшие от жажды, которую испытывало ее собственное тело, пробирающей до костей.

Он казался таким мрачным и одиноким, когда она впервые зашла в ту комнату. Пламя угасающего огня погрузило его в зловещую тень. Это должно было заставить ее убежать. Но она осталась.

Она знала, что значило закрытие того замка. Но когда ее руки потянулись к крохотным пуговицам ее платья, она решила, что ей все равно. Она будет здесь сегодня для него.

А завтра ее уже тут не будет.

— Фэллон, — выдохнул он ее имя, но больше ничего не сказал, пока она раздевалась перед ним, до странного нескромно. Обнажившись, она переступила ворох одежды у своих ног, и прошла к нему. Прижав ладонь к его груди, она заставила его откинуться в кресле, ее наполнила тяжелая эйфория от своей смелости, и голова ее закружилась от силы и желания.

Она подошла к нему, руки сжали его мускулистые плечи, оседлала его и наклонилась, чтобы снова прижаться к его губам. Они целовались, пока оба не стали задыхаться и стонать, напряженно стремясь друг к другу. Ощущение его широких ладоней, которые скользили по ней, охватывали ее голую попку, ее бедра, внутреннюю часть бедер, доводило ее до безумия. Она прижалась к нему, твердый выступ его мужественности обжог ее влажное тепло.

Его руки обхватили ее талию и скользнули вверх, по ходу касаясь ее живота и ребер, пока не достигли ее груди. Он играл и забавлялся с ними, вытягивая, поглаживая и перекатывая соски, пока она не выгнулась и не выкрикнула, и ее не охватила рябь ощущений.

Дрожа, она постаралась освободить его от рубашки, ее руки дрожали, путешествуя по его широкой груди, наслаждаясь ощущением его теплой плоти, выпуклости его мускулов под кожей. Она потрогала его татуировку, ее ногти подсчитали количество колец на змее. Опустив голову, она поцеловала эту татуировку, языком исследуя ее форму.

— Было больно? — прошептала она, ее рот парил над фигурой свернутой кольцом змеи.

— Да.

Она поморщилась, представляя, что он, скорее всего, сидел часами, испытывая неудобство.

— Тогда зачем ты сделал ее?

— Это всего лишь боль.

Она сухо улыбнулась.

— Люди обычно стараются избегать боли.

Она почувствовала громыхание его голоса из его груди.

— Иногда боль хороша тем, что напоминает, что ты еще жив.

Ему необходимо было подобное напоминание?

Она посмотрела на него, глядя в его затемненные глаза, и осознала, что он делал. Несмотря на все возмутительные выходки и неумеренную жизнь, он не мог ощущать особенно ничего.

Она соскользнула вниз по его телу, расстегивая его штаны, ее наполняла жаркая решительность. Ты почувствуешь себя живым. Ты почувствуешь себя более живым, чем

когда — либо.

Он смотрел на нее, в его глазах горел жаркий свет под тяжелыми веками, его руки на ее боках расслабились.

Ее жадные руки спустили его штаны вниз. Она взяла его, лаская, по всей его твердой длине, сжимая его, сталь, обернутую в шелк. Она наблюдала за его лицом, изучая туго натянутую мышцу, которая дергалась на его челюсти, темное, тлеющее желание в его глазах.

Обхватив пальцами его основание, она взяла его кончик в свой рот. Сначала она сосала мягко, потом жестче, ее язык медленно обводил круги, томно наслаждаясь им. Он содрогнулся под ней, и его рука прошла между ними, обхватывая ее грудь, пока она принимала еще больше его длины в свой рот.

Длинные пальцы нашли ее сосок и сжали. Бело — горячие искры выстрелили из ее груди прямо в ее пульсирующую сердцевину. Она вскрикнула, держа его плоть во рту. Она была намерена доставить ему удовольствие, наслаждаться и пробовать его, зная, что она довела его до самого глубокого наслаждения. Она скользнула ртом по нему, принимая его глубже, ее язык поглаживал, лаская его твердую длину.

Его бедра приподнялись, и он застонал, пальцы его другой руки перебирали ее волосы.
— Боже, Фэллон. Сейчас. Сейчас.

Довольная его ответом, с горячей кровью, она довела себя до критической точки.

Отчаянно, почти испытывая боль, она ввела его внутрь себя, легко скользя по его твердой длине, со стоном опускаясь, пока он не вошел по самое основание.

Ее руки обняли его за шею, и она снова притянула его рот к собственному, ее груди крепко прижались к его груди. Она двигала бедрами, пока их губы были соединены, прыгая на нем. Чувствуя себя в какой — то мере неуклюжей в своей дикой потребности, она попыталась двигаться медленнее, чтобы контролировать бешеный темп. Но ее страсть слишком жарко разгорелась, и она задвигалась быстрее, ее мышцы сжались вокруг него, напряглись. Что — то неуловимое блеснуло вдали, вне ее досягаемости, она почувствовала, что умрет, если скоро не достигнет этого.

Он застонал, его руки соскользнули с ее боков и вцепились в бедра, ободряя ее безумный ритм. Отчаянный стон поднялся по ее горлу, и она не могла себя остановить, не могла себя успокоить, могла только двигаться сильнее, быстрее, пока росла лихорадка в ее крови.

— О, Боже, помедленнее, — задыхаясь, попросил он, но она не могла этого сделать.

Словно одержимая, она летела с ним, его отчаянная мольба усилила ее возбуждение, заставив ее взорваться изнутри. Дрожа на нем, она выгнула спину, опустившись на него с криком.

Он провел рукой по ее выгнутой спине, крича, получив собственное освобождение внутри нее, присоединяясь к ней в сладкой агонии. Его губы коснулись ее шеи, ее ключицы, потягивая ее кожу поцелуем. Она упала на него, устроив свой взмокший лоб у него на плече. Их тела дрожали и двигались, ликующе дыша, связанные, соединенные. Она растопырила пальцы на манер веера на его груди, питая надежду, что так они перестанут дрожать. Его пальцы прошли вдоль ее позвоночника в ленивой ласке, исследуя все неровности.

Испытывая идеальное довольство и желание больше никогда двигаться, она сумела приподнять голову и встретиться с ним глазами, выдержав его серый взгляд несколько мгновений и испытав приступ смущения от своего по — настоящему дикого поведения.

— Почему ты осталась?

Она пожала плечами и отвела взгляд, глядя вниз на его плечо, на темный, бдительный глаз змеи, испытывая благодарность, что он не спросил, почему она только что на него набросилась, как обезумевшая от желания женщина.

— Я этого хотела, — она облизала губы, — И... — она закусил губу.

Перевела свой взгляд от татуировки гипнотической змеи на его лицо.

— Тебе сегодня вечером была нужна я.

Она быстро опустила голову на его плечо, не желая смотреть на него после того, как произнесла подобную сентиментальную чушь. Она не была нужна ему. По крайней мере, он бы никогда в подобном не признался. Он желал ее только по одной причине. И она только что удовлетворила его в этом отношении.

Его пальцы продолжили свой медленный танец по ее позвоночнику. Его грудь поднялась при тяжелом, резком вздохе, как приливная волна.

— Мой дедушка, — заговорил он под ней, его голос низко, вибрирующе прогремел у ее груди. — Он умирает.

Она задохнулась, сдержав немедленное выражение сочувствия. Он бы этого не желал. Принимая во внимание его натянутые отношения с дедом, он, вероятно, не знает, что чувствует. Но он чувствовал. Она была в этом уверена, знала, что произошло что — то плохое, когда увидела его сегодня вечером. Теперь она знала, что именно.

Она вытянула язычок, описывая маленький круг по его груди над его сердцем. Он шумно выдохнул, и его руки обняли ее, притягивая ее ближе, и она знала, что дала ему то, в чем он больше всего нуждался. Даже, если он не признает этого. Удобство. Дружеское общение. Другой человек, который знал, что такое потери, знал, что значит хотеть чего — то, чего никогда не получишь. В это они были на равных.

Закрыв глаза, она позволила ритмичному звуку его сердца наполнить свою голову.

— Ты поедешь повидаться с ним?

— Зачем мне это?

Она подняла голову и посмотрела на него.

— Я знаю, что он причинил тебе боль, но он умирает, — для нее все было совершенно ясно. Ему следовало пойти. Не ради деда, а ради себя самого. Так, чтобы потом не испытывать сожалений. Ни о чем не раздумывать. Ему следовало закрыть за собой эту дверь, чтобы он никогда не оглядывался.

— Так что?

Она ничего не сказала. Не могла придумать, что сказать. Она просто смотрела на него, на тяжелый, непрощающий блеск в глазах, и поняла, он действительно был таким, как утверждал. Пустой оболочкой. Пустой, потому что никогда никого не впускал.

— Он может помирать, — заявил он. — В одиночестве.

Она опустила голову снова ему на грудь, и притворилась спящей, больше не в состоянии ни минуты смотреть на холод в его глазах. Ни на жестоко сжатые губы, которые так пылко целовали ее так недавно.

В этот момент, она поняла, что у него совершенно, полностью отсутствует сердце.

Он ничего не чувствовал. И ей следовало оставить его прежде, чем она примет это условие... прежде, чем привыкнет любить мужчину, неспособного на ответную любовь к ней. И ни к кому другому, если уж на то пошло. Который всегда будет лишь демоническим герцогом.

Полено рассыпалось в очаге, вызвав шипение искр. С закрытыми глазами, Доминик

услышал звук, и знал, что это такое. Также, как слышал скрип пола под тихими шагами, и знал, что это значит. Фэллон уходила от него. Он слышал шелест материи, когда она одевалась, ее тихое дыхание возле себя, глухой стук собственного сердца в ушах, и этот ритм ускорился, пока она готовилась уйти.

Но все же он не двигался, свернувшись на своей половине кресла, его мышцы были удовлетворены и пресыщены. Через минуту он услышал, как дверь открылась. Прошла долгая минута, и он почувствовал ее долгий взгляд на себе, такой же горячий, как луч солнца.

Потом дверь закрылась, и на него накатил прежний холод, замораживая его изнутри. Солнце ушло.

Он медленно открыл глаза, чтобы осмотреться в пустынной гостиной. Никого. Темно — синий цвет приближающегося рассвета лился из — за дамасских драпировок. Его взгляд прошелся по закрытым, облицованным панелями дверям, живой и голодный, в поисках мимолетного видения ее там, где ничего не было.

Вздохнув, он перевернулся и поднес руку ко лбу, думая одеться, прежде чем кто — то из слуг обнаружит его нагим в кресле.

Он мог бы открыть глаза, пока она одевалась. Мог завести разговор, который, вероятно, не дал бы ей покинуть его. Он мог бы умолять.

Или просто попросить.

Но зачем? Он не мог ей дать больше, чем уже предложил. А она желала большего. Черт, она заслуживала большего. Заслуживала кого — то лучше него. Он предложил ей все, что мог, но этого было недостаточно.

Да, он все еще хотел ее. Она его поглотила. Она наполнила его голодом, потребностью... дикими, отчаянными эмоциями, к которым он не осмеливался слишком приглядываться. Но это не продлится долго. Это было нереальным. Он придет в себя. Вернется к старым привычкам. Онемелость найдет на него, и его отнесет от нее, в поисках тех способов, которые хоть на некоторое время заставляли его чувствовать. Он плотно закрыл глаза.

Нет, лучше он позволит ей найти собственное счастье вдали от него. Она найдет свой дом. И он найдет путь к знакомой темноте, забыв тот свет, который он ненадолго нашел в ней.

Фэллон сидела на диванчике и ждала, когда лорд Хант зайдет в комнату, саквояж стоял у ее ног. Она нетерпеливо постукивала ножками в тапочках. Подняв голову, она изучала полосатый и цветастый рисунок обоев в гостиной лорда Ханта. Пытаясь не думать о той ночи, которую провела в гостиной Доминика. Он уже должен был проснуться. Он уже должен был узнать, что она ушла...

Она крепко зажмурила глаза от внутреннего жжения, и снова открыла их, в ее горле комком встала решительность. Обстановка комнаты напомнила ей поместье Ханта в Литтл Сомс. Заполненное цветами, забитое всякими безделушками и безвкусной роскошью.

Фэллон пробиралась в главный дом раз или два, чтобы шпионить за сестрами лорда Ханта, которые играли на фортепиано. Вот явно, что рукоделие его матери было тут в изобилии. Фэллон предположила, что виконтесса, модная леди, которая всегда старалась сделать все вокруг себя красивым и стильным, все еще жива.

Фэллон посмотрела на свои поношенные темно — синие юбки, такие грязные и неуместные на парчовом диване. Вероятно, любезная леди никогда не представляла, что такие, как Фэллон «почтят» своим присутствием одну из ее гостиных.

Виконт появился, остановившись в дверном проеме гостиной при виде нее, выражение его лица было само внимание.

— Мисс О'Рурк, — он поспешил войти в комнату, энергично поклонившись ей. — Я так рад, что вы меня вызвали. Я намеревался дать вам больше времени, чтобы еще раз рассмотреть мое предложение, прежде чем снова являться к вам, — его лицо приняло выражение раскаяния, — Боюсь, что в прошлый раз все было в таком беспорядке.

Он вздохнул, его губы скривились грустно и словно извиняясь, и она внезапно поняла, почему столько девушек отдали ему свои сердца.

— Я хорошенько подумал, и я на самом деле ценю все, через что вы прошли, через что заставила вас пройти вся моя семья. Я извиняюсь за то, что был невежественным грубияном. Я надеюсь, что смогу убедить вас передумать, не обижая вновь.

Фэллон кивнула, когда он опустился в кресло напротив нее.

— Я поэтому пришла. Я бы хотела сейчас принять ваше предложение.

Его лицо осветилось улыбкой, облегчение расслабило сжатые уголки.

— В самом деле? Мой отец был бы счастлив.

Она сдержала волну горечи и жалищее возражение, которое вертелось у нее на языке, прямо — таки умирая от желания выразить, насколько ей наплевать на то, что бы доставило радость его покойному отцу. Она больше не желала жить в постоянном состоянии горечи. Она желала измениться. Она желала покоя. Даже если это означало, что она перестанет ненавидеть мир голубых кровей, в особенности за все ее несчастья. Па хотел бы этого. Он не желал бы ей жизни с ненавистью в сердце.

Кивая, она прошептала.

— Мой тоже обрадовался бы.

Теперь она была готова выслушать то, что Хант пытался объяснить ей прежде, она откашлялась.

— Какое обеспечение закрепляется... за мной?

— Вы получите пособие, разумеется, — лорд Хант откинулся в своем кресле, переплетя

пальцы вместе. — И там еще есть коттедж.

«Дорогая Эвелин,

Я надеюсь, что это письмо найдет тебя в добром здравии. Я представляю, как ты греешься на солнышке Барбадоса сейчас, а струя морской воды освежает твоё лицо. Позаботься о своём светлом цвете лица. Я узнала, что тропическое солнце может хорошенько попортить такое личико — белое личико, как у тебя. Без сомнения, ты живёшь теми приключениями, которых всегда желала, и заслуживаешь.

Ты узнаешь, вернувшись, что моё положение очень изменилось. Не беспокойся, я не попала в тюрьму. Я знаю, что ты очень беспокоилась насчёт моей последней работы. Позволь мне тебя успокоить. Ты наверно удивишься, что теперь живу в собственном доме, милом коттедже в Литтл Сомс.

Я никогда не думала, что вернусь сюда, так близко к тому месту, где моя жизнь приняла такой скверный оборот. Последний виконт Хант упомянул меня в своём завещании. Сначала у меня не было никакого желания принять подачку от семьи, которая ответственна за смерть моего отца, но я научилась прощать. Удивительно, у меня теперь есть дом — как я и мечтала, когда мы были маленькими. Я едва могу в это поверить. Я не могу дожидаться, когда мы встретимся, и молюсь, чтобы это случилось поскорее. Маргарит будет со мной справлять Рождество. Разумеется, ты знаешь, что у тебя всегда есть дом, если ты когда — нибудь устанешь от приключений. Тебе не нужно снова умолять о приюте одного из твоих братьев. Пусть тебе сопутствует любовь и Господь в твоих путешествиях.

Твоя дорогая подруга Фэллон.»

Фэллон вышла из домика священника — её ботинки — сверкающая новая пара, прекрасно подходящая для дороги домой по грязи — и направились с истинной готовностью по протоптанной тропинке в церковь. Она подтянула плотный, шерстяной шарф на горло, чтобы не подхватить простуду.

Приближалось время обеда. Укладка цветочных украшений заняла больше времени, чем ожидалось. Мистер Симмонс желал выслушать её мнение насчёт завтрашней проповеди. Её губы скривились. Она едва ли считала себя самой набожной душой. Но она очень постаралась перед молодым преподобным... даже вспоминая аромат куриного бульона и свежее испечённого хлеба, дразнящего её нос и зовущего домой. Она растерла свои ладони в перчатках, ужасно стремясь добраться до своего уютного коттеджа.

Она больше не просыпалась до рассвета. И когда она один раз проснулась, то это было из — за того, что кто — то готовил — для неё. Благословенная перемена. Она пошла быстрее, зная, что горшочек куриного бульона Миссис Редли уже давно готов. Её желудок проурчал, предвкушая его, и, несмотря на холод, её охватило тепло, при воспоминании о своём теплом коттедже — доме — и кухарке, и экономке, которые там работали. Она не могла пожаловаться на одиночество. Или, скорее, ей не стоило. Две миссис Редли хлопотали по дому в течение дня, болтая как сороки. Как и остальные жители Литтл Сомс, они приняли её в свою среду. И тёплый приём молодого священника был наиболее заметным. Она была уверена, что стоило бы ему получить немного ободрения, и он начал бы официальное ухаживание.

Жизнь была хороша. Вдыхая холодный воздух, она ожидала, что на неё нахлынет чувство удовольствия.

И ждала.

Она ждала этого с самого своего приезда, когда оказалась в таком выгодном положении в Литтл Сомс. Фыркнув от отвращения, она выдохнула. Она достигла всего, чего хотела. Ей не было нужды чувствовать себя такой... одинокой.

Но она чувствовала одиночество.

Она боролась с этим чувством, сопротивлялась ему, словно простуде, которая прокрадывалась в ее легкие. Она с головой окунулась в свою новую жизнь: устроилась в своем доме, встречалась и здоровалась с любопытными, хорошо настроенными соседями и жителями деревни, проводила время в своем саду. В саду. Она остановилась. И испытала шок, даже подумав об этом.

Поддавшись капризу, она решила создать убранство для церкви. Это была небольшая плата тому обществу, которое так тепло приняло ее. Некоторые жители помнили ее отца. Даже ее саму. Она так полагала, что в этом что — то было. Как будто она действительно вернулась домой. Что — то ее отвлекло от боли из — за человека, не способного на чувства. Не способного любить. Человека, которого она больше никогда не увидит.

Она не опасалась встретить здесь Доминика. Хоть Вэйфилд — Парк был совсем близко, это было последнее место, куда бы он направился. Ее коттедж на юго — восточной границе Литтл Сомс представлял даже меньшую угрозу.

Она убедила себя, что боль не продлится долго. Как любая болезнь, она пройдет, и она станет сильнее от этого.

Она прошла по церковному двору, остановившись у ворот кладбища. Тусклый свет лился в трех направлениях. Она заметила неловко склонившуюся над могилой фигуру, опирающуюся на палку с латунным набалдашником, кладя цветы. Экстравагантные желтые тюльпаны. Слишком радостные для унылого дня.

Джентльмен встал, приосанился и поднял лицо к приглушенному свету. И тут невозможно было ошибиться. Дедушка Доминика, мистер Коллинз. Совсем не на смертном одре, как ей показалось. Что — то ужасное шевельнулось в ней при виде этого человека, который причинил Доминику такую боль. Кто сделал его тем мужчиной, каким он был сейчас, — кто не мог любить. Никогда не полюбит ее. Даже, если она его полюбит. А она его любила. В этом было больно признаться, больно ощущать. А она ощущала это.

Каждый день.

Подняв подбородок, она направилась вперед быстро и решительно, хотя и понятия не имела, что ему сказать.

Он посмотрел вверх, застигнутый врасплох ее приближением.

— Кто вы? — рявкнул он.

— Фэллон О'Рурк, — она остановилась.

Он критически оглядел ее.

— Я вас знаю?

— Я живу в коттедже прямо за старой мельницей.

Он кивнул один раз, это движение было кратким и пренебрежительным. С ворчанием он снова обратил внимание на могилу.

Он напомнил ей немного саму себя. Достаточно, чтобы она смогла только стоять и смотреть. Без сомнения, Вэйфилд — Парк кишел слугами. Люди были справа и слева. И вот он стоял здесь. И, похоже, чувствовал себя так же, как она. Одиноко. Покинуто.

Фэллон только думала, что, получив дом, с ней будет все в порядке. Решено. Может, она даже испытает счастье. Но ночью, после того, как сестры Редли уходили, она забиралась в

кровать и лежала одна. И она не могла себя обманывать там. Ничего не было в порядке. Она вовсе не рассчитывала, что независимая жизнь принесет такое острое чувство одиночества. Гудящая тишина дома. Тихое дыхание в комнате. В ее постели. Черт побери Доминика! Он все разрушил.

Она проследила за взглядом мистера Коллинза, читая надпись на надгробии и испытывая небольшой всплеск изумления.

— Неужели герцогиня Дамон не похоронена рядом со своей семьей? — он перевел взгляд серых глаза на нее. Настолько знакомых глаз, что она снова почувствовала изумление.

— Она похоронена рядом со своей семьей.

Неужели не было семейного склепа в Вэйфилд — Парке? Необычно. Фэллон покачал головой, глядя на надгробия рядом с матерью Доминика, и подумала, почему не видит могилы отца Доминика.

— Откуда вы меня знаете?

— Я видела вас в церкви в прошлое воскресенье, — у нее не было намерения выдавать подробности того, где она видела его в первый раз.

— Мистеру Симмонсу следует поработать над речью. Слишком много междометий, — проворчав это, мистер Коллинз перевел взгляд на могилу. — Герцог посчитал, что моя дочь должна упокоиться здесь, а не в семейном склепе Дамонов, — в его голосе послышалось негодование. — По его словам, она недолго побыла герцогиней, прежде чем умерла, — мистер Коллинз положил свои руки на набалдашник трости и пожал плечами, как будто теперь это почти ничего не значило.

Даже ничего не зная об этой ситуации и совсем немного об отце Доминика, она расслышала, как говорит со своей обычной напористостью.

— Но это не должно было иметь никакого значения.

Он снова посмотрел на нее серыми глазами, выражение его лица оставалось мрачным.

— Не могу с вами не согласиться. Она умерла, рожая герцогу наследника. Она заслужила место в фамильном склепе.

Его слова дали ей возможность начать. Она была совершенно уверена, что не найдет никакого согласия с человеком, который жестоко не обращал внимания на Доминика, оставив его с гувернанткой, которая над ним издевалась.

И все же в этот момент, находясь на кладбище, где ветер свистел вокруг них, она осознала, что они оба — души, брошенные на произвол судьбы. Оторванные от Доминика. Странное ощущение родства наполнило ее грудь, и она стала ближе к старику, который качался под порывами ветра.

Вероятно, не одна она получила удар отказа Доминика. Правда, он бы не рассматривал предложение стать его любовницей, как отказ, но она не могла по — другому посмотреть на это. Это был удар в сердце. В сердце, которое хотело большего. Вздохнув, она покачала головой. Казалось, это все. Она подумала о своем новом доме с зеленым плющом и сладко — пахнущей жимолостью. Это было больше того, на что она могла надеяться... и все же, этого теперь было недостаточно.

Внезапно ее охватил порыв. Подняв подбородок, она услышала, как спрашивает, прежде чем смогла передумать.

— Вы не желаете куриного бульона, мистер Коллинз?

В этот раз секретарь известил его в письменной форме.

Письмо было кратким, лаконичным. Прочитав, Доминик бросил его в огонь и, держась рукой за каминную полку, наблюдал, как языки пламени пожирают пергамент.

Слова медленно всплывали перед глазами.

Ваш дедушка умирает. Если хотите с ним увидеться, приезжайте как можно скорее.

Разумеется, он не поедет. Его чувства ничуть не изменились с тех пор, как он последний раз говорил с Мэдоусом в клубе. Его чувства не изменились. Изменился он сам.

Он изменился на прошлой неделе. Он почти не спал и не ел. Обычный бренди его не привлекал. Заходил Этан и попытался его как — то вытащить из этой хандры. Доминик все время расспрашивал его о Фэллон, но так и не смог узнать, где она находится, чтобы найти ее. Все напрасно.

Если она захочет, чтобы ты знал, она свяжется с тобой. Ответ его разозлил. Тот факт, что Хант знал ее местонахождение, утверждал, что он общается с нею — наполнял герцога бессильной яростью. Он сжал руку в кулак. Вместо того чтобы поколотить своего лучшего друга за вмешательство в его жизнь, Доминик выставил его из своего дома.

Что бы он ни делал, он не мог прекратить думать о Фэллон. Это было неправильно. У нее теперь свой дом. Все, о чем она когда — либо мечтала. И все же он нанял сыщика с Боу — стрит, чтобы узнать, где она сейчас находится. Он не знал зачем. Даже если бы он знал, где ее найти, он не мог предложить ей большего, чем раньше. Она заслуживала большего. Верности, замужества, такого мужа, который будет сопровождать ее в церковь по воскресеньям. Пристойного, любящего мужа. Он не мог дать ей ничего подобного. Если бы он был благородным, то он оставил бы ее в мире. Разрешил бы ей идти дальше по жизни. Но он никогда не был благородным.

Он не может держаться от нее подальше. Он сомневался, что когда — либо будет... когда — либо сможет. Даже если бы он нашел ее много лет спустя, замужней, с ордой детей, прячущихся за ее юбку, он все еще хотел бы ее. Она была огнем в его крови, и он был бы глупцом, если бы позволил ей уйти. Для ее же блага он надеялся, что сыщик с Боу — стрит не найдет ее. Потому что он был слишком эгоистичным, чтобы упустить ее во второй раз.

Воспоминания о Фэллон, когда он видел ее в последний раз, окутали его: ее вкус, ее прикосновения... ее голос. Особенно, слова, которые она ему сказала в последний раз. Он зажмурился. *Если ты не повидишься с дедом, будешь сожалеть об этом всю жизнь.*

Он сжал рукой каминную полку, ладонь сжалась так, что казалось, никогда не разожмется. Почему он вспомнил эти слова? Почему сейчас? Доминик с проклятием оттолкнулся от каминной полки. Он вышел из комнаты, губы были сжаты в мрачную линию, только она выдавала его настроение.

Ради Фэллон. Он пойдет на это ради нее. Доминик тряхнул головой, вышел в холл и позвал Адамса, чтобы тот подготовил его к выезду.

Потому что она потеряла своего отца. Потому что он никогда не знал его. Потому что, нравится это ему или нет, Руперт Коллинз был ближе всего к званию родителя, чем кто — либо еще.

Доминик увидится с ним до того, как тот отправится к Создателю. Только тогда он почувствует себя хорошо, избавившись от старика и прошлого. Если повезет, с ним уйдут и

болезненные воспоминания. Тогда он станет свободным.

И только Фэллон не будет давать ему покоя.

— Мы продолжим с шестнадцатой главы? — Фэллон взяла книгу со стола из розового дерева и начала листать страницы в поисках места, на котором остановились в прошлый раз.

Хриплое дыхание было ей ответом, когда девушка нашла нужную страницу. Взгляд ее остановился на трости с медным набалдашником, которая стояла рядом с кроватью. Как стояла две последние недели.

Как будто мистер Коллинз в любой момент встанет и схватит ее узловатыми от артрита пальцами.

Она жалела его. Пока он не слег в постель, они каждый день следовали одной схеме. За завтраком или чашечкой чая в ее коттедже обычно следовала прогулка по саду. Эти прогулки становились все короче и короче, поскольку приближалась осень, и ему становилось все хуже. Теперь ей приходилось звать его погулять в Вейфилдском парке, почитать или поболтать, притворяясь, что она не осознает того, что находится в доме детства Доминика, что не видит стен, которые стали свидетелями его несчастной юности... и долгих лет, что превратили его в жесткого мужчину, которого ей случилось полюбить.

Мистер Коллинз закашлялся. Фэллон положила книгу и взяла стакан воды с ночного столика. Поддержав рукой под затылком, девушка помогла ему подняться. Глотнув воды, старик откинулся обратно, взгляд его серо — синих глаз сосредоточился на ней

— Вы все еще здесь, — проскрипел он.

Она наклонилась вперед, как будто признаваясь в большой тайне.

— Я должна узнать, чем закончится книга.

Старик слабо улыбнулся девушке.

— Он был дураком, позволив вам уйти.

Ее собственная улыбка померкла. Девушка рассказала ему часть своего прошлого в течение прошедших двух недель. Он нажал на нее с вопросами, и Фэллон рассказала ему..., умолчав о том, что человек, разбивший ей сердце, был его внуком.

— Я уверен, что он теперь об этом сожалеет, — его пристальный взгляд увлажнился и стал отдаленным. — Все мы сожалеем уже после того, как что — то сказали или сделали.

Эти несколько слов дорого ему стоили. Его дыхание стало поверхностным, как будто он боролся за каждый глоток воздуха.

— Сейчас станет легче, — пробормотала Фэллон, поглаживая рукой его руку, понимая, что мистер Коллинз говорил не о человеке, который, как она сказала ему, оставил ее убитой горем. Он говорил о себе. Неоднократно он говорил о прошлом с раскаянием.

И в тех случаях она знала, что подразумевается Доминик. Нелепо, что они говорили об одном и том же человеке.

Он пошевелил губами, проворчав:

— Продолжай читать.

Снова взяв книгу, девушка нашла нужную страницу, заметив, что ее пальцы дрожали. Его слова сделали это. Мысли, воспоминания затапливали ее. Не сейчас. Не думайте о нем сейчас.

Время, проведенное с мистером Коллинзом, только усилило ее мысли о Доминике. Она видела его повсюду. Мальчика, бегающего по залам этого огромного мавзолея. В Вэйфилд — парке. В серых глазах его деда. Она чувствовала себя виноватой. Виноватой в том, что была в этом доме. С его дедом. Виноватой в том, что нашла мир с человеком, к которому Доминик

не мог даже приехать. Мир, который принадлежал ему, даже если он был слишком упрям, чтобы требовать этого.

И все же в некотором роде она чувствовала, что она делала это для Доминика. Будучи с его дедушкой, когда он не мог. И не будет.

Доминик. В течение дня он поймет, что он должен был быть здесь. Возможно, его бы утешило, если бы он знал, что она была здесь.

Тишину дня нарушил стук копыт, нараставший от слабого эха до сердитого грохота. Взгляд мистера Коллинза скользнул в направлении окна. Она встала со стула и раскрыла дамасские портьеры. Ее сердце затрепетало в груди при виде высокой фигуры, спрыгивающей с лошади. Даже издалека, она узнала бы его. Он шел по дороге. Кончики его слишком длинных волос касались воротника жакета

Этого не может быть. Он не отважился бы приехать сюда.

Ее рука скользнула к горлу, пальцы задели бешено пульсирующую сонную артерию.

— Нет.

— Мисс О'Рурк.

Фэллон опустила занавески, услышав свое имя. Повернувшись, она попыталась улыбнуться мистеру Коллинзу. Паника и радость боролись в ней. Она сделала несколько шагов в одну сторону, затем в другую, в полной растерянности, куда бежать.

Звук шагов раздался с наружной стороны двери, соответствуя громоподобным ударам ее сердца. Неспособная ответить, она отступила вглубь комнаты. Девушка спиной ударилась о ширму, и только она быстро нырнула за нее, дверь распахнулась.

В щелку ширмы Фэллон видела, что он стоял там. Это казалось невозможным. Его тело заполнило комнату, широкие плечи распирали прекрасно скроенный жакет. Все вокруг как — то сжалось. Ее пальцы покалывало, вспомнив ощущение тепла его тела под рукой.

Доминик. Ее грудь напряглась. Ей не хватало воздуха, желудок рухнул вниз. Она уже смирилась с тем, что любит его. И не имеет. Она еще не поняла, что любовь причиняет боль. Всегда причиняет боль. С каждым разом все больше, когда она видела его. Знала, что они никогда не будут вместе.

Доминик вглядывался в съежившуюся фигуру деда под стеганным одеялом на массивной кровати. Будучи ребенком, Доминик запомнил деда высоким, пугающим в черном тонком сукне. Эта картинка из прошлого противоречила реальности.

Воздух в комнате был душным, несвежим. Лампа горела на ночном столике, но давала очень мало света в комнате.

— Доминик.

Слабый голос поразил его. Почти также, как использование его имени, а не одного из обычных обозначений его деда. Последний содомит. Дьявол. Сатанинское отродье.

Доминик приблизился к кровати и всмотрелся в восковое лицо, едва узнавая, настолько изменилось оно с его последнего посещения. Впалые щеки задвигались, когда старик заговорил.

— Я рад, что ты приехал. Я ждал... — его голос исказился.

Напряженность связывала его плечи узлом. Он вспоминал слова, которые он швырял в него во время последнего посещения. *Моя последняя надежда на спасение твоей бессмертной души — это увидеть тебя в здравии и хорошо устроенным. Мне не будет спокойно на небесах, пока ты не сделаешь все как надо.*

Теперь дед смотрел на него, уже не ожидая, что Доминик исправится.

Присаживаясь на кровать, он был готов к любому язвительному выпадку деда, зная, что он выдержит это. Ради Фэллон. Для нее имело значение, на что он здесь решился. Когда он найдет ее, он расскажет ей об этом. Он найдет силы избавиться от прошлого, чтобы идти дальше и быть достойным ее.

— Я так старался помешать тебе стать грешником, каким был твой отец. Хронический игрок... до самой смерти. Всю жизнь был бабником. Я не хотел, чтоб ты превратился в такого человека, как он. Он уничтожил мою девочку. Совратил ее, а затем разбил ей сердце. Все равно, что убил ее.

Он медленно покачал головой, лежащей на абсолютной белой подушке.

— Я не собирался позволять тебе быть таким, как он, — остановившись передохнуть, он добавил, — я пытался. Единственным способом, который знал. Возможно, я был слишком тверд. Возможно, я был неправ, доверяя миссис Пирс... Его голос прервался, и он снова покачал головой.

— Я должен был уволить ее. Теперь я знаю это. Я сожалею, Доминик.

Доминик смутился под взглядом деда, в горле встал горячий ком, кожа покрылась мурашками. Он уставился на тонкую руку на кровати близ его собственной. Рука выглядела трогательно маленькой. И человек... человек не имел никакого сходства с холодной отдаленной тенью его юности. Доминик приехал сюда напряженным и готовым к привычным обвинениям, которые свалятся на него. Он готов был ощутить старую ненависть.

Но это тоже ушло. Испарилось, как дым на ветру. Доминик чувствовал только потерю. Сожаление от того, что, возможно, было бы..., но теперь он никогда не узнает.

Но, возможно, он еще сможет иметь это. С Фэллон.

Он осторожно положил свою руку на тонкую кожу руки деда. Невероятно, он услышал, как сказал: «Мне жаль, что у нас не было времени, чтобы начать сначала».

Заскрипела половица, и Доминик одним быстрым движением поднялся и обернулся. Его пристальный взгляд наткнулся на фигуру, скрытую тенью.

— Кто там? — потребовал он, униженный, что кто — то стал свидетелем близкой беседы.

— Простите меня.

Женщина ступила ближе, ее шепот поднял волну знакомой нежности в его измученной душе. Она вышла из тени и на лицо упал свет лампы.

— Фэллон.

Он выдохнул ее имя, грудь сдавило.

— Я не хотела подслушивать.

Слова вылетели в возбужденном порыве, руки переплелись вместе перед ней.

— Ты вошел в комнату, и я запаниковала, — она показала на ширму. — Когда ты начал говорить...

Фэллон резко остановилась. Даже во мраке комнаты он увидел, как краска прилила к ее щекам. Она долго смотрела на него ищущим пристальным взглядом.

— Мои извинения.

Она выбежала из комнаты, широкие юбки со свистом обвилились вокруг ее лодыжек. Юбки цвета абрикоса, подумал он в гробовой тишине. Он когда —нибудь видел ее в цветной одежде?

Он снова произнес ее имя, глядя на открытую дверь, через которую она сбежала. Вопросы теснились в голове. Что она делала здесь? В этом доме? С его дедом?

Скрипучий голос его деда прорвался сквозь мысли.

— Значит это был ты.

Доминик повернулся и посмотрел вниз, на кровать, в такие же, как у него, глаза. Не раздумывая, он кивнул.

— Да.

— Я должен был предположить.

Его позвоночник напрягся.

— Почему это?

— Девочка лечила разбитое сердце. Она сказала, что ты не любишь ее, что ты не можешь любить.

— Я могу, — отчаянно сказал он, чувствуя себя оспариваемым, отрицаемым, и это ему как не нравилось. Тем более что он почти сразу понял, как только позволил Фэллон уйти из его жизни, что она должна вернуться. В его голосе послышалась резкость, и он сглотнул, чтобы улучшить тон. — И я буду.

— Тогда иди, — голос деда окреп, и чуть громче он добавил — У вас еще есть время.

Слова с силой ударили его в грудь, окрыляя его. Снова кивнув, он вышел из комнаты. Сначала шагом, а потом побежал.

Фэллон остановилась на нижних ступенях лестницы, проклиная свою злую долю при виде улыбающегося лица преподобного Симмонса, излучающего удовольствие от встречи с ней.

— Мисс О'Рурк, как приятно вас видеть! Вы сейчас разговаривали с нашим несчастным мистером Коллинзом?

Тут его лицо, излучающее удовольствие, вытянулось, принимая соответствующий ситуации огорченный вид, при этом он цокал языком.

Фэллон кивнула, спускаясь в холл, ее сердце билось слишком быстро, как у загнанной лошади, чтобы отвечать связной речью.

Доминик. Она с силой провела рукой по лицу, с отвращением отмечая, как она дрожит. Что он здесь делает? Это было последнее место, где он когда — либо появился бы, учитывая его отношения с дедом. А она ведь чувствовала себя совершенно безопасно в Вэйфилде — последнем месте, где он хотел быть. И все же он был здесь. Наверху. С тем самым человеком, кого больше всего ненавидел, проявляя доброту, говоря такие слова, каких она никогда не думала услышать из его уст.

— И как себя чувствует джентльмен?

Девушка встряхнула головой, поднимая взгляд на молодого викария и пытаясь сосредоточить на нем внимание.

— Неважно. Он борется.

— О, но он наделен крепким телосложением, — священник покачал белокурой головой.

— Сейчас он уже слишком долго пытается быть сильным.

Он взял девушку за локоть и наклонился вперед, как будто чтобы доверить ей какой — то огромный секрет:

— Я полагаю, что ваше появление в жизни нашего больного возродило его, — карие глаза преподобного потеплели, когда он бродил взглядом по лицу Фэллон. Пальцы викария чертили маленький круг на внешней стороне предплечья девушки. — В вашем обществе многие угасающие души почувствовали бы себя бодрыми и обрели бы снова волю к жизни.

— Зубы Господни, женщина!

На одно мучительное мгновение Фэллон прикрыла глаза, одновременно и узнавая этот глубокий голос и морщась от его выбора слов. И это в присутствии местного священника — ни больше, ни меньше.

— Всякий раз стоит мне только отвернуться, какой — нибудь мужчина лапает тебя. Ты не можешь попытаться проявлять должную благопристойность?

Фэллон обернулась и гневно сверкнула глазами на Доминика: все угрызения совести оттого, что она случайно услышала его очень личную и долгожданную речь к его деду, исчезли от этих грубых слов.

— Лекция о пристойности от тебя?

Серые глаза мужчины вспыхнули, сверкнули чем — то, похожим на... восхищение?

— Мы не меня сейчас обсуждаем.

— Стыда у тебя нет, — прошипела девушка, жгучая обида опалила ее лицо.

— Кем бы вы ни были, сэр, могу заверить, что я не лапал мисс О'Рурк, — несмотря на свои слова, мистер Симмонс отдернул ладонь от ее руки, как будто обжегся. Он развернул

узкие плечи, вытягиваясь в полный рост, благодаря чему его глаза оказались лишь на уровне ее подбородка.

— Мисс О'Рурк... — преподобный остановился, чтобы с негодованием взглянуть на Доминика. — Фэллон. Кто этот человек?

— В первый раз вы сказали правильно. Для вас она — мисс О'Рурк, — Доминик хлестнул мужчину мимолетным взглядом, а затем вновь посмотрел на Фэллон и взял ее за руку. Его теплые пальцы сомкнулись вокруг ее — твердо и неотступно, как тиски.

Глядя друг другу в лицо, они погрузились в совершенное безмолвие. Мистер Симмонс и целый мир исчезли на долгое время, когда их взгляды встретились и переплелись. Кровь стучала в ее ушах ревушим гулом, когда она потерялась в мрачной серой пучине — радужка его глаз была окружена особенно темной синей каймой. Затем он моргнул. И мгновение закончилось так же внезапно, как и началось.

Прежде чем девушка могла бы высвободить свою руку, он, не говоря ни слова, выволок ее из холла. Она бросила беглый взгляд за спину. Бледное, ошеломленное лицо преподобного выглядело почти забавно. Почти. Она могла бы выдавить улыбку, если бы не то самое, такое настоящее ощущение руки Доминика, сжимающей ее пальцы, или не легкий трепет от жара, что полыхнул в ней при прикосновении, напоминая мгновенной вспышкой все, что произошло между ними. Все, что она пыталась было оставить позади.

Он потащил ее за собой в какую — то гостиную, которую она никогда прежде не видела. Это было не так уж и удивительно. За свое недолгое пребывание в Вэйфилд — Парке ей едва ли пришлось увидеть все в огромном парке при доме или рассмотреть все бесчисленные комнаты. Мистер Коллинз с трудом вставал, чтобы проводить экскурсии.

Комната была чудесной. Вся желтая и кремовая с легкими вкраплениями голубого. Белые в полоску цвета слоновой кости портьеры были раздвинуты, чтобы пропускать полуденное солнце внутрь. Она бы провела больше времени, чтобы полюбоваться этой солнечной гостиной, если бы не герцог, оттеснявший ее до тех пор, пока она не оказалась прижатой к фортепиано, если бы не его тело — огромная стена жара перед ней.

— Что ты здесь делаешь? — потребовал он ответа, безжалостно сверля ее взглядом.

— Лорд Хант предоставил мне коттедж своей старой няни. Рядом со старой мельницей к востоку от Литтл Сомс. Он был свободен последние...

— Ты здесь живешь? — мужчина жестом как будто пытался проткнуть пол. — Он послал тебя жить здесь?

— Ну... не здесь, — девушка неуверенно обвела рукой комнату. — Неподалеку.

Тут Доминик вдруг улыбнулся, и она почувствовала, как будто кто — то вытолкнул ее из очень темного помещения вновь на теплый солнечный свет.

— Не знаю, поблагодарить мне его или поколотить при следующей встрече.

От этой улыбки ее желудок затрепетал. За то время, что она его знала, он так редко улыбался без насмешки или без похоти — она будто незнакомца увидела. С такой улыбкой он представлял большую угрозу, чем когда — либо ранее. Был гораздо более опасным, чем тот распутный герцог, каким она его поначалу считала.

— Фэллон, — шепнул он, поднимая руку, чтобы отвести локон с ее лба. Она противилась порыву прижаться к его руке, податься вперед вслед за его прикосновением. Было бы так просто сдаться, если бы она разрешила себе уступить всему тому, чему она сопротивлялась, убегая.

Бегство. Девушка тряхнула головой — ее необузданной натуре не нравилось это

определение. Она не бежала. Она просто жила дальше своей жизнью. Той, в которой не было место ни для него, ни для жалкой роли любовницы, что он предложил ей — едва заметный уголок его мира.

Неважно, насколько она любила его, она не могла ради него отказаться от себя.

Но что если он изменился? — шептал тихий голос, слегка подталкивая надежду, погребенную в ее сердце. Ее взгляд медленно двигался по его лицу, в горле стоял ком, она вспомнила разговор между ним и его дедом, который подслушала. Давешнее ощущение, что перед ней незнакомец. Совсем не герцог, которого она знала. Он пришел. Говорил, что не придет, и все — таки пришел.

— Фэллон, — повторил он ее имя. Нежность в его взоре совершенно отличалась от всех тех нахальных взглядов и распутных, пустых улыбок, которые он дарил ей в прошлом.

Девушка почувствовала, как что — то беспокойное пробуждается внутри. Надежда. Это, несомненно, опасно для того, кто не имел никаких оснований ее испытывать.

— Нет, — пробормотала она, опасаясь, что на этот раз не сможет уйти от него. Не сейчас. Только не снова. Не тогда, когда он смотрел на нее с лаской во взоре. Не тогда, когда совсем недавно он проявил сострадание, которого она и не ожидала от него.

— Я рада, что ты приехал повидать своего дедушку. Искренне рада, — Фэллон попыталась проскользнуть между мужчиной и фортепиано. — Не буду мешать цели твоего визита.

Его рука поднялись, пленяя и задерживая ее:

— На этот раз ты не сбежишь.

— Доминик, сейчас тебе нужно время, чтобы побыть с дедушкой, а я просто буду в...

— Проклятье! Я приехал вовсе не ради себя.

У Фэллон перехватило дыхание.

— Я приехал сюда ради тебя. Ради нас. Мне нужна... — произнес он хрипло, — ты.

Она снова дышала, возможно, впервые в жизни с тех пор, как умер отец. Она дышала, жила, глубоко вбирая воздух в легкие. Мужчина улыбался, усмешка давалась ему легко, хотя в глазах мерцал проблеск тревоги.

— Даже мой дед согласен с этим.

Грудью он слегка задел перед ее платья, и ее соски под тканью вытянулись, отвердели. Ее захлестнуло, обожгло унижение.

— Ты нужна мне, Фэллон.

Девушка облизнула губы:

— Я не могу... Я не буду твоей любовницей.

Он поймал остаток ее слов ртом. Она застонала, ладонями в одно и то же время отталкивая и притягивая мужчину за жакет. С его поцелуем все снова нахлынуло. Его вкус, его жар. То самое волшебство. Язык Фэллон сплетался с его, когда мужчина наклонил ее над фортепиано.

Она сжимала его плечи, пальцами зарываясь в ткань его жакета, изнывающая, отчаянная, готовая карабкаться на него, забраться внутрь него. Ей было все равно, что твердая древесина вонзается в спину. Она была полностью занята Домиником, ведь его рот как раз прильнул к ее.

Горячие слезы сочились из — под прикрытых век, и в эту минуту она знала: всё, это конец. Она выбыла из сражения. Она любила его. И была согласна быть с ним — на его условиях.

Доминик резко выпрямился, его губы двинулись около ее рта, когда он произнес:

— Будь моей женой.

Фэллон резко отстранилась от его губ, в тишине ее затрудненное дыхание, казалось, разрывало воздух. Ладони ее гладили его широкую грудь.

— Что?

Он снова улыбнулся той самой улыбкой, и на этот раз в его глазах мерцало лишь горячее желание. Пальцы ее ног сжались.

— Я не хочу потерять тебя. Хочу провести каждый день до конца жизни с тобой. Когда я думал, что могу никогда не увидеть тебя снова... я чувствовал больше, чем предполагал, что смогу когда — либо почувствовать.

Его руки сжались, держа девушку.

— Мне было плохо, Фэллон. Я мучился, — он остановился, медленно закрывая глаза. — Это просто. Без тебя мне больно. С тобой... — он тряхнул головой и наклонился за следующим поцелуем.

— Но брак? Ты ведь герцог.

Его губы изогнулись в усмешке.

— Я знаю. Надеюсь, ты не собираешься обернуть это против меня?

Девушка фыркнула, и медленная улыбка расплылась по ее лицу. Она понимала, что прежде всегда так и поступала — чувствовала неприязнь к нему и любому другому лорду из одного только принципа.

— Да, но я... — ее голос затих в неуверенности, кто же она теперь. Не служанка. Больше не тень, блуждающая по коридорам Пенвича, ожидая проблеска солнечного света, страстно мечтая о месте, которое могла бы назвать домом.

— Женщина, которую я люблю, — закончил он за нее. Девушка почувствовала, что ее глаза широко распахиваются, когда он продолжил:

— Остальное не важно.

— А ты — мужчина, которого я люблю.

Он обхватил ладонью ее щеку, мозолистыми подушечками пальцев интимно потирая ее кожу:

— Это важно.

Она рассмеялась: услышанное было необыкновенно освобождающим и воодушевляющим.

— Ты всегда хотела свой дом, Фэллон. Я дам тебе его. Любое здание на твой вкус. Ведь мне, черт возьми, все равно, где жить, пока ты моя, — он обвел рукой комнату. — Здесь. В Лондоне. В твоём коттедже. Или я построю для тебя дом твоей мечты где угодно, — он нежно встряхнул ее. — Просто скажи «да».

Да. Да. Да.

Она обхватила ладонями его лицо, держа его так, будто он для нее был самой большой ценностью в мире. Удивительно, но так и было. Все, о чем она никогда не смела мечтать. Голубая кровь. Распутник. Демонический герцог.

— Дом — это не просто постройка, — она прочно усвоила этот урок в последние несколько недель. — Дом там, где ты. Я люблю тебя и могу жить на конюшне, в любой лачуге, пока ты будешь рядом.

Мужчина усмехнулся:

— На конюшне, значит? Ты требуешь немногого.

Фэллон слегка коснулась губами его губ, улыбаясь, искушая, обещая.

— Не обманывайся. Я требую очень многого... всего. Тебя.

— Я твой, хотя, боюсь, ты скоро убедишься в том, что это ни в какое сравнение не идет с тем, что получу я.

Его руки сжимали ее, а девушка думала, что его объятья никогда не покажутся ей чересчур крепкими.

— Нет, Доминик. Ты — это всё. И ты — мой.

— Вот ты где, — Фэллон остановилась и уперла руки в боки, глядя сверху вниз на мужа, развалившегося под огромным дубом; свет угасающего дня погружал его в соблазнительную тень. — Что ты здесь делаешь? Я тебя везде ищу.

Доминик улыбнулся ей той самой порочной улыбкой, которая все еще заставляла слабеть ее колени. Он приподнялся и потянул ее на себя. Его пристальный взгляд, казалось, оставлял жаркий след на супруге, растянувшейся рядом. Он опустил палец в лиф ее платья, царапая тело шероховатым ногтем.

— Ты прекрасно выглядишь.

Дыхание Фэллон прервалось, и она легонько шлепнула его по руке.

— Мы же опоздаем.

— Может, лучше останемся здесь? — он похлопал по мягкой траве. — Такая чудесная ночь.

— Здесь? В саду?

— Ммм... — он придвинулся ближе, дыханием соблазнительно дразня ее ухо. Даже после двух лет брака он все еще действовал на нее ошеломляюще.

— Я думала, ты хотел пойти. Это же важная ночь для Этана. Для...

— Он не станет скучать по нам.

Фэллон надула губки, разглаживая пальцами красный атлас платья.

— Я так хочу покрасоваться в своем наряде, ведь прошла целая вечность с тех пор, как мы куда — то выезжали.

Доминик перекатился на жену, его глаза были так горячи и голодны, что она вдруг забыла о платье, как и о том, что он помял его.

— Как ни сногшибательно платье, я предпочитаю тебя без него.

Нагнув голову, он поцеловал ее глубоко и всепоглощающе, а потом поцелуй резко оборвался из — за внезапного плача младенца. Взгляд мужчины метнулся к окну детской.

— Доминик? — подозрение укрепилось в ней, когда она взглянула в тревожно сверкнувшие глаза мужа. — Так вот ты здесь для чего! Шпионишь за малышкой?

Все еще не сводя глаз с окна детской, он поспешно спросил:

— Думаешь, с ней все в порядке?

Фэллон посмотрела вверх. Вскоре комнату наполнил свет, и тень няни промелькнула в окне.

— Да, Доминик. Я уверена, все отлично. Ведь с ней мисс Читвуд.

Он насупился:

— Но что мы о ней знаем?

— У нее превосходные рекомендации.

Он что — то буркнул.

— И мне она нравится.

Его плечи опустились, и он робко улыбнулся:

— Ты думаешь, я веду себя как идиот?

Фэллон дотянулась рукой до его щеки, сердце ее переполнялось любовью к мужу, к их семье.

— Я думаю, ты ведешь себя как отец. Самый — самый, превосходный отец.

Вновь устраиваясь под деревом, она жестом пригласила мужа присоединяться.

— Нас еще много раз пригласят на званые вечера.

Усмехнувшись, он устроился рядом с ней с глубоким вздохом удовлетворения. Она чувствовала, как этот вздох проникает внутрь нее, согревая сердце.

Лепет и довольные причмокивания их дочери наполняли воздух. Фэллон запустила пальцы в волосы Доминика:

— Не могу придумать лучшего способа провести вечер.

— Лежа здесь и наблюдая за окном нашей дочери?

— Нет, лежа здесь с тобой, наблюдающим за окном нашей дочери.

Больше книг на сайте — Knigolub.net